

УДК 297 (470)
ББК 86.38
М18

Рецензент кандидат исторических наук А. А. Ярлыкапов

Редактор А. И. Иоффе

Russia and Islam.

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>.

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Малашенко А.

М18 Ислам для России / Алексей Малашенко ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 192 с., ил.

ISBN 978-5-8243-0888-4

Книга посвящена отношению к исламу в российском обществе. Рассмотрены разные аспекты этой темы: политика власти, позиция Русской православной церкви, проблемы, связанные с мусульманами в армии. Сделана попытка проанализировать соответствующий контекст в литературе, кино, Интернете. В последней главе рассмотрены «исламские» мотивы внешней политики России.

УДК 297 (470)
ББК 86.38

ISBN 978-5-8243-0888-4

© Carnegie Endowment for International Peace, 2007
© «Российская политическая энциклопедия», 2007

Содержание

Об авторе	5
Введение	7
Глава первая. Ислам в России каков он есть	10
Количество и разнообразие	11
Обретение полноценности	14
Игра в политику	23
Ислам в оппозиции	30
Традиция versus современность	37
Ислам и государство	42
Глава вторая. Каким нам видится ислам	52
Contra et pro	55
Ислам глазами читателя и зрителя	62
Листая книжные страницы	65
Vox populi из Интернета	77
Политики об исламе	83
Глава третья. Государство и ислам	92
От христианизации к «коммунизации»	92
Учет и контроль	96
Губернаторы, президенты и ислам	103
Государство и исламская оппозиция	110
Армия	121
Триалог	125
Глава четвертая. Ислам и внешняя политика	135
На вечном перекрестке	136
Лицом к лицу с исламом	138
Исламизм как угроза	141
Россия как посредник	147
Долгая дорога в ОИК	155
Нефть	162
Оружие	167
Заключение. Что впереди?	177
Библиография	180
Summary	186
О Фонде Карнеги	190

Table of Contents

About the author	5
Introduction	7
Chapter One. Islam as It Is in Today's Russia	10
Quantity and Diversity	11
Achieving Full Status	14
Playing Politics	23
Islam in Opposition	30
Tradition versus Modernity	37
Islam and the State	42
Chapter Two. Islam as We Perceive It	52
Contra et Pro	55
Islam through the Eyes of the Reader and Observer	62
Leafing through the Pages	65
Vox Populi from the Internet	77
Politicians on Islam	83
Chapter Three. The State and Islam	92
From Christianization to "Communization"	92
Accounting and Control	96
Governors, Presidents and Islam	103
The State and the Islamic Opposition	110
The Army	121
Trialogue	125
Chapter Four. Islam and Foreign Policy	135
At the Eternal Crossroads	136
Face to Face with Islam	138
Islamism as a Threat	141
Russia as Mediator	147
The Long Road to the Organization of Islamic Conference ...	155
Oil	162
Weapons	167
Conclusions. What Lies Ahead?	177
Biblyography	180
Summary (In English)	186
About the Carnegie Endowment	190

Об авторе

Алексей Всеволодович Малашенко — доктор исторических наук, профессор, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность». В 1974 г. окончил Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Автор 13 монографий, в том числе: «В поисках альтернативы» (М., 1991), «Islam in Central Asia» (совместно с Л. Р. Полонской, Reading, 1994), «Мусульманский мир СНГ» (М., 1996), «Исламское возрождение в современной России» (М., 1998), «Исламские ориентиры Северного Кавказа» (М., 2001), «Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России» (совместно с Д. В. Трениным, М., 2002), «Russia's Restless Frontiers: The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia» (совместно с Д. В. Трениным, Washington D.C., 2003), «Исламская альтернатива и исламистский проект» (М., 2006).

Введение

Рецензент упрекнул меня, что название книги звучит непонятно. Что значит «для России»? Объясню. Речь об отношении к исламу в российском обществе, о том, что хотят от ислама и мусульман российские власти, истеблишмент, который рассматривает их одновременно и как способный на самостоятельные действия субъект, и как объект внутренней и внешней политики, которым можно манипулировать.

Власть хотела бы «приручить» ислам, сделать его более умеренным, совместимым с государственной политикой. Во-первых, государство добивается от мусульман политической лояльности. Во-вторых, оно устанавливает контроль над религиозной и религиозно-политической деятельностью. В-третьих, пресекает любую оппозиционную деятельность под лозунгами ислама. Речь идет об исламистах, которых в России принято именовать «ваххабитами», но не только о них.

Кстати, исламские радикалы от политики и религии никуда не исчезнут. Ни в России, ни в остальном мире. Корни этого явления остаются. Выкорчевать полностью их никогда не удастся. Отсюда вывод: одним мечом действовать нельзя. Такой ислам не поддается управлению, его адепты поступают в соответствии с собственной логикой, чувствуя за собой если не поддержку, то симпатию значительной части общества. Они прекрасно умеют пользоваться лозунгами социальной справедливости, критиковать коррупцию, жуликоватость официального духовенства. И все это подавать в ясной и понятной религиозной оболочке.

Лояльность мусульман к власти не безгранична. Они видят двойственное отношение светских политиков к исламу, распространившееся отождествление всего ислама с экстремистским направлением в его идеологии. Их раздражает активность, проявляемая в политике Русской православной церковью, ее усиливающиеся по всем направлениям амбиции.

В российском обществе нарастает ксенофобия, частью которой является неприязнь к исламу. Нельзя сказать, что сегодня она достигла критического уровня. Однако, с другой стороны, динамика роста исламофобии такова, что она уже достаточно устойчиво вписалась в сознание значительной части населения. Этому способствуют как внутренние конфликты в России, име-

ющие привкус межконфессиональной напряженности, так и международная обстановка. В российском обществе международный терроризм — синоним терроризма исламского.

Для правящих кругов терроризм становится удобным инструментом, помогающим проводить в стране угодную им внутреннюю политику. Борьба против терроризма — это убедительный предлог для укрепления авторитарных черт системы, давления на оппозицию, ограничения свободы средств массовой информации. Так что исламский радикализм очень удачно подходит в качестве образа врага, как действующего непосредственно внутри страны, так и пытающегося дестабилизировать ее извне.

Одним из важных векторов внешней политики России остается мусульманский мир. И здесь прослеживаются два подхода: отношение к мусульманскому миру как к единому цивилизационному сообществу и взаимодействие с конкретными государствами в соответствии с обоюдными практическими интересами. Курс России на мусульманском направлении неоднозначен. Его можно назвать противоречивым, но за ним следует признать и прагматичность.

Отношения с мусульманским миром дороги для России тем, что здесь она имеет возможность проявить самостоятельность. У Москвы особое мнение по поводу Ирана, Сирии, Палестины, Узбекистана. В Кремле считают, что «особая» позиция способствует ее авторитету как на Западе, так и на мусульманском Востоке (точнее, Юге).

Россия не участвует в предложенном Соединенными Штатами «большом модернизационном проекте» по демократизации мусульманского общества и сотворению «иного облика ислама». Его считают бессмысленным и даже опасным. Конечно, российские политики поддерживают европейцев и американцев в их стремлении очистить ислам от излишнего радикализма. Но если Запад призывает к обретению «нового ислама», то в России хотели бы видеть «старый», традиционный ислам, главным достоинством которого было восстановление утерянных и полузабытых при советской власти ценностей, обретение которых станет барьером на пути его оппозиционности.

Борясь против религиозного радикализма у себя дома, поддерживая своих партнеров в ближнем зарубежье, Москва сотрудничает с силами, идеология и практика которых являются откровенно исламистскими и обнаруживают экстремистские мотивы. Речь идет об Иране, о победившем на выборах 2006 г. в Палестине Движении исламского сопротивления (ХАМАС).

Официальная позиция по отношению к исламу и мусульманскому миру в какой-то степени отражает представления, существующие в российском обществе, в котором страх перед «исламской угрозой», раздражение против мигрантов-мусульман сочетаются с общей конфессиональной терпимостью и симпатией к радикалам, бросающим вызов Западу.

Важность ислама для внутренней и внешней политики России непреходяща. Вопрос в том, насколько правильно власти удастся выстроить свою «исламскую» политику, направив ее на благо национальных интересов страны.

Глава первая

Ислам в России каков он есть

Каков ислам в России? С каким исламом имеют дело ее общество, ее власть?

Численность мусульманского населения в стране согласно переписи 2002 г. составила 14,5 млн человек. К 2006 г. количество мусульман превысило 15 млн. Но это без учета легальной и нелегальной миграции. Добавив к гражданам Российской Федерации 1,5—2,0 млн азербайджанцев («по самым скромным оценкам — 1,5 млн»¹), а также более 2 млн выходцев из Центральной Азии (душанбинские эксперты утверждают, что только таджиков России 1 млн²), получаем примерно 20 млн. На этой цифре настаивают духовные лидеры мусульман³, на нее в оценочном порядке ссылается президент Владимир Путин. В общем число мусульман колеблется в диапазоне 12—18 млн⁴. Дискуссия об их количестве в России стала бесконечной. По моему мнению, она бесплодна, поскольку увеличение или уменьшение их числа на 2—3 млн никак не влияет на анализ проблем российского ислама (как говорил персонаж известного романа, «торг здесь неуместен»). При всем том замечу, что в XX в. соотношение православных и мусульман постоянно менялось в пользу последних: если в 1926 г. оно составляло 16 : 1, то в 1999-м — уже 10 : 1⁵. Мусульман в стране становится все больше.

Кого можно считать мусульманином? Если исходить из того, что им является только тот, кто регулярно совершает предписанные исламом обряды и запреты, то таковых, по разным оценкам, окажется всего 8—9 млн⁶ (а по некоторым оценкам вообще от 2 до 3 млн). Кстати, по данным мусульманской печати, 90% считающих себя мусульманами не посещают мечети⁷. Все же главное — не ригористское следование религиозным нормам, но самоидентификация человека, а также та конфессиональная среда, в которой он сформировался. И потому можно сказать: считаешь себя мусульманином — будь им. Коли так, то число в два десятка миллионов близко к истине.

Количество и разнообразие

Наше мусульманство состоит из двух ареалов — татаро-башкирского и северокавказского. Татары, крупнейший мусульманский этнос (5,5 млн), компактно проживают в Татарстане и Башкирии, а также в некоторых областях Поволжья, Южного Урала и Сибири. Вообще же они рассеяны по всей стране. Вторые по численности башкиры насчитывают 1,6 млн. Не исключено, однако, что вторым по численности мусульманским народом России могут де-факто оказаться азербайджанцы, которых по разным подсчетам насчитывается от полутора до двух миллионов. В некоторых регионах Севера, Северо-Запада, Дальнего Востока они составляют 25—40% общего числа мусульман.

Самый многочисленный мусульманский народ Северного Кавказа — чеченцы. Их 1,3 млн, из которых, по неофициальным источникам, свыше 800 тыс. обитают в самой Чечне (по данным Госкомстата России, на 2001 г. в Чечне проживало 603,4 тыс. человек⁸). Общее же количество мусульман в Северокавказском регионе — примерно 6 млн человек.

В семи субъектах Федерации мусульман большинство: в Ингушетии — 98%, в Чечне — 96%, в Дагестане — 94%, в Кабардино-Балкарии — 70%, в Карачаево-Черкесии — 63%, в Башкирии — 54,5%, в Татарстане — 54%. Значительное их число проживает в Адыгее (21%), Астраханской области (26%), Северной Осетии (21%), Оренбургской области (16,7%), Ханты-Мансийском АО (15%), Ульяновской (13%), Челябинской (12%), Тюменской (10,5%) областях, Калмыкии (10%)⁹.

Отдельно о Москве: количество мусульман в столице составляет примерно 1,5 млн, а если судить по словам мэра Юрия Лужкова и председателя Совета муфтиев России шейха Равиля Гайнутдина, достигло 2 млн (гуляют и фантастические слухи, будто в московском мегаполисе обитают 2 млн азербайджанцев, 1 млн татар — мнение председателя Мосгордумы Владимира Платонова — и примерно 1 млн мигрантов из Центральной Азии). И это при том, что по итогам переписи суммарное количество правоверных, принадлежащих к мусульманским этносам, колеблется вокруг 400 тыс.!

В последние годы распространилась идея мусульманской демографической «угрозы», даже грядущей вскоре «исламизации России». Чаще всего об этом рассуждают националистически настроенные политики, естественно, журналисты, а также кое-кто из писателей. Да, на фоне общего сокращения населения

страны примерно на 900 тыс. человек в год¹⁰ количество мусульман в абсолютном и процентном отношении возрастает. Наибольший рост наблюдался с 1989 по 2003 гг. у кавказских народов: у ингушей — 91%, у кумыков — 52%, у даргинцев — 44%, у аварцев — 39%, у кабардинцев — 34%. Но даже самые крупные кавказские этносы исчисляются всего лишь сотнями тысяч. У татар за тот же период прирост ограничился 36 тыс. человек¹¹. Так что общие демографические показатели не дают оснований говорить о грядущей исламизации России.

Другое дело, если посмотреть на миграционные потоки с Северного Кавказа, выносящие в города Центральной России десятки тысяч молодых мусульман. В таких регионах, как Большая Москва, Астраханская, Волгоградская области, Ставропольский и Краснодарский края, удельный вес мусульман растет сравнительно быстро, и это демографическое движение в глазах коренных жителей выглядит агрессивным. По неофициальным данным (которые в России всегда точнее официальных), в Новосибирске 200 тыс. мигрантов, в Оренбурге — 300 тыс.¹² Ростовский политолог Лариса Хоперская утверждает, что за последние десять лет на Кубань прибыло около миллиона мигрантов, при этом стремительно растет число выходцев с Кавказа и из Центральной Азии¹³. И тут этноисламский компонент иногда приводит к немалым осложнениям.

Российское мусульманство полиэтнично (ислам исповедуют 38 коренных народов России) и мультикультурно. Каждый из двух упомянутых выше больших ареалов имеет свои конфессиональные традиции, историю, по-разному складывались их отношения с центром. По версии председателя Совета муфтиев России главного имама Московской соборной мечети Равиля Гайнутдина, мусульман России можно подразделить даже на три группы в зависимости от региона проживания. Первая — отдаленные от центра Сибирь, Дальний Восток, вторая — центральные районы (Поволжье, Урал, Москва и т. д.), третья — Северный Кавказ¹⁴.

Татары глубже встроены в российское общество. Пик их кризисных отношений с центральной властью пришелся на иную, удаленную историческую эпоху — XVI—XVIII в., тогда как в исторической памяти кавказских народов хранятся войны XIX, XX и даже XXI вв. Президент Татарстана Минтимер Шаймиев подчеркивает, что у татар «...особый менталитет, отличающийся от среднеазиатского и кавказского. Даже чисто внешне татары (и, по моему личному мнению, башкиры. — А. М.) выглядят

больше как европейцы». И еще одно признание Шаймиева: «Хотим или не хотим, конфронтация между исламом и христианством сегодня в мире есть. А у нас другой опыт»¹⁵.

Северный Кавказ сохраняет приверженность традиции как никакой другой регион европейской части России. Более исламизированной является его восточная часть — Дагестан, Ингушетия, Чечня, менее — запад региона. Правда, в последние пять-шесть лет влияние ислама возросло и там. Специалисты подразделяют Северный Кавказ на два, а то и четыре субрегиона. Кавказовед Энвер Кисриев полагает, что первым субрегионом является Дагестан, вторым — Чечня и Ингушетия, третьим — Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Адыгея, наконец, четвертым — Северная Осетия¹⁶.

В России нет единой мусульманской общины, а есть два сравнительно слабо взаимосвязанных сообщества. Татарские имамы «не проходят» на Северном Кавказе, кавказцы не выступают в татарских мечетях. Координация между духовными лидерами заметна в основном при решении общих для мусульман задач, поставленных перед ними светской властью. Сложившееся положение вполне устраивает духовенство обоих сообществ. Религиозная солидарность носит ограниченный характер, что, например, проявилось во время первой и особенно второй чеченских войн.

В духовных структурах этих ареалов нет организационного единства. Распад существовавшего при советской власти Духовного управления мусульман европейской части России и Сибири (ДУМЕС), объединявшего татар и башкир, привел к образованию более 40 муфтиятов, т. е. они возникли практически в каждом субъекте Федерации с более или менее заметной мусульманской общиной. Наметилось противостояние между считающим себя правопреемником ДУМЕС Центральным духовным управлением мусульман (ЦДУМ) и Советом муфтиев России (СМР).

Соперничество между двумя структурами ведется, во-первых, за влияние на паству, а во-вторых, за право представлять мусульман перед центральной властью, перед президентом страны. В итоге верх одерживает СМР, который (правда, по его собственным данным) объединяет 80% из 6 тыс. общин правоверных (в это число входят как зарегистрированные, так и незарегистрированные общины). И хотя в последние два-три года большинству татарских муфтиев удается договариваться между собой и выступать с единым мнением по ключевым проблемам,

интеграционная тенденция в обозримом будущем вряд ли приведет к формированию единой структуры.

На Северном Кавказе, несмотря на создание в 1998 г. Координационного центра мусульман Северного Кавказа, духовенство республик ориентируется на местную светскую власть. Нигде за исключением Дагестана национальные муфтияты не являются силой, способной оппонировать власти и принимать самостоятельные решения. Административно-этнический принцип их формирования исключает создание централизованной дееспособной структуры. И если когда-нибудь федеральная власть рискнет выстроить в регионе «исламскую вертикаль власти», то это обострит отношения внутри духовного истеблишмента, а также между религиозными авторитетами и администрацией.

Обретение полноценности

Процессы, начавшиеся в мусульманской среде в канун распада СССР и в первое десятилетие новой России, специалисты (и в том числе автор этих строк) называют «возрождением ислама»¹⁷. Иногда используется термин «реисламизация». С этим не совсем согласны некоторые имамы, богословы, идеологи российского мусульманства, считающие, что ислам никогда не умирал, и поэтому говорить о его возрождении некорректно. Правильнее, с их точки зрения, говорить об усилении религиозного начала в сознании людей, о восстановлении роли ислама в обществе или о «легализации ислама»¹⁸. Различия в трактовке не носят принципиального характера, поскольку речь идет об одном и том же феномене, которой можно также назвать восстановлением «полноценности» ислама.

Говоря об исламском возрождении, нельзя забывать и то, что оно во многом творилось сознательно, усилиями «дорвавшейся» до религии советской (постсоветской) интеллигенции, политиков, расчетливо и цинично использовавших ислам для повышения собственной популярности. И тогда для понимания религиозного ренессанса вполне подходит конструктивистский подход. Исламовед и политолог из Казани Рафик Мухаметшин признает, что для «подавляющего большинства людей источники религиозных взглядов и верований — средства массовой информации и художественная литература и только для 9 проц. респондентов — непосредственные религиозные источники»¹⁹.

Из чего складывается процесс возрождения-легализации? Первый его компонент не поддается статистическому учету. Речь идет об изменениях в сознании мусульманских народов, где все более прочувствованной становится его религиозная составляющая. Уже в начале 1990-х годов мусульманами считали себя 67% проживавших в разных частях России татар, в 1999 г. верующими назвали себя свыше 70% молодых татар²⁰. На Северном Кавказе показатели еще выше, в Дагестане, Ингушетии и Чечне они приближаются к 100%.

По данным Северо-Кавказского центра Института социально-политических исследований, на вопрос «Какую роль должна играть религия в жизни общества?» 60% чеченцев, 41% ингушей, 30% даргинцев, 27% аварцев, 20% кумыков, 30% карачаевцев, 17% балкарцев ответили, что она должна «определять все сферы общественной жизни». А 21% чеченцев, 31% ингушей, 13% даргинцев, 33% аварцев, 43% кумыков, 34% карачаевцев, 48% балкарцев заявили, что «религия должна оказывать существенное влияние на жизнь общества»²¹.

Реисламизация стимулируется обостренностью этнического сознания, которое в немалой степени подогревается противоречиями между федеральным центром и периферией. Это характерно для Татарстана, где в 1990-е годы к исламу апеллировали националистическая организация «Иттифак» и Милли Меджлис, который в 1996 г. принял программный документ «Татар Кануны», где, в частности, говорилось о необходимости возрождения шариата и джадидизма. В начале 2000-х годов Всетатарский общественный центр (ВТОЦ) поддержал радикально ориентированную мечеть «Йолдыз» (сам ВТОЦ, в свою очередь, пользовался симпатиями тогдашнего мэра Набережных Челнов Алтынбаева)²². И «Иттифак», и Милли Меджлис обращались к исламу «в поисках национально-специфического пути развития»²³.

Доминирует ли в религиозном сознании российского мусульманина чувство принадлежности к исламу вообще или ислам скорее видится в контексте этнической культуры и даже сливается с ней? Опросы, проведенные на востоке Северного Кавказа, выявили, что «просто мусульманами» считают себя 56% аварцев, 50% даргинцев, 43% чеченцев, 41% ингушей, 48% лезгин. Для остальных важнее принадлежность конкретно к «кавказскому исламу», т. е. к шафиитскому или ханафитскому мазхабу или к одному из тарикатов. На западе региона «просто мусульманами» назвали себя 88% адыгов, 94% черкесов, 86% кабардинцев, 80% карачаевцев²⁴.

Что касается Татарстана, то, по данным середины 1990-х годов, 44,6% татарского сельского населения и 33,5% городского считали, что «религия роднит со своим народом», а 41% татар-горожан рассматривают общеисламские праздники как национальные²⁵.

Казалось бы, «просто мусульманин» должен с терпимостью и пониманием относиться к исламу других народов. Однако известно, что мусульманам свойственно отождествлять с «исламом вообще» прежде всего собственную этнокультурную версию, отторгая иные толкования религии, представления о нормах морали, этики. Для российских мусульман, которые на протяжении 70 лет жили изолированно от остального исламского мира, это особенно характерно. Более открыто навстречу новому, непривычному молодое поколение.

Расщепленность религиозного сознания (а следовательно, и идеологии российского мусульманства) в форме неприятия «чужого» ислама и отождествления «своего» ислама с исламом вообще будет сохраняться и даже возрастать. Ее не следует интерпретировать как кризис. Речь идет о неизбежной плюралистичности религиозного мышления, существующей во всем мусульманском мире.

Интересно, что и доля «христиан вообще» в России в первой половине 1990-х годов также выросла с 22% до 52%, т. е. многие верующие, традиционно принадлежащие к православию, также «находятся в мировоззренческом поиске»²⁶.

Так что мусульманскому (и не только) духовенству придется менять отношение к «иному» исламу, вступить с ним в диалог непосредственно на российском конфессиональном ландшафте, а в будущем, возможно, оно столкнется со своеобразным синтезом традиционного и «другого» ислама.

Второй компонент вполне осязаем и заключается в растущем числе мусульманских общин и мечетей. На 2004 г. в России было зарегистрировано 3537 мусульманских общин (на самом деле их значительно больше), что составило 16,3% общего количества (21 664) религиозных общин²⁷. Правда, эта цифра все еще далека от тех 12 тыс., что существовали на территории нынешней Российской Федерации до 1917 г.

Подсчитать точное количество мечетей в России не представляется возможным. Различия в оценках объясняются тем, что в одних случаях называют число зарегистрированных мечетей, а в других — реально существующих. Есть еще молельные дома, т. е. помещения, куда мусульмане приходят, чтобы совершить пятничную молитву и послушать проповедь имама.

Например, в 2000 г. российский министр по национальной политике Владимир Зорин говорил, что в стране открыто 7 тыс. мечетей²⁸. В том же году заместитель председателя правительства России Рамазан Абдулатипов утверждал, что только в Дагестане 5 тыс. мечетей²⁹. Правда, согласно справке «Общие сведения о количестве религиозных организаций в РД» в этой республике было зарегистрировано 1585 мечетей³⁰. Сведения о количестве мечетей в Дагестане разнятся больше, чем где бы то ни было. Оценочные данные колеблются в пределах от 1,8 до 3 тыс. В Чечне 465 мечетей, в Ингушетии — примерно 300.

В Татарстане, по последним данным, свыше 1100 (700) мечетей, в Башкирии — 470, в Ульяновской области — около 160 (50), в Самарской — 60 (41), в Оренбургской — около 80 (75), в Пермской — 78 (33), в Пензенской — свыше 70 (35), в Тюменской — около 70 (35), в Нижегородской — около 60 (35), в Челябинской — 57 (36), в Свердловской — около 40, в Астраханской — 56, в Волгоградской — 16 (в скобках указаны данные на 1997 г.)³¹.

За полтора десятка лет мечети стали типичным признаком социокультурного пейзажа России. Достаточно проехать по Волге, где они, выполненные в самых разных архитектурных стилях, иногда даже в североафриканском, соседствуют с православными церквями (очень часто уступающими мечетям по ухоженности). Внушительные, вызывающее уважение мечети воздвигнуты во многих российских городах. Они сделались приметой городской архитектуры и, что весьма показательно, становятся привычными уличными ориентирами.

Как и повсюду в мусульманском мире, мечеть в России — не просто религиозный храм, но и социальный (социально-политический) центр, играющий заметную роль в общественной жизни района, города, где она расположена.

На пятничной молитве в мечети — будь то в Махачкале, Москве или Казани — обращает на себя внимание обилие внимающих слову имама молодых людей. Совместные молитвы посещают бизнесмены и политики, стремящиеся подтвердить в глазах верующих свою приверженность исламу. В мечетях российские мусульмане слышат близкую их сердцу интерпретацию событий на Ближнем Востоке, вокруг Ирака, Ирана, отношений России с исламским миром.

Обостренное чувство конфессиональной идентичности порождает желание «исламитизировать» окружающую среду — открыть магазины халяльных продуктов, «бутики» с религиозной атрибутикой и литературой, организовать помещения для мо-

литвы на бензоколонках, устроить демонстрации моделей исламской одежды. На Северном Кавказе, в Поволжье процесс реисламизации проходит активно. Это нечто большее, чем просто «мода на религию», как иной раз именовалось исламское возрождение в начале 1990-х годов.

В 2006 г. в Казани состоялся первый всероссийский конкурс красоты среди мусульманок, участницы которого должны соблюдать пятикратную молитву, быть хорошими хозяйками и уметь готовить чак-чак. Победительнице Диляре Садыковой был присвоен титул «самая очаровательная мусульманка». В том же году аналогичный конкурс, но уже республиканского масштаба — «Краса Чечни», — состоялся в Грозном. Его региональный директор Влада Железкова сказала, что в 2006 г. на конкурсе «Краса России» «не будет дефиле в купальниках и других элементов, которые могут задеть чувства жителей некоторых наших регионов»³² (впечатление от конкурса «Краса Чечни» было смазано после показа российскими телеканалами того, как победительницу Замиру Джабраилову осыпал долларовыми купюрами премьер республики Рамзан Кадыров).

В Казани открылось ателье исламской моды «Алтын ай», в Москве — специальный магазин мусульманской одежды. В Татарстане работают курсы, на которых девушек учат быть примерными мусульманскими женами. Аналогичные курсы должны открыться в Уфе. Организована служба знакомств для мусульман. Все чаще мы слышим от имамов и муфтиев хвалу многоженству. От этого не удержался даже такой законопослушный священнослужитель, как Талгат Таджуддин, который считает, что таким образом можно улучшить демографическую ситуацию в стране (очевидно, только среди мусульман)³³.

В Казани проводится Международный фестиваль мусульманского кино «Золотой Минбар» (в 2006 г. в нем участвовали картины из 25 мусульманских стран). А в Москве состоялся конкурс на лучшее произведение об исламе, получивший неофициальное наименование «мусульманский Букер».

По инициативе молодых имамов в Татарстане проводится футбольный турнир на Кубок мухтасибата с участием команд 8 (из 50) казанских мечетей. Планируется проведение спортивных соревнований для женщин-мусульманок. Союз мусульманок Татарстана пытается договориться с руководством одного из бассейнов о выделении «женского дня».

Не обошлось в России и без проблемы ношения женщинами головного платка. Правда, вокруг нее, в отличие от Франции,

особых страстей не наблюдалось. Лишь однажды «платочный вопрос» дерзко обозначился в 2002 г. в Татарстане: несколько мусульманок стали требовать права фотографироваться для паспорта с покрытой головой. Получив отказ от МВД, взволнованные женщины обратились в суд, где их требование также было отклонено. Впоследствии выяснилось, что запрет на фото в платках основан не на законе, а на специальной инструкции МВД. Тогдашний руководитель министерства Борис Грызлов принял смелое решение разрешить фото в платках. Инцидент был исчерпан (что, по моей информации, даже вызвало разочарование у поборниц платка, которые лишились возможности демонстрировать свою приверженность религии).

Ношение платка поощряется духовенством. Платок все чаще выступает в качестве маркера конфессиональной принадлежности. В Москве, например, все чаще можно увидеть женщин, одетых в соответствии с мусульманской традицией. В 2006 г. по инициативе расположенного в Саратове ДУМ Поволжья 12 студенток в платках посетили Казань, где, замечу, платок уже прочно вошел в моду и подчас добавляет пикантности его носительницам в коротких юбках.

Россияне же, похоже, вообще не обращают на эти платки никакого внимания. Это можно определить и как толерантность, и как то, что в молодежной среде именуется «пофигизмом».

В Башкирии при мечети города Баймак появилась первая в России организованная по принципу шариата таксофирма «Сафар» (восемь машин), главное отличие которой состоит в том, что работающие там водители вообще не употребляют алкоголя.

В 2006 г. в Дагестане имамы обратились к владельцам саун, казино и т. п., призывая их закрыть или перепрофилировать свои заведения, само существование которых противоречит нормам ислама.

Валиулла Якупов считает, что рано или поздно в Татарстане будет создан мусульманский банк, поскольку в республике «растет и накапливается определенный капитал, который ищет исламскую оболочку». Такой банк, по мнению Якупова, вполне способен аккумулировать средства, получаемые ДУМ от закята и вакфов. Сегодня в России действует только один «Бадр-Форте Банк», «имеющий право использовать исламские экономические технологии», вполне возможно появление и других аналогичных финансовых структур. Ислам проникает в сферу страхования, и в Татарстане уже действует программа «Идель-Хадж», помогающая мусульманам накопить средства для совершения

хаджа. Наконец, имеют место попытки частичного восстановления исламской налоговой системы. В Татарстане с 2005 г. исламский налог закят (один из пяти столпов ислама) можно выплачивать через «светские» банки Татфондбанк и «Ак-Барс»³⁴. Якупов считает, что в республике уже «процветает исламский бизнес» — производится халяльная продукция, действуют ателье по пошиву мусульманской одежды, открываются мусульманские кафе. Казанская кондитерская фабрика «Заря» налаживает выпуск по «халяльной» рецептуре конфет и сладостей, не содержащих алкоголя и животных жиров.

В 2006 г. Совет имамов Махачкалы составил «черный список» исполнителей, концерты которых в Дагестане нежелательны. В него, в частности, попали Борис Моисеев, Сергей Пенкин, Шура, Валерий Леонтьев, Жанна Фриске, Т.А.Т.У., «Минет», «Блестящие», «Звери», «Агата Кристи», «Гости из будущего», «Ночные снайперы», а также почему-то Филипп Киркоров, «Новые русские бабки» и Диана Арбенина.

Как бы ни относиться к этим и многим другим аналогичным «причудам» мусульманского духовного истеблишмента, в них улавливается тенденция к конфессиональному обособлению, что в принципе можно объяснить и понять, но в конечном счете она подталкивает менее пуритански настроенных граждан, представителей других конфессий к более отстраненному отношению к мусульманам.

Следующий компонент исламского «ренессанса» — становление системы религиозного образования и, шире, просвещения. До 1991 г. в России она отсутствовала, а потребность в духовных и преподавательских кадрах удовлетворялась расположенной в Бухаре медресе «Мир-Араб». Начавшееся в первой половине 1990-х годов воссоздание этой системы происходило сумбурно и вне контроля институционального духовенства. В массовом порядке возникали самодеятельные кружки, центры, «воскресные школы», которые исчислялись сотнями и даже тысячами. Роль наставников и воспитателей в них очень часто играли случайные люди, самоучки (иногда — искавшие дополнительного заработка профессионалы-востоковеды). Просветительством занимались обучавшиеся в СССР и России арабские студенты из технических вузов. В разных городах мне доводилось встречаться с химиками, математиками, биологами, обучавшими Корану, преподававшими шариат и даже богословие.

Низок был преподавательский уровень духовенства. В Башкирии, например, даже в 1997 г. самостоятельно (т. е. вне учеб-

ных заведений) религии обучались 59% священнослужителей, а еще 18% — на курсах при мечетях. Только три имама имели законченное высшее образование³⁵. В 1999 г. в Татарстане лишь 8% действующих мечетей были обеспечены профессионально подготовленными священнослужителями³⁶. На Северном Кавказе дело обстояло еще плачевнее. Правда, в последние годы ситуация стала улучшаться: например, в Татарстане количество имамов со средним религиозным образованием увеличилось до 25%³⁷.

В 1990-е годы тысячи молодых людей, стремясь получить религиозные знания, устремились на Арабский Восток, в Турцию, Пакистан. Некоторых на учебу направляли муфтияты, кто-то ехал по собственной инициативе, но всякий раз эти поездки финансировались из зарубежных источников. Уровень приобретенных за границей знаний, навыков работы с верующими действительно был выше того, который можно получить в России. Однако, возвращаясь на родину, выпускники арабских и турецких университетов — сознательно или нет — становятся миссионерами «инога» ислама. Под патронажем арабских организаций в самой России открыты десятки учебных заведений, студенты которых обучались по программам, в которых акцент делался на непривычное для кавказцев и татар понимание ислама. Деятельность отечественных и зарубежных миссионеров, способствующая религиозному просвещению, вместе с тем разобщает мусульманское сообщество.

К началу 2000-х годов, несмотря на большие трудности, духовенству удалось заложить основу образовательной системы, которая, однако, нуждается в постоянном совершенствовании. На 1998 г. в России было зарегистрировано 108 духовных исламских учебных заведений, большая часть которых является средними, хотя формально именуется высшими³⁸.

В Москве набрал силу Высший исламский колледж, общее число студентов в котором составило в 2006 г. 218 человек³⁹, в Татарстане действует Российский исламский институт, а в Уфе — Институт им. Ризаэтдина Фахреддина (250 студентов) с филиалами в Астрахани, Оренбурге, в Самарской, Пензенской и Ульяновской областях. В Ульяновской области в 1994 г. создано высшее медресе, которое было преобразовано в филиал Университета в Медине. В Исламском институте Ингушетии обучается 200—300 студентов⁴⁰.

16 исламских вузов работают в Дагестане. В Махачкале открыт Исламский университет им. Имама Шафии, а во всех ву-

зах республики обучается 6 тыс. юношей и девушек. Открыты 1410 регулярных медресе и 324 начальных школы⁴¹. Не случайно в Дагестане число верующих студентов по сравнению с концом 1980-х годов выросло втрое⁴². В 2006 г. был создан Совет по исламскому образованию, а также разработан единый стандарт по специальности «Исламское религиозное образование», подготовлен ряд учебных программ. Однако уровень преподавания все еще далек от желаемого.

Создавая систему религиозного образования, духовная, а в какой-то степени и политическая элита мусульманского сообщества до конца не представляла, насколько обоюдоострой является проблема религиозного знания. Подводных камней на этом пути оказалось куда больше, чем ожидалось. При всем желании институционального духовенства построить унифицированную систему образования дело это крайне трудное. Образование подразумевает просветительство, а просветительство — плюрализм мнений, в том числе и идущих вразрез с официальной установкой.

Не выполненной оказалась заглавная цель — противопоставить систему образования проникновению нетрадиционного ислама, привлекательного для мусульманской молодежи. Носители «другого» ислама не просто утвердились в мусульманском сообществе, но *volens nolens* кое-где заняли места на кафедрах вузов. И даже если они, уступая нажиму официального духовенства и светской власти, не пропагандируют публично обретенные за рубежом знания, получить эти знания (например, в неформальной обстановке) может любой мусульманин.

Дополнительной трудностью, исходящей уже не от мусульман, но от Министерства образования, является то, что оно не выдает исламским институтам и университетам лицензии на право давать высшее профессиональное образование по государственным стандартам, причем не только по религиозным специальностям, но и по светским⁴³.

Полностью унифицированную систему образования можно выстроить только в условиях жесткой авторитарной политической системы, при которой власть, с одной стороны, контролирует верующих, а с другой — нуждается в лояльном духовенстве и потому готова поддержать его во имя политической стабильности, а также для противодействия оппозиционному исламу. Среди мусульманского духовенства есть немало тех, кто, подобно ректору Исламского университета Нижнего Новгорода Дамиру Мухетдинову, полагает, что «...самый разумный и вполне естественный выход — воспользоваться предложением государ-

ства о преподавании теологии в светских вузах, как это сделали православные. В этих условиях, благодаря воле государства, мусульманам представился уникальный шанс: речь идет об обучении выпускников медресе, которых направляли бы духовные управления мусульман в престижные государственные вузы за счет государства»⁴⁴. Места таким выпускникам дают в престижных провинциальных и московских вузах.

Другой вариант заключается в превращении религиозных высших учебных заведений в светские, что в 2006 г. было сделано с находящимся в Казани Российским исламским университетом (РИУ), который был одним из уникальных вузов, где преподавание религиозных дисциплин было поставлено на профессиональную основу (его ректором был назначен авторитетный ученый-исламовед Рафик Мухаметшин). Однако такой подход неприемлем для тех представителей духовенства, которые считают, что это приведет к размыванию религиозного образования. Так, заместитель председателя Совета муфтиев России Мукадас Бибарсов уверен, что «переориентация РИУ является ничем иным, как его уничтожением»⁴⁵.

Власть же, хотя и поддерживает сотрудничающих с ней муфтиев и имамов, тем не менее относится к исламскому образованию настороженно, опасаясь утратить над ним контроль.

Игра в политику

В постсоветский период в российском мусульманстве пробудилось намерение присутствовать в политике именно в качестве приверженцев ислама, а не просто лишенных конфессиональной идентичности участников политического процесса. В 1995 г. на Первом съезде Союза мусульман России его тогдашний генеральный секретарь Ахмед Халитов сказал: «...Мы представлены во всех структурах, но только тогда, когда мы теряем свое мусульманское лицо»⁴⁶. Политика с «мусульманским лицом» стала частью «ренессанса». Возникали партии, движения, организации, ставившие политические цели, но апеллировавшие к религиозным идеям и лозунгам. Именем ислама выражались как поддержка действующей власти, так и оппозиция по отношению к ней.

Формальный старт политизации ислама был положен в июне 1990 г., когда на учредительном съезде в Астрахани была создана всесоюзная Исламская партия возрождения, которая по струк-

туре, по характеру деятельности напоминала клуб, каковым она фактически и оставалась вплоть до распада и исчезновения в середине 1990-х. Несмотря на неуспех этой партии в качестве общероссийской организации, она сыграла заметную роль на Северном Кавказе (особенно ее дагестанское отделение), способствовала активизации исламского политического движения в Центральной Азии, где ее местные республиканские отделения трансформировались в партии исламского возрождения соответственно Таджикистана и Узбекистана.

В 1995 г. возникли Общероссийское мусульманское движение «Нур», Союз мусульман России и Исламский комитет России, в 1996 г. — Общероссийское общественно-политическое движение «Мусульмане России». В 1997 г. один из самых активных политиков, глава Исламского культурного центра Абдул-Вахед Ниязов предпринял попытку создать еще одну федеральную партию — Мусульманский союз, к участию в которой пригласил нескольких известных политиков мусульманского происхождения. Судя по программе, партия задумывалась как правоцентристская. Однако дальше написания устава и других документов дело так и не пошло. К тому же против создания Мусульманского союза решительно выступил глава СМР Надиршах Хачилаев. В 1998 г. Ниязов создал движение «Рефах».

Апеллировавшие к исламу политические (квазирелигиозные) организации пробуждались к жизни в канун выборов в Государственную думу или президентской кампании. Главной их задачей было стремление вписаться в политическую жизнь страны, оккупировав в ней определенную нишу, что позволяло бы им занять места в политической иерархии, получить доступ к материальным благам, а их лидерам — удовлетворить свои амбиции. Ислам играл инструментальное значение, хотя нельзя не признать, что в этих организациях состояли и мусульмане, которые искренне считали, что действуют на благо возрождения религии.

С разной степенью ловкости мусульманские политики стремились подтвердить свою лояльность власти. Их лидеры, хотя и позволяли себе умеренную критику власти, особенно в чеченском вопросе (что тотчас же компенсировалось выражением поддержки борьбы с терроризмом), не выходили за пределы конформизма, иногда трансформировавшегося в заурядную сервильность.

В проведенном в 2003 г. по заказу Совета муфтиев России социологическом исследовании «Электоральные предпочтения российских мусульман» в качестве научной гипотезы предполага-

лось, что «электоральные предпочтения российских мусульман могут быть изучены и впоследствии контролируемы», декларировалась возможность определить «перспективы механизма влияния ДУМ и властных структур на электоральные предпочтения российских мусульман», а также «предложить выводы религиозным лидерам и властным структурам в прогнозном варианте»⁴⁷.

Легально действовавшее в рамках светской политики мусульманское политическое движение не было самостоятельным и не могло рассчитывать на серьезный успех. На выборах 1995 г. движение «Нур» получило 0,58% голосов (23% в Чечне и Ингушетии)⁴⁸, вряд ли на большее мог рассчитывать не успевший оформить подписные листы Союз мусульман России. Чуть больше 0,5% набрал на выборах 1999 г. выступавший самостоятельно Исламский комитет.

Гиперактивным и вместе с тем лояльным «политический ислам» смотрелся в 1995—1996 гг., когда шла реальная борьба за электорат и едва ли не каждый светский политик пытался привлечь на свою сторону голоса мусульман. В то время Борис Ельцин, обращаясь к мусульманам (дело происходило в Ярославле), изрек свое незабвенное: «Поддержите меня на выборах, а я вас коммунистам не отдам»⁴⁹. На что одна из провинциальных газет откликнулась статьей с еретическим по исламским канонам заголовком «Борис Акбар!»⁵⁰.

И хотя на президентских выборах 1996 г. мусульманские объединения поддерживали кандидата власти, рядовые мусульмане могли иметь иное мнение. Мне доводилось слышать, как после завершения проводившихся мусульманскими организациями мероприятий их участники, особенно ветеранского возраста, говорили: «Все равно буду голосовать за коммунистов». В Дагестане в первом туре выборов за Ельцина проголосовали лишь 28,52% избирателей против 63,2% за вождя коммунистов Геннадия Зюганова, а во втором туре благодаря политтехнологическим приемам количество проельцинских голосов выросло до 53,7%, а прозюгановских — напротив, уменьшилось до 45,5%⁵¹.

Примерно в это же время некоторые мусульманские политики всерьез начали рассуждать о возможности создания в Госдуме межпартийной «мусульманской фракции» наподобие той, что возникла во II Государственной думе в 1907 г. и занимала либеральные позиции⁵². Однако большинство депутатов-мусульман сочли формирование фракции на конфессиональной основе никчемной затеей, к тому же она не вызвала понимания в Крем-

ле. В итоге эта идея сначала была отложена, а потом вообще канула в Лету.

В думских избирательных кампаниях 1999, 2003 гг., а также президентских 2000 и 2004 гг. апелляция власти к исламу была незначительной. Исламские партии при поддержке тех или иных духовных управлений почти открыто пытались торговать голосами своих сторонников, а сами выглядели как «довески» к главным участникам схватки. В 1999 г. возглавлявшие ЗАО «Нефтегаз-компани» Леонард Рафиков и Марат Хайруллин создали избирательный блок «Меджлис», куда вошли «Рефах», «Мусульмане России», Всероссийский исламский конгресс и «Нур». Задачей «Меджлиса» было поддержать черномырдинскую партию «Наш дом — Россия» (НДР). Однако отведенные мусульманам в списке НДР места оказались явно непроходными. Да и сам НДР к тому времени перестал быть сколько-нибудь влиятельной организацией. И тогда лидер «Рефаха» Ниязов, поняв, что его обманывают, перебрался в кремлевский межрегиональный блок «Единство», имевший большие шансы на победу и обещавший провести рефаховцев в Госдуму. «Меджлис» же распался.

В 1999 г. в борьбе между «Единством» и возглавляемым мэром Москвы Юрием Лужковым блоком «Отечество — Вся Россия» Совет муфтиев России поддержал лужковское объединение. Но победило «Единство», и Совет муфтиев России со сторонниками на некоторое время были отдалены от Кремля. Зато были приближены другие, оказавшиеся более прозорливыми мусульманские политики и духовные лица включая главного оппонента СМР председателя ЦДУМ Талгата Таджуддина.

Уразумев, что ситуация изменилась и значение религии в политической интриге упало, бывшие квазиисламские группировки стали позиционировать себя в качестве защитников интересов меньшинств вне зависимости от их конфессиональной принадлежности и одновременно как фактор консолидации поликонфессиональной и полиэтничной России. В марте 2001 г. «Рефах» был переименован в Евразийскую партию России «Благоденствие», которая впоследствии стала частью избирательного блока «Великая Россия — Евразийский союз», который возглавил не имевший никакого отношения к исламу Павел Бородин⁵³.

Последним коротким аккордом участия ислама в политической жизни было создание в 2003 г. Исламской партии России (ИПР), получившей некоторую известность благодаря экстра-

вагантным заявлениям ее лидера, дагестанского предпринимателя Магомеда Раджапова (он, например, утверждал, что только в Дагестане насчитывается 700 тыс. членов ИПР⁵⁴). Однако в том же году ИПР, которая в русле политической конъюнктуры обрела новое, более соответствовавшее обстановке название «Истинные патриоты России», собрала на выборах 0,25% голосов и благополучно исчезла с политического небосклона.

В изданной в Нижнем Новгороде любопытной брошюре «Манифест (сценарии политического представительства уммы во властных кругах Российской Федерации и насущная необходимость единения мусульманского сообщества страны)» отмечены причины поражения мусульманских политических организаций: 1) «личные амбиции руководителей и их оторванность от рядовых мусульман»; 2) «неучтенность этнического фактора, когда представителями мусульман выступают выходцы из двух-трех регионов, которые изначально не понимают специфики менталитета татар и башкир»; 3) неспособность создать «компетентную команду с участием политологов и аналитиков». И самое главное — «любой проект изначально был лишен благости, если во главе него не стоит имам мусульман»⁵⁵. Все эти причины выглядят достаточно убедительно. Однако есть и еще одна, которая характерна для всех членов российского общества независимо от конфессиональной принадлежности, — привычка голосовать за апробированные, так сказать, «спущенные сверху» партии и неверие (обоснованное историей) в успех новорожденных неординарных структур.

И все-таки, несмотря на конъюнктурность, послушность власти и попросту «липовость» многих исламских организаций, они выполняли свою миссию, пробуждая у мусульман вкус к социальной деятельности, стимулируя их гражданскую активность.

«Исламский фактор» в подчиненной кремлевским правилам политической игре становится все менее востребованным. Заинтересованность Кремля в поддержке со стороны исламских организаций с течением времени падала. С приходом к власти Владимира Путина реальная политическая интрига постепенно уходила в небытие, и от мусульман требовалось лишь одобрение проводимого курса. По мнению религиоведа Сергея Бурьянова, религиозных лидеров «используют в качестве массовки, но для сакрализации власти нужна только одна конфессия — “самая традиционная”, да и привилегий на всех не хватает»⁵⁶. Под «самой традиционной» религией подразумевается православие, но даже его роль в электоральном процессе при Путине стала менее

существенной. Хотя нельзя не признать, что Русская православная церковь предпринимает попытки встроиться в политику и претендует на роль одного из главных разработчиков российской «национальной идеи».

Несмотря на уход ислама из политики федерального масштаба, участие мусульманских объединений в общественно-политической жизни сохраняется на региональном уровне. Муфтии областей оказывают поддержку губернаторам, с которыми у них сложились доверительные отношения, особенно в тех случаях, когда местная администрация с пониманием относится к чаяниям мусульман. Можно отметить взаимодействие ДУМ ЦЕР с мэром Москвы Юрием Лужковым, сотрудничество возглавляемого Мукаддасом Бибарсовым Поволжского муфтията с бывшим саратовским губернатором Дмитрием Аяцковым и нынешним главой области Павлом Ипатовым. Президент Чувашии Николай Федоров в конце 2005 г. обратился с посланием к Госсовету республики, предложив реформу местного самоуправления. В татарской газете «Вақыт» появился отклик местного муфтия А. Крганова, заявившего, что «представители духовенства должны помочь исполнению закона о реформировании местного самоуправления»⁵⁷.

Известны случаи, когда участие в региональной борьбе ставило некоторых мусульманских лидеров в тяжелое положение. Так, в Пензенской области созданное в 1998 г. Независимое духовное управление мусульман (НДУМ) поддержало на выборах тогдашнего губернатора Анатолия Ковлягина, в то время как конкурировавшее с ним Единое духовное управление мусульман приняло сторону его соперника Василия Бочкарева. Победил Бочкарев, а выступившее против него НДУМ под нажимом власти и конкурентов развалилось. Порой главы муфтиятов, чтобы одолеть соперника по междоусобной борьбе, обращались за помощью к областной или республиканской администрации. Редко, но все же случаются открытые противостояния между мусульманами и светской властью. Так, в 2001 г. глава казыята Приморского края Алимхан Магрупов (узбек по национальности) распространил листовку, в которой говорилось, что «у мусульман отобрали освященную ими землю для строительства мечети». Вину за это кази возлагал персонально на мэра Владивостока Владимира Копылова⁵⁸. Непосредственный начальник Магрупова глава ДУМ АЧР Нафигулла Аширов во избежание скандала сместил его с поста и заменил более дипломатичным пастырем.

В целом присутствие, пусть и пассивное, лояльных власти мусульманских религиозных и религиозно-политических структур в политике сохранится, что отвечает духу государственного патернализма. Своеобразным символом приобщенности ислама к официальной политике можно считать ставшее привычным присутствие муфтия Равиля Гайнутдина в списке 100 влиятельных политиков России.

Любопытным представляется откровенное высказывание муфтия Нижегородской области Умара Идрисова, считающего, что поскольку татары длительное время жили в условиях отсутствия государственности, «имам — религиозный лидер мусульманской общины — автоматически становился и правителем светским, хотя в Исламе вообще невозможно разделение мирской и религиозной жизни»⁵⁹. Такой подход легко экстраполируется и на остальные мусульманские этносы России, тем более что их духовные пастыри также притязают на звание политиков. «Ислам стал официальным элементом политической жизни Дагестана, впрочем, как и большинства республик Северного Кавказа»⁶⁰. «С точки зрения мусульманского вероисповедания, — напоминает Дамир Мухетдинов, — мечеть — это место социально значимое»⁶¹. А Исмаил-хаджи Бостанов, ректор Черкесского исламского института им. Абу Ханифы, вообще называет статью Конституции, провозглашающую отделение религии от государства, абсурдной⁶².

О том, что мусульмане не отказываются окончательно от присутствия на политическом поле в качестве конфессионального социума, свидетельствует то, что они периодически поднимают вопрос о создании в России поста вице-президента с обязательным предоставлением его мусульманину. В частности, с таким предложением выступал Равиль Гайнутдин. Правда, против этого имеется оригинальное и претенциозное возражение: Нафигулла Аширов полагает, что создание поста вице-президента специально «под мусульманина» может стать барьером на пути избрания магометанина на высший пост в государстве.

Вряд ли положение изменится в ближайшем будущем, если, конечно, в России не произойдут серьезные социально-политические катаклизмы, при которых мусульманские структуры попробуют играть самостоятельную роль или выступать полноценными союзниками определенных политических группировок, а то и попытаются разыгрывать карту собственно «мусульманских интересов».

Ислам в оппозиции

Но политическая ангажированность ислама характеризуется не только и не столько действиями лояльного мусульманского духовенства, созданием партий и движений в поддержку власти. Главное здесь — использование религии оппозиционными силами, религиозными радикалами, исламистами, получившими в России наименование «ваххабиты». Корректнее было бы называть эту публику салафитами, поскольку корни их идеологии берут начало в VIII—X вв., когда салафитами именовали себя те, кто призывал следовать нормам религиозного и бытового поведения «праведных предков» — *ас-салаф ас-салихун*⁶³. Нынешние радикалы во многом следуют этой заповеди, ссылаются на средневековых идеологов салафизма, и с поправкой на время их можно считать «неосалафитами».

Если на карте России отметить «ваххабитские зоны», то зрелище будет более чем впечатляющее: «ваххабитская сеть» покрывает страну от Калининграда до Владивостока и от Мурманска до Оренбурга. Проявления «ваххабизма» замечены в Татарстане (Набережные Челны, Альметьевск, Нижнекамск, Кукмор), Башкирии (Агидель, Баймак, Октябрьское, Сибай, Уфа), Мордовии (Белозерье), Самарской (Тольятти), Курганской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Ульяновской, Челябинской, Тюменской областях, не говоря уже о Юге России — от Ростова и Волгограда до республик Северного Кавказа. Встречаются «ваххабиты» и в Москве, хотя здесь их действий на постоянной основе не замечено.

Средства массовой информации на протяжении многих лет печатают с претензией на художественность публицистические материалы, которые в совокупности могут составить целую «сагу о ваххабитах». Однако почти невозможно найти точные сведения: каково общее (пусть самое приблизительное) число «ваххабитов» в России, каково среднее количество членов в их кружках, насколько устойчивы связи между ними. Не обнаружено и единой организованной общероссийской «ваххабитской конторы».

Представители силовых структур постоянно говорят о разгромленных ячейках «ваххабитов», о захваченных и уничтоженных полевых командирах. Однако они же признают, что сам «ваххабизм» не исчезает, напротив, он становится все более привычным.

Выше было отмечено, что российское мусульманское сообщество составляют два существенно отличающихся друг от друга

ареала. Возникает вопрос: един ли феномен «ваххабизма» (я бы все-таки использовал термин «исланизм») для обоих ареалов? Да, един. Есть общие причины его появления на всем мусульманском пространстве России, как и в остальном мусульманском мире. Первая, изначальная — «обмирщенность» ислама, его стремление регламентировать жизнь общества. Из этого вытекает вторая причина — естественное для любого мусульманского социума выражение недовольства в религиозной форме. Поводов же для недовольства в России предостаточно.

Отсюда (третья причина) нестабильность на Северном Кавказе, источником которой является не только Чечня, а с 1999 г. — не столько Чечня, сколько общая ситуация в регионе. Не следует абсолютизировать воздействие обстановки в регионе на все российское мусульманство, но следует признать, что борьба против тамошних исламистов отдается эхом по всей мусульманской России.

Четвертая причина — влияние извне. После того как поднялся «железный занавес», российские мусульмане подверглись индоктринации с юга, принесшей идеи иного, ранее неведомого ислама, который в глазах части российских мусульман, особенно молодежи, выглядит привлекательнее, а главное, искреннее, чем тот, что проповедовали советские муллы и имамы, за многими из которых тянулась слава сотрудников КГБ. Появление новых идей сопровождалось интенсивным проникновением зарубежных исламских правительственных, неправительственных и международных организаций, преследовавших и гуманитарные, и политические цели. Иногда этот ислам называют «арабским», поскольку проводниками его становятся в первую очередь местные выпускники арабских религиозных вузов, действующие в России арабские исламские институты, осевшие в России арабы. Да и постигать новый ислам невозможно без хотя бы поверхностного знания арабского языка.

Наряду с общими причинами возникновения и функционирования исламизма существуют различия в его проявлениях на Северном Кавказе и в остальных регионах России. Причем специалисты-исламоведы подчеркивают различия между исламом на востоке Северного Кавказа и в его северо-западной части.

Для Северного Кавказа исламизм как идейно-политическое течение более органичен: там борьба под религиозными лозунгами за социальную справедливость, противостояние местной власти протекают в более архаичном по сравнению с Поволжьем обществе. В этом регионе постоянно высок общий накал страстей,

подпитывающий нервозность, эмоциональную готовность на крайние формы самовыражения, прежде всего религиозно-фанатичные. Интенсивнее, чем в остальной России, проникновение «арабского ислама» — Кавказ географически ближе к Ближнему Востоку, чем Поволжье и Урал, и в исламское паломничество (хадж) многие ездят на автобусах и личных автомобилях.

Радикальный ислам провоцировался чеченским конфликтом, который подпитывал воинственные группировки в регионе. От Чечни исходили «исламские импульсы», стимулировавшие активность исламистов в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и в других республиках. И хотя уровень исламской солидарности с чеченскими сепаратистами оказался значительно ниже, чем они ожидали, кавказский джихад все же служил связующим звеном между мусульманским Кавказом и мировой уммой.

Начиная с 2004—2005 гг. происходит своего рода инверсия, и отныне уже исламисты Дагестана и других республик поддерживают исламских радикалов Чечни. Исламистские флюиды «вальсируют» по Северному Кавказу, насыщая его общественное и индивидуальное сознание, ферментируя идеологию и политическую практику. Северокавказские исламисты встраиваются в систему местных политических связей. Негласно они получают поддержку от некоторых тамошних политиков, участвуя в системе политических противовесов. Но, как правило, исламисты поступают, следуя собственной логике и амбициям. Они встречают поддержку у части населения и способны использовать ислам как средство политической мобилизации.

На вопрос, сколько на Северном Кавказе «ваххабитов», ответы даются настолько разные, что сделать окончательный вывод об их количестве невозможно. Так, в Дагестане по разным оценкам от 20 до 100 тыс. активных членов 12 и более джамаатов. О джамаате «Ингушетия» говорят, что «в него входят все взрослые мужчины республики». В канун событий в Нальчике в декабре 2004 г. джамааты Кабардино-Балкарии насчитывали до 20 тыс. человек (только в крупнейшем «Джамаате Кабардино-Балкария» состояло 6—7 тыс. членов⁶⁴). Когда местному муфтию Шафику Пшихачеву поручили составить список «ваххабитов», он внес в него лишь 50 имен (чем местная власть была крайне недовольна). Есть и другие данные: в Дагестане «ваххабитов» осталось не более 2 тыс., а по данным МВД республики в 2004 г. на учете состояло 939 «ваххабитов»⁶⁵. В Ингушетии их несколько сотен, в Чечне — около 1 тыс. Заместитель начальника Управления ФСБ по Чечне Александр Потапов считает, что общее количество «джамаатчиков» —

13 500 плюс 1 500 боевиков и террористов⁶⁶. Российский ученый Георгий Энгельгардт утверждает, что экстремистская сеть располагает более 10 тыс. бойцов включая 4 тыс. в Поволжье и центральных регионах России⁶⁷.

Как принято говорить в таких случаях, истина посередине. Но где эта середина?

В Российском Поволжье, на Урале, в Сибири исламисты не столь заметны. Поле их деятельности ограничено, а популярность куда ниже, чем на Северном Кавказе. Российские города, где в отличие от Европы нет «мусульманских кварталов», даже по внешнему виду не приспособлены для распространения исламского радикализма. В конце 1990-х годов казалось, что у исламистов вообще нет шансов закрепиться среди российских татар и башкир. Однако в начале XXI в. обнаружилось, что у исламских радикалов есть резервы. Возвращающиеся на родину выпускники арабских институтов сумели укрепиться в нескольких десятках мечетей, вокруг которых стали складываться группы радикально настроенной молодежи. Им удалось наладить связи с кавказскими единомышленниками, а также установить контакты с группировками из Центральной Азии, прежде всего с «Хизб ат-тахрир».

Наиболее заметным очагом исламизма в 1999—2002 гг. была расположенная в Набережных Челнах мечеть «Йолдуз», при которой действовало небольшое медресе. В 1999 г. образовались общины исламистов в Кумкоре (200 человек), в Вятских Полянах (100—150 человек), Нефтекамске (до 50 человек). В Татарстане в расположенной в Огрызском районе заброшенной деревне исламисты (30 человек) попытались воспроизвести опыт дагестанского села Кармахи и образовали «исламскую территорию». Однако сравнительно быстро эти общины были разогнаны правоохранительными органами.

Исламисты раскололи традиционный ислам, противопоставив традиционным для российского мусульманства мазхабам — ханафизму и шафиизму, а также тарикатизму на Северном Кавказе — иной, близкий к ханбалитскому толку «ваххабитский ислам». Противостояние между традиционным исламом и исламистами стало повсеместным. Помимо Северного Кавказа, где оно принимает самые крайние, вплоть до вооруженных столкновений формы, оно отмечено в Татарстане, Башкирии, Астраханской, Волгоградской и некоторых других областях.

Надо отметить само понятие «традиционный ислам», ставшее в последнее десятилетие расхожим среди политиков, жур-

налистов, а также исследователей, нуждается в корректировке. Ахмед Ярлыкапов отмечает, что феномен, именуемый ныне «традиционным исламом», по сути сложился при советской власти. «Не имея образованных служителей культа, а также не имея возможности получать информацию в общении с единоверцами, советские мусульмане к 1970—1980 гг. создали особую форму локального ислама, особенностью которой стало обилие неисламских по происхождению обрядов, а также многочисленные нарушения установившегося порядка отправления *собственно* исламских обрядов»⁶⁸. В самом деле, и на Северном Кавказе, и на остальной территории России сложилась специфическая форма ислама, которая позволяла ему выжить при советской власти. Об условности поддержания исламской традиции свидетельствовал и низкий уровень религиозного знания у советских мулл и имамов. В полноценном же виде традиционный ислам существовал анклавно и подпольно, например, в горных районах Дагестана, передавался из поколения в поколение в семьях, и именно он подвергался наибольшим гонениям со стороны властей.

Комичной, зато очень наглядной иллюстрацией сказанного стала дискуссия вокруг традиционного и «ваххабитского» ислама в Адыгее. Едва ли не главным предметом полемики стал вопрос о ношении на похоронах шляпы. В то время как критик «ваххабизма» и поборник традиционного ислама профессор Мурат Беджанов считал ношение головного убора данью местной традиции⁶⁹, его оппоненты доказывали, что «...мода на шляпы была привнесена в адыгскую среду советскими партийными работниками. Сама шляпа являлась в свое время знаком принадлежности к касте партократов»⁷⁰.

Такой псевдотрадиционный ислам проигрывал молодой энергичной неосалафийе, последователи которой призывали к очищению религии, одновременно делая ее орудием борьбы за социальную справедливость.

16 сентября 1999 г. дагестанский парламент по инициативе местного ДУМ запретил «ваххабизм», правда, «без конкретного упоминания его признаков», чуть позже аналогичные законы были утверждены в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и, наконец, в Чечне. Однако отлучение «ваххабитов» от ислама не способствовало укреплению влияния официального духовенства, не прибавило авторитета властям, а главное, не отменило «ваххабизм». К тому же провалились попытки запретить его на федеральном уровне. Московские эксперты не

без труда, но сумели доказать центральной власти бессмысленность запрета идеологии.

С особой осторожностью следует относиться к взаимным обвинениям в «ваххабизме» мусульманских политиков и священнослужителей. Подобного рода препирательства наблюдались в Башкирии, Удмуртии, Чувашии, во многих областях России, но более всего на Северном Кавказе. В число обвиняемых в разное время попадали едва ли не все наиболее заметные мусульманские лидеры и духовные управления. Частой мишенью таких обвинений служит глава Духовного управления мусульман азиатской части России Нафигулла Аширов. В приверженности ваххабизму ухитрились подозревать даже председателя СМР Равиля Гайнутдина (заместителем которого является Аширов). «Без вины виноватым» оказался и его главный оппонент Талгат Таджутдин, получивший в 1991 г. от посетившей Ульяновскую область делегации из Саудовской Аравии 20 тыс. долл. на строительство второй в области мечети. Правда, делегацию возглавлял брат тогда еще мало кому известного Усамы бен Ладена Тарик.

Разобраться в истинном потенциале исламизма в России очень сложно. Вокруг него сложилась целая мифология, созданная усилиями государства, его спецслужбами, журналистами, да и самими исламистами.

Эта мифология тиражируется зарубежными экспертами, чьи публикации и отчеты изобилуют цитатами из российских средств массовой информации, ссылками на сайты исламистов, а также выдержками из личных бесед с мусульманскими политиками, в том числе с боевиками. Многие источники не достоверны, более того, публикуемые в газетах и на сайтах сведения нередко призваны скрыть истинное положение дел. Так возник «ногайский батальон» численностью 700 человек⁷¹. От татарского националиста Ричарда Кашапова исходит легенда о 700 татарах, сражавшихся на стороне чеченцев. К этому можно присовокупить вечных «300 арабов» (почти «300 спартанцев»). Улыбки способны вызвать рассуждения о джамаате «Аманат», что в переводе якобы означает «Тишина», особенностью которого является использование «цианидов».

Примером мифотворчества являются размышления о перспективах «исламской революции» в России или, напротив, разговоры о том, что Северный Кавказ абсолютно восприимчив к идеям демократии. Иногда такие выводы являются следствием добросовестных заблуждений в результате чтения газетных

статей или интервью выходцев с Кавказа. Известно, что зарубежным гостям местные жители часто говорят именно то, что ожидают от них собеседники, — так возникают рассказы о «подвигах» исламистов или, напротив, мечтания о гражданском обществе.

Относительно новой тенденцией в радикальном исламе стало сближение «ваххабитов» их непримиримых противников — тарикатистов. «Определенной частью реальных и потенциальных “воинов ислама” располагают и тарикатские (суфийские) исламские объединения (т. е. так называемые традиционалисты)», — отмечает Х. Т. Курбанов⁷². Оставаясь разделенными в богословии, «ваххабиты» и часть тарикатистов объединяются, призывая, каждый по-своему, решать социальные проблемы на стезе возврата к исламу.

Наконец, к религиозной оппозиции относится и «новый ислам», который, хотя он и не является традиционным, нельзя отождествлять с «ваххабитским» направлением. Наиболее ярко «новый ислам» заявил о себе в Кабардино-Балкарии, где его олицетворяет возникший еще в 1993 г. Исламский центр, в 1999 г. переименованный в Кабардино-Балкарский институт исламских исследований. Судьба последователей «нового ислама» трагична и в то же время поучительна. Его организаторы Руслан Нахушев, Анзор Астемиров, Муса Мукожев, объединившие несколько джамаатов, долго пытались найти общий язык с властью, избегая крайних форм борьбы. Они протестовали против вмешательства администрации в религиозные дела, против преследований и оскорблений мусульман, не согласных с властями. При этом они отвергали и предложения о сотрудничестве с чеченскими «ваххабитами» Шамиля Басаева. В 1998 г. они осудили его призыв начать на территории республики джихад. «Новые мусульмане» стремились быть независимыми от внешнего влияния, в частности, от саудовских спонсоров, которые стремились навязать им свою интерпретацию ислама. Впоследствии, не встретив понимания властей, подвергшись преследованиям, Астемиров и его последователи стали на путь сотрудничества с Басаевым, что в конечном счете привело к кровавому полувосстанию в Нальчике в 2005 г., в ходе которого погибли десятки людей.

Новый президент Кабардино-Балкарии Арсен Каноков вскоре после своего прихода к власти признал, что в отношении ислама в предыдущие годы были допущены ошибки, чем подтвердил частичную вину властей за трагедию 2005 г. Тем самым

было признано, что изначально сложившаяся вокруг Института исламских исследований община была не «ваххабитской», но стояла на иных позициях, и с ней можно и нужно было вести непростой диалог.

Каковы перспективы оппозиционного ислама? Мнение на этот счет почти едино и у гордящихся своими победами силовиков, и у тех, кто относится к этим успехам скептически. Главные выводы таковы:

- умеренная исламская оппозиция, т. е. та, с которой был возможен диалог, практически прекратила свое существование: кто-то отошел от дел, зато другие переходят в стан экстремистов;
- последние, потерпев ряд поражений, меняют тактику, уходя в подполье, где накапливают силы для следующих схваток;
- они по-прежнему пользуются популярностью у части молодежи, которая остается их главным резервом, причем среди представителей молодого поколения все чаще встречаются люди с высшим образованием, осознанно разделяющие основные идеологические постулаты неосалафитии.

Традиция versus современность

Битва с «ваххабизмом» уводит на второй-третий план противостояние между консерваторами и теми, кто выступает за более гибкие трактовки ислама и в каком-то смысле может быть уподоблен реформаторам. Как и в остальном мусульманском мире, консерваторов в России больше, чем тех, кто задумывается об осовременивании религиозных трактовок.

Я сознательно избегаю понятий «реформаторство» или «реформа ислама». Во-первых, принятый в мусульманском мире термин «ислах» не является аналогом «реформы». А во-вторых, ни «ислах», ни «реформа» не применимы к процессам, которые сегодня происходят среди мусульман России.

Консерватизм тождествен неотрадиционализму, т. е. отражает стремление охранить ислам в его этническом или региональном вариантах. Правда, опять-таки неясно, какой ислам имеется в виду — досоветской или советской эпохи. Применительно к центральной и восточной частям Северного Кавказа речь может идти о репрессированном «дореволюционном» тарикатском исламе или о исламе мазахбов, который был дозволен коммунистическим режимом.

В России консерваторы трудятся во всех духовных управлениях, а во многих доминируют. Они позиционируют себя в качестве проводников официальной (поддерживаемой государством) линии ислама, которая «направлена не на адаптацию к новым жизненным условиям, не на признание общепризнанных светских ценностей, свободы совести, свободы выбора мировоззрения, а на реализацию в общественной жизни коранических и суннитских установок (в их фундаменталистском толковании)»⁷³. Эта жесткая оценка позиции ДУМ Дагестана, высказанная исследователем Заидом Абдулагатовым, применима к деятельности других северокавказских муфтиятов. Ее можно обнаружить и среди духовенства ДУМ Татарстана, а также некоторых других духовных управлений мусульман России.

Неотрадиционалисты-консерваторы выступают за реисламизацию норм бытового поведения, за шариатизацию мусульманского социума включая восстановление полигамии, за соблюдение религиозных запретов. Они одобряют политизацию ислама, если таковая не идет вразрез с их собственными интересами. Например, Исламская партия России была создана при активной поддержке ДУМ Дагестана.

Консерваторы охотно критикуют исламистов за измену традиционному исламу. В то же время сами они порой высказывают, хотя и используя иную фразеологию, очень близкие к исламистским доводы. На этой стезе они пользуются поддержкой значительной части мусульман. Ведь 54,5% дагестанцев полагают, что «мусульманская религия... должна быть такой, какой она была при пророке Мухаммаде»⁷⁴. А Дагестан — исламское сердце Кавказа. И к ритму этого сердца на Северном Кавказе прислушиваются.

Консервативная тенденция связана с возвратом к более обстоятельному следованию мазхабам. «Мазхабизация» проявляет себя и в мусульманском Поволжье, и на Юге. Так, на Ставрополье есть тенденция размежевания мусульман по шафиитско-ханафитскому принципу — на дагестанцев и ногайцев/туркмен. Это, кстати, затрудняет создание единого Духовного управления мусульман Ставрополья. «Мазхабизация» неизбежно акцентирует межэтнические различия, поскольку разные этносы придерживаются различных исламских толков.

Неотрадиционалистская тенденция непосредственно связана с активностью главным образом в Дагестане суфийских тарикатов — Накшабандийи, Кадирийи и Шазилийи. Наибольшим влиянием, как и во все времена, обладают представители Накшбан-

дийи, пользующиеся почти открытой поддержкой властей. Импульс шариатизации общества исходит сегодня именно от шейхов и преданных им учеников-мюридов, многие из которых занимают ответственные посты в местной администрации. Дагестанские шейхи не без ее помощи смогли создать свою собственную систему образования, которая действует под их патронажем.

Суфии выступают категорически против «ваххабитов», но в то же время готовы солидаризироваться в некоторых общемусульманских вопросах, таких как поддержка палестинцев, критика американской политики на Ближнем Востоке.

В целом же, как считает Энвер Кисриев, соотношение мусульман «модернистского» и традиционного типов «может быть приблизительно оценено как равновесное»⁷⁵, причем в городах преобладают «модернисты», а в сельской местности — консерваторы. Думается, здесь нет противоречия, поскольку «модернизм» определяется городским образом жизни, характером трудовой деятельности, в ходе которой религиозное сознание мало востребовано. Однако когда речь заходит непосредственно об исламе, те же «модернисты» зачастую занимают охранительные позиции. Иначе говоря, свой урбанистический склад поведения люди пытаются компенсировать аффективной приверженностью к исламу.

Однако собственно идеологи исламского модернизаторства в России крайне малочисленны и скорее относятся к светской интеллигенции. Наиболее ярким представителем сторонников модернизации религии выступает политический советник президента Татарстана Рафаэль Хакимов. Он верит в возможность восстановления реформаторских идей джадидизма, которые должны принять форму «евроислама»⁷⁶. «Под термином “евроислам”, — пишет Хакимов, — следует понимать современную форму джадидизма (неоджадидизма), который в большей степени отражает культурологический аспект ислама, нежели его ритуальную часть»⁷⁷. Предтечей евроислама считает джадидизм татарский публицист Гамэр Баутдинов⁷⁸. Однако идеи Хакимова остаются достоянием узкого круга татарстанской, точнее, казанской интеллигенции.

В начале XX в. джадиды-обновленцы, идеологом которых был крымский татарин Исмаил-бей Гаспринский, выступали за модернизацию мусульманского общества, за перелом в его сознании. Главным инструментом при этом должно было стать осовремененное «новометодное» образование. Тогда такое образование сыграло свою позитивную роль и способствовало при-

общению российских татар, а также мусульманской элиты Средней Азии к европейской культуре. Джадидизм, несмотря на временные успехи, не стал и не мог стать влиятельным направлением в татарском исламе. Тем более ему не удалось закрепить себя на Северном Кавказе⁷⁹. Однако сам факт его появления и активности свидетельствовал о наличии в российском исламе реформаторского потенциала. Этот потенциал не был востребован в годы советской власти. Обращение в 1930-х годах Сталина к его носителям, прежде всего к знаменитому татарскому идеологу и политику Мирсаиду Султан-Галиеву, было не более чем маневром, завершившимся разгромом исламского реформаторства и физическим уничтожением его носителей.

Приверженцы модернизации рассматривают ислам как религиозную идеологию, которая должна приспособиться и давать обновленческие рациональные интерпретации общественному развитию. Парадокс в том, что татарские «неоджадиды», как и фундаменталисты, выступают за «внемазхабный» ислам, т. е. не привязанный в том числе к традиционному для татар ханафитскому толку. Такая позиция вызывает понятную неприязнь у традиционалистов. Среди священнослужителей сторонников Хакимова не замечено, и он подвергается жесткой критике со стороны главы ДУМ Республики Татарстан Гусмана Исакова, его заместителя Валиуллы Ягкупова и других татарских священнослужителей и богословов. Критикует Хакимова и один из лидеров националистов, популярная в первой половине 1990-х годов создательница партии «Иттифак» поэтесса Фаузия Байрамова, которая вообще призывает к отказу от участия в любых либеральных религиозных проектах.

По поводу осовременивания ислама среди мусульман бытует и другая концепция, содержащая скепсис относительно «слепого возврата к джадидизму, который не может решить все современные проблемы ислама»⁸⁰. Сам джадидизм (или неоджадидизм) «более не является продуктивным и принадлежит прошлому». «Демократизм татарского ислама, — считает Махмут Султанаев, — сродни европейской традиции — вот где нужно искать подход к евроисламу». Он утверждает, что «развитие ислама идет и возможно только в рамках мазхаба (ханафитского. — А. М.)»⁸¹. Последнее обстоятельство очень показательное, поскольку может рассматриваться как своего рода мостик между модернистами и консерваторами.

Этнограф Ирина Бабич относит к модернизаторам (даже реформаторам) «новых мусульман» Кабардино-Балкарии из Ис-

ламского института в Нальчике, поскольку они не принимали в расчет шафиитский мазхаб⁸². Вряд ли Исламский институт может быть отнесен в полной мере по ведомству модернизации, однако его руководитель Руслан Нахушев с единомышленниками действительно считали, что многие исламские толкования нуждаются в пересмотре помимо шафиитского мазхаба, за что подвергались резкой критике местных традиционалистов. Тем более что против исключительной опоры на мазхаб (не только шафиитский) выступают и «ваххабиты».

Большинство российских имамов и муфтиев занимают осторожную, «синтетическую позицию», избегая крайностей. Это объясняется желанием предотвратить раскол среди духовенства и не навлекать на себя обвинений и в религиозном радикализме, и в непопулярных в России либеральных интенциях. Именно эта группа формирует религиозное мировоззрение российского мусульманства. Однако в ней преобладает понимание того, что пути назад нет и переосмысление религиозных трактовок неизбежно. В одном из выступлений Рафиля Гайнутдина, названном «Обращение к прошлому — не самоцель, а проявление заботы о настоящем и будущем ислама и мусульман России», говорится: «Разве у нас мало людей, которые хотели бы свести современную религиозность к буквальному возврату форм жизни далекого прошлого, включая чадру, изоляцию от достижений современной цивилизации, науки и техники, представителей других религий и культур?.. Скажем больше: если сохранится религиозная нынешняя обстановка в России, то такого рода явления имеют перспективу к расширению. А это уже не в интересах как самого ислама и мусульман, так и всего общества»⁸³. И это высказывание главы Совета муфтиев России вполне созвучно с мнением его оппонента Рафаэля Хакимова, твердого в убеждении, что «...обряды даны, чтобы облегчить жизнь человека, а не усложнять ее. Ислам это не ботинки, которые жмут. Это метод раскрепощения человеческих способностей»⁸⁴.

Дискуссия внутри сторонников современного толкования ислама (реформаторов или модернизаторов) наталкивает на одну, казалось бы, парадоксальную мысль: модернизаторство, несмотря на свою ограниченность и противоречивость, востребовано российским мусульманством. Наличие внутренних противоречий подчеркивает его продуктивность и перспективность, поскольку оно пробуждает творческое начало. А противостояние ему неизбежно заставляет консерваторов, во-первых, учитывать новые веяния, а во-вторых, не отвергать с порога новации.

Касаясь дискурса обновления ислама, Рафик Мухаметшин напоминает, что «татарское общество уже в середине XIX в. выбрало стратегически правильный путь и к началу XX в. сумело создать ту мини-модель гражданского общества, необходимость и перспектива которого до сих пор не осознаны в мусульманских странах»⁸⁵. Даже если признать в этом тезисе своего рода мегаломанию, нельзя не согласиться в том, что татарское общество действительно накопило опыт обращения к религии на пути создания гражданского общества. История повторяется: сегодня гражданское общество в России, в том числе в мусульманских регионах, не может быть построено без переосмысления роли религиозной традиции и мысли.

Ислам и государство

Формальное конституционное отделение религии от государства не отрицает теснейшего взаимодействия между религиозными и светскими институтами. Известный ученый Фарид Асадуллин напоминает, что «в России с екатерининских времен правления сложилось, что интересы мусульман перед государством отстаивали особые исламские управленческие структуры, созданные по прототипу Священного Синода, духовные управления мусульман (муфтияты)»⁸⁶. В XXI в. муфтияты сохранили свое значение, причем постсоветское правление подтвердило готовность государства сотрудничать с этими структурами при одновременном контроле над ними. Мусульманская духовная элита на разных уровнях стремится к взаимодействию с государством, апеллируя к нему при решении своих проблем. «Несмотря на принцип отделения государства от религии, государство не должно игнорировать духовные потребности общества», — считает Равиль Гайнутдин⁸⁷, и под этими словами подписались бы, пожалуй, все официально признанные мусульманские пастыри. Например, муфтий Дагестана Ахмад-хаджи Абдуллаев, выступающий за «сотрудничество и совместные с государством усилия по духовному оздоровлению общества»⁸⁸. По мнению имама ингушского села Галашки Умара Арапханова, «необходима государственная поддержка исламской жизни в республике, исламской мысли в России»⁸⁹. Глава ДУМ Мордовии Рашид-хазрат Халиков в обращении к президенту республики Николаю Меркушкину подчеркивает, что «...мусульмане всегда могут рассчитывать на помощь и понимание со стороны властных структур.

Такой положительный опыт сотрудничества необходим очень многим регионам нашей страны»⁹⁰. А глава Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев неоднократно подчеркивал: «...Без тесного взаимодействия с властью невозможно обуздать ваххабизм и терроризм. Нам нужно работать в одной упряжке, если мы хотим побороть это зло»⁹¹. И подобных высказываний не счесть.

Согласие мусульман на патерналистский подход к ним со стороны государства несомненно. Почему они нуждаются в государственной поддержке? Во-первых, в России только государство может (если желает) обеспечивать конфессиональные права мусульманского меньшинства, что в условиях растущей исламофобии актуально. Во-вторых, оно патронирует диалог ислама и православия, время от времени «мягко» сдерживая амбиции последнего. В-третьих, государство через местные администрации нередко субсидирует строительство культовых зданий, а также учебных центров, выплачивает (частично или полностью) жалование священнослужителям. Это делается в Татарстане, Башкирии, Москве, Мордовии, Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карачаево-Черкесии⁹², других субъектах Федерации. Муфтии Адыгеи, Кабардино-Балкарии просили своих президентов выплачивать жалование имамам. В Башкирии из 40 участников проведенного среди священнослужителей опроса 39 высказались за выплату имамам зарплаты, поскольку они «занимаются государственным делом»⁹³. Что касается Чечни, то там регулярная зарплата не выплачивается, но выдаются «конверты» или «гранты» на организацию религиозных мероприятий или строительство мечетей (при тотальной коррупции отследить, на что в самом деле тратятся деньги, невозможно). В-четвертых, только опираясь на государство, имамы и муфтии могут противостоять натиску «неформального» ислама. По мнению Исмаила-хаджи Бостанова, «...со временем подвергнется пересмотру принцип отделения религии от государства. Ведь власть каждый день спрашивает с нас за радикалов»⁹⁴.

Зависимость от государства и сотрудничество с ним не означают, однако, что в мусульманской среде господствует тотальный «одобрямс». Мусульманское сообщество дерзает высказывать самостоятельную точку зрения, идущую вразрез с официальными установками. Не все российские муфтии согласны с безоглядными гонениями на ваххабизм, в разгар балканского конфликта мусульмане открыто солидаризировались с боснийцами и албанцами, а не с сербами, что вызывало раздражение российского

МИДа. Не поддержал официальную позицию Москвы на Балканах президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Основатель Исламской демократической партии либерал Абдурашид Саидов говорил, что «поддержка должна быть гуманитарной, а не по признакам национальности или вероисповедания». Попутно Саидов проводил аналогии с Чечней, замечая: «...У нас свои косовары в лице чеченцев»⁹⁵.

Мусульмане бывают в обиде на государство, когда видят, что предпочтение отдается православию. Они болезненно наблюдают за тем, как на государственных праздниках патриарх усаживается подле президента, как Русская православная церковь утверждается в армии, как она пытается корректировать в свою пользу систему образования. Им не по сердцу ссылки современных политиков на философа Ивана Ильина, рассуждавшего о «христианской империи». Они чувствуют себя оскорбленными средствами массовой информации, которые резко и часто неуважительно отзываются об исламе, в то время как редкий автор рискнет высказываться о православии, не подчеркивая при этом свой пиетет к нему (сожаления по поводу репортажей по всем федеральным каналам о посещении первых лиц государства церквей на пасхальные и рождественские праздники вслух не высказываются).

В 1977 г. на конференции «Ислам в России: традиции и перспективы» неожиданно был поднят вопрос о православной принадлежности герба России. Была принята рекомендация Федеральному собранию и президенту при принятии закона «О гербе и флаге Российской Федерации» предусмотреть исключение религиозной символики из гербе России — светского государства⁹⁶. Критикуя авторов этого обращения, Рамазан Абдулатипов сетовал: «Мы слышим бесконечные высказывания по поводу того, что на гербе есть кресты. Но не надо в связи с этим навязывать себе какую-то ущемленность, ограниченность. И совершенно правильно говорит Саид-Мухамед (муфтий Дагестана. — А. М.), что это надо рассматривать как признак возрождения религии вообще, как уважение»⁹⁷. В 2005 г. проблема возникла вновь. На этот раз инициатива исходила от Всетатарского общественного центра. В центре интриги оказался Нафигулла Аширов, озвучивший эту мысль в СМИ. Впрочем, надо отдать должное Аширову, его замечания носили скорее академический характер. Муфтий не кликушествовал и не призывал к немедленной смене герба. Я участвовал вместе с ним в телевизионной передаче Леонида Млечина «Версты», где он вел себя тактично.

В целом же разговоры вокруг государственного герба не привели к обострению исламо-государственных отношений и сравнительно быстро прекратились.

Провинциальной пародией на конфликт по поводу герба стал разразившейся в 2003 г. в Пензенской области скандал из-за попытки местного Законодательного собрания утвердить на ее флаге изображение Спаса Нерукотворного.

Критика мусульманами государства носит предметный характер, особенно когда она затрагивает религиозно-нравственные проблемы, к которым мусульмане особенно чутки. Так, в 2004 г. в Дагестане (да и не только там) местные духовные авторитеты были недовольны тем, что Государственная дума отклонила поправки к закону «О рекламе», в которых налагался запрет на чересчур фривольные изображения женщин⁹⁸.

Преданность государству сочетается в позиции духовенства в местах компактного проживания мусульман (например, в Татарстане) со стремлением «придерживаться идеи целесообразности постепенной исламизации татарского общества» и допускает «совмещение шариата со светским законодательством»⁹⁹. Складывается впечатление, что часть духовных деятелей рассматривает нынешний этап как переходный к ситуации, когда влияние ислама на общество неизмеримо возрастет. В соответствии с этой логикой уступки государству выглядят временными и вынужденными, ибо, как полагает Валиулла Якубов, «на религиозной идее *пока* (выделено мной. — А. М.) нельзя прийти к власти»¹⁰⁰. С этим суждением совпадает мнение популярного дагестанского политика, бывшего председателя Исламской партии Дагестана Сураката Асиятилова, который, признавая, что «не следует сегодня муссировать вопрос об установлении исламской республики в Дагестане», вслух мечтает «о том дне, когда в его стране будет установлен исламский порядок, и его будет судить не двуглавый орел, а шариатский суд»¹⁰¹. Все это созвучно позиции тех мусульман в Западной Европе, которые, рассуждая о проблемах «шариата для меньшинства», выражают уверенность, что рано или поздно шариат станет законодательством большинства.

Идея постепенной, но неотвратимой исламизации медленно обретает черты законченного концепта. Конечно, ее нельзя рассматривать как руководство к действию, тем не менее она постепенно «застревает» в сознании мусульман, побуждая их к более активным действиям на религиозной стезе, способствуя их убежденности в первичности вероисповедальной идентичности.

Сегодня «мусульманский мир современной России — это определенная социокультурная, эстетическая, нравственная, этнопсихологическая и политическая реальность»¹⁰². Состоявшееся возрождение ислама противоречиво и неоднозначно по своим последствиям. Главный его результат состоит в том, что мы имеем дело с «новым» исламом и новыми мусульманами. «Положение ислама и мусульманских организаций в современном российском обществе, — считает Равиль Гайнутдин, — не имеет ничего общего ни с советским, ни с дореволюционным прошлым»¹⁰³. «В России... сформировался новый тип мусульманина»¹⁰⁴. Думается, точнее говорить не об одном-единственном, а о целом спектре мусульманских типажей. Сам ислам плюралистичен в богословском и идеологическом смысле. В нем сформировались оппозиционные власти тенденции. Он тесно связан с мировой уммой.

«В настоящее время, — пишет Фарид Асадуллин, — функции муфтиятов возросли и очень пересекаются с интересами государства в сфере обеспечения гражданского мира и межнационального согласия»¹⁰⁵. Не противоречит ли его высказывание отмеченной выше лояльности духовенства? Нет, поскольку, во-первых, мусульмане России как никто другой заинтересованы в межнациональном и межконфессиональном согласии, а во-вторых, страшно представить, что случится при дальнейшей радикализации исламской оппозиции, чему, замечу, в немалой степени способствует недалёковидный курс некоторых федеральных и особенно местных политиков, в том числе на Северном Кавказе.

В обозримом будущем сплочение российских мусульман в общину не состоится. Попытки добиться этого оказались неудачными. В 2004 г. не состоялась общероссийская общественно-политическая организация, которая, по замыслу генерального директора Института прав человека Камиля Каландарова, защищала бы «экономические, политические и религиозные права всех нацменьшинств, исповедующих ислам». В 2005 г. был создан фонд «Российское исламское наследие», который, будучи по уставу светской организацией, нацелен на расширение и укрепление связей между мусульманами разных регионов. Однако активность этого фонда невысока.

Консолидация не наступит даже при самом трагическом сценарии — распаде России, обсуждение которого было весьма популярно в 2003—2004 гг. При таком развитии Поволжье и Северный Кавказ конституируются в некие не связанные между собой квазигосударственные образования с разной внешнеполитичес-

кой ориентацией. Обостряются при таком раскладе и противоречия между мусульманскими республиками Северного Кавказа.

Гипотетическая дестабилизация спровоцирует общую радикализацию ислама, взрывную политическую активность под религиозными лозунгами, интеграцию исламистов на федеральном уровне. Детальные последствия всего этого предсказать невозможно, но ясно одно — смута в России неизбежно вызовет активность исламистов внутри страны и по всему ее периметру.

Примечания

¹ *Садовская Е.* Адаптация трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России: роль образования // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: Ежегод. доклад сети этнополит. мониторинга, 2005. — М., 2006. — С. 38.

² За кого голосуют мигранты? Таджикистан за неделю // <http://www.regnum.ru/news/6969.html> (30 августа 2006 г.).

³ *Бычков С.* Центровой муфтий // Моск. комсомолец. — 2006. — 27 февр.

⁴ *Верховский А.* Публичные отношения православных и мусульманских организаций на федеральном уровне // Ислам в российских регионах. — М., 2007.

⁵ Цит. по: *Курбатова О. Л., Победоносцева Е. Ю., Свежинский Е. А.* Влияние этноконфессиональных факторов на динамику генофонда населения Москвы // Мусульмане изменяющейся России. — М.: РОССПЭН, 2002. — С. 155.

⁶ *Модестов С. А.* Геополитика ислама. — М.: Мол. гвардия, 2003. — С. 130.

⁷ Совр. мысль. — 2005. — № 12 (81). — С. 5.

⁸ *Баснукаев М. Ш.* Политико-экономические аспекты российско-чеченского конфликта // Академическая и вузовская наука народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. — М., 2004. — С. 92.

⁹ *Силантьев Р.* Новейшая история исламского сообщества России / ИИПК «Ихтиос». — М., 2005. — С. 149.

¹⁰ *Переведенцев В.* Страна стариков? // Отеч. записки. — 2004. — № 4. — С. 35.

¹¹ О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2002 г. // <http://www.gks.ru/PEREPIS/report.htm>; *Тишков В.* О переписи, о русских и нерусских // Независимая газ. — 2003. — 11 нояб.

¹² *Новохатский С.* Исламизация России? // Москва. — 2006. — № 6. — С. 160.

¹³ *Хоперская Л.* Миграционные процессы и политическая ситуация на Северном Кавказе // Миграции на Кавказе: Материалы конф. — Ереван, 2003. — С. 56.

¹⁴ *Муфтий шейх Равиль Гайнутдин.* Экономическое и финансовое управление религиозными и благотворительными организациями — реалии и перспективы: Доклад на четвертом Всероссийском семинаре руководителей духовных управлений мусульман. — [Б. м.], 2005.

¹⁵ Минтимер Шаймиев: «Я взял ответственность на себя» // Моск. комсомолец. — 2005. — 29 апр.

¹⁶ Кисриев Э. Ислам и национальные отношения на Северном Кавказе // Ислам в российских регионах. — М., 2007.

¹⁷ Малащенко А. Исламское возрождение современной России / Моск. Центр Карнеги. — М., 1998.

¹⁸ Гайнутдин Р. Ислам в современной России. — М., 2004. — С. 71—129.

¹⁹ Мухаметшин Р. Ислам в общественно-политической жизни татар и Татарстана в XX веке. — Казань, 2005. — С. 44.

²⁰ Мусина Р. Н., Шумилова Е. А. Этноконфессиональное взаимодействие и проблемы толерантности // Государственно-конфессиональные отношения в современном Татарстане. — Казань, 2003. — С. 144.

²¹ Кривицкий К. В. Религиозный фактор в этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Религия и политика в современной России. — М., 1997. — С. 45 (среди русских 13% высказались за тотальное влияние религии на общество и 40% — за существенное).

²² Метелева С. Терроризм в Набережных Челнах курировали власти // Моск. комсомолец. — 2005. — 17 мая.

²³ Мухаметшин Р. Указ. соч. — С. 157.

²⁴ Кривицкий К. В. Указ. соч. — С. 42.

²⁵ Мусина Р. Мусульманская идентичность как форма «религиозного национализма» татар в контексте этносоциальных процессов в этнополитической ситуации в Татарстане // Ислам в Евразии. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — С. 301.

²⁶ Овсиенко Ф. Г. Встреча православия и католицизма в контексте диалога культур // Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе: Материалы междунар. конф. (Москва, 23—24 марта 1999 г.). — М., 2000. — С. 99.

²⁷ Данные реестра Минюста России на 1 января 2004 г.

²⁸ Интервью с Владимиром Зориным // Отечеств. записки. — 2003. — № 5. — С. 75.

²⁹ Абдулатипов Р. Стремиться к личностному совершенству // Ислам в России: традиции и перспективы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 4—5 декабря 1997. — М., 1998. — С. 96.

³⁰ Справка «Общие сведения о количестве религиозных организаций в РД. По уточненным сведениям горрайадминистрации на октябрь 2000 г.».

³¹ Отечеств. записки. — 2003. — № 5. — С. 84.

³² Степанов А. Чеченцы выбрали себе королеву // Известия. — 2006. — 29 мая.

³³ Новохатский С. Указ. соч. — С. 164.

³⁴ Подробнее см.: Беккин Р. Исламская экономическая модель и проблема ее применения в России // Центр. Азия и Кавказ. — 2006. — № 1 (43). — С. 107—119.

³⁵ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. — Уфа, 1999. — С. 299.

³⁶ Цит. по: Мухаметшин Р. Указ. соч. — С. 151.

³⁷ Беляков Р. III Съезд мусульман Татарстана // Бюл. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — 2006. — № 65. — Янв.—февр. — С. 41.

³⁸ *Ректор Московского исламского университета Марат Муртазин. Исламское образование в современной России* // <http://muslim.ru>.

³⁹ Из разговора с ректором колледжа Маратом Муртазиным.

⁴⁰ *Арапханов У. А. Право и ислам в Ингушетии* // *Ислам и право в России*. — Вып. 1. — М., 2004. — С. 79.

⁴¹ *Магомедов А. М. Основы религиозной политики в Республике Дагестан* // Там же. — С. 131.

⁴² *Магомедов А. М., Ханбабаев К. М. Религия и процессы миротворчества в Дагестане* // *Государство и религия в Дагестане: Информ.-аналит. бюл. [Махачкала]*. — 2003. — № 2 (5). — С. 12.

⁴³ Выступление муфтия Рауиля Гайнутдина на конференции «Взаимодействие государства и религиозных объединений». Москва, 2002 г. // <http://muslim.ru>.

⁴⁴ *Мухетдинов Д. В. Участие государства в системе религиозного образования российских мусульман* // *Ислам в современном мире* [Н. Новгород]. — 2005. — № 2. — С. 10—11.

⁴⁵ <http://www.islam.ru/pressclub/islamofobia/isobro>.

⁴⁶ Архив автора.

⁴⁷ *Гайнутдин Р. Выборы в России и выбор мусульман* (По материалам социологического исследования «Электоральные предпочтения российских мусульман», проведенного Советом муфтиев). — М., 2004.

⁴⁸ *Малаиенко А. Исламское возрождение современной России* / Моск. Центр Карнеги. — М., 1998. — С. 141.

⁴⁹ Цит. по: Рос. вести. — 1996. — 22 мая. См. также: Во имя интересов народа: Интервью председателя ИПР Магомеда Раджабова // *Наследие: Спец. вып. [Махачкала]*. — 2003. — Февр. — С. 4.

⁵⁰ *Морозов П. Борис Акбар!* // *Известия Мордовии*. — 1996. — 30 мая.

⁵¹ *Политический альманах России 1997* / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги. — Т. 1. — М., 1998. — С. 419, 423.

⁵² *Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В. Всероссийские мусульманские съезды 1905—1906 гг.* — Н. Новгород, 2006. — С. 45—46.

⁵³ Павел Бородин — одна из скандальных фигур российской политики. В 1993—2000 гг. он занимал пост управляющего делами президента России. В 2002 г. был признан судебными властями Швейцарии виновным в коррупции и отмывании «грязных денег». В 2000 г. избран государственным секретарем Союза России и Белоруссии.

⁵⁴ Во имя интересов народа: Интервью председателя ИПР Магомеда Раджабова. — С. 4.

⁵⁵ *Манифест: Сценарии политического представительства уммы во властных структурах Российской Федерации и насущная необходимость единения мусульманской уммы*. — Н. Новгород, 2006. — С. 13—14.

⁵⁶ *Бурьянов С. А. Религия на выборах в России: Фактор отношений государства с религиозными объединениями в федеральном избирательном цикле 2003—2004 года*. — М., 2005. — С. 51.

⁵⁷ *Бойко И., Харитонов В. Послание президента республики* // *Бюл. Сети этнологич. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. — 2006. — № 65. — Янв.—февр. — С. 43.

⁵⁸ *Тульский М. Взаимоотношения мусульманских организаций России с федеральными и региональными властями* // *В пределах светскости* / Сост. А. Верховский. — М., 2005. — С. 235.

⁵⁹ *Идрисов Умар-хазрат*. Роль и место духовных управлений мусульман России в развитии культуры татарского народа // Фаизхановские чтения. — Н. Новгород, 2005. — С. 23.

⁶⁰ *Longuet-Marx F.* Le retour de l'imam // Nouveaux mondes. — 1998. — № 8; Caucase: Axes anciens nouveaux enjeux / Sous direction de F. Longuet-Marx / CRES. — Geneve, 1998. — P. 174.

⁶¹ *Мухетдинов Д. В.* Азан над Волгой. — Н. Новгород, 2005. — С. 53.

⁶² *Фатулаев М.* Духовенство Северного Кавказа требует финансовой поддержки от государства // НГ-религии. — 2005. — 31 янв.

⁶³ См.: *Малашенко А.* Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2001. — С. 67–72.

⁶⁴ *Узденов А.* Убитый лидер боевиков был заместителем выпускника высшей школы КГБ // Новая газ. — 2005. — 17 окт.

⁶⁵ *Ханбабаев К. М.* Возрождение мусульманского права в Дагестане: теория и практика // Ислам и право в России: Вып. 2. — М., 2004. — С. 130.

⁶⁶ *Речкалов В.* Почему не могут поймать Шамиля Басаева // Известия. — 2004. — 6 дек.

⁶⁷ *Engelhardt G. N.* Militant Islam in Russia — Potential for Conflict // Moscow Defense Brief. — 2005. — № 2.

⁶⁸ *Ярлыкапов А. А.* Новое исламское движение на Северном Кавказе: взгляд этнографа // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы: Вып. 31. — М., 2006. — С. 207.

⁶⁹ *Беджанов М. Б.* Ислам — мировая религия. — Майкоп, 2005. — С. 46.

⁷⁰ *Семенов Абдуллах (Петр).* От лепешки до экстремизма — один шаг // Свет [Майкоп]. — 2006. — № 5. — Февр. — С. 4.

⁷¹ *Колонтаевская Е.* «Летучие голландцы» ногайского батальона // Ставропол. правда. — 2003. — 1 марта.

⁷² *Курбанов Х. Т.* Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. — Ростов н/Д, 2006. — С. 116.

⁷³ *Абдулагатов З.* Дагестан и Татарстан: две тенденции в государственно-конфессиональных отношениях, определяемых российским исламом // Центр. Азия и Кавказ. — 2005. — № 1 (37). — С. 60.

⁷⁴ Там же. — С. 59.

⁷⁵ *Кисриев Э. Ф.* Ислам и власть в Дагестане. — М., 2004. — С. 77.

⁷⁶ Само определение «евроислам» возникло, естественно, в Европе, где ему придают разный смысл. Для одних это форма приспособления и выживания мусульман в обществе с иными традициями. Зато, по мнению других, в частности авторитетного исследователя Оливье Руа, «евроислам» близок к «универсальному исламу», несущему в себе радикальный импульс. См.: *Roy O.* EuroIslam the Jihad Within? // The National Interests. — 2003. — Spring. — P. 63.

⁷⁷ *Хакимов Р.* Двести лет исламской реформации // Вестн. Ин-та Кеннана в России. — 2004. — Вып. 6. — С. 44.

⁷⁸ *Баутдинов Г.* Татарстан: европейские предтечи ислама // Россия и мусульманский мир: Бюл. — 2004. — № 4 (142). — С. 56.

⁷⁹ *Ярлыкапов А.* Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестн. Евразии. — 2003. — № 2. — С. 17.

⁸⁰ См. интервью Равиля Гайнутдина «НГ-религии» от 4 февраля 2004 г.

⁸¹ Султанаев М. Атипичная исламийя // Звезда Поволжья [Казань]. — 2003. — 29 мая — 4 июня.

⁸² Бабич И. Л. Ислам и право в Кабардино-Балкарии // Ислам и право в России. — М., 2004. — Вып. 1. — С. 105.

⁸³ Муфтий Равиль Гайнутдин. Обращение к прошлому — не самоцель, а проявление заботы о настоящем и будущем ислама и мусульман России: Доклад на Международной научно-богословской конференции, посвященной 1400-летию начала распространения ислама на территории России. — М., 27 мая 2000. — С. 23.

⁸⁴ Хакимов Р. Где наша Мекка? — Казань, 2005. — С. 27.

⁸⁵ Мухаметшин Р. Указ. соч. — С. 233.

⁸⁶ <http://www.muslim.ru/razde.cgi?id=386&rid0=156&rid1=386&rid2=>.

⁸⁷ Муфтий шейх Равиль Гайнутдин. Экономическое и финансовое управление религиозными и благотворительными организациями — реалии и перспективы: Доклад на четвертом Всероссийском семинаре руководителей духовных управлений мусульман. — [Б. м.], 2005.

⁸⁸ Магомедов А. М. Основы религиозной политики в Республике Дагестан // Ислам и право в России. — М., 2004. — Вып. 1. — С. 137.

⁸⁹ Арапханов У. А. Право и ислам в Ингушетии // Ислам и право в России. — М., 2004. — Вып. 1. — С. 79.

⁹⁰ Мартыненко А., Шилов Н. Мордовия. Новости мусульманской общины // Бюл. Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — 2006. — № 65. — Янв.—февр. — С. 36.

⁹¹ Интерфакс. — 2006. — 6 февр.

⁹² В Карачаево-Черкесии с декабря 2005 г. получают зарплату (3300 руб.) 130 имамов, одновременно им оформляются пенсии.

⁹³ Магомедов А. К., Маузузато К., Викторин В. М. Ислам и политика в современной России: «ядро» и «периферии» мусульманского пространства. — Ульяновск, 2006. — С. 25.

⁹⁴ НГ-религии. — 2005. — 31 янв.

⁹⁵ Саидов А. «Опять мы против Европы» // Новое дело [Махачкала]. — 1999. — 16 апр.

⁹⁶ Ислам в России: традиции и перспективы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 4—5 декабря 1997. — М., 1998. — С. 19.

⁹⁷ Абдулатипов Р. Стремиться к личностному совершенству. — С. 95.

⁹⁸ Депутаты за обнаженку // Нур-ул-Ислам [Махачкала]. — 2004. — № 2. — Февр.

⁹⁹ Мухаметшин Р. М. Богословско-правовой аспект исламского возрождения в постсоветском Татарстане // Ислам и право в России. — М., 2004. — Вып. 2. — С. 93.

¹⁰⁰ Иман. — 1998. — № 5. — Март.

¹⁰¹ Асиятлов С. Х. Ислам спасет будущее Дагестана. — Махачкала, 1999. — С. 77, 27.

¹⁰² Ислам в Евразии... — С. 101.

¹⁰³ Гайнутдин Р. Ислам в современной России. — С. 54.

¹⁰⁴ Там же. — С. 87.

¹⁰⁵ Асадуллин Ф. Москва мусульманская. — М., 2003.

Глава вторая

Каким нам видится ислам

В российском обществе отношение к исламу двойственное. «В России так и не появился характерный для Западной Европы миф о “загадочном Востоке”. Восток всегда был своим»¹. Правда, «загадочный Восток» все же существовал — были арабские сказки, Индия Афанасия Никитина. И если татары не составляли тайны, то таковой обладали народы Кавказа и Центральной Азии. Мусульманский Восток смотрится пусть и близким, но все же экзотическим.

Ислам воспринимали и воспринимают как нечто чуждое России на уровне подсознания. Мусульманам положено жить на вечно воюющем Ближнем Востоке, в пустынном Афганистане, в Средней Азии, на Кавказе. К тому же ислам в представлении многих русских несовместим с морозом. Если муфтий будет призывать с минарета «в сорокаградусный мороз с ветерком бодрящим, тогда и муфтиев не напасешься»². В свое время, комментируя возможность экспансии талибов в России, в частности страшилку, что они «дойдут до Казани», автор этих строк шутил, что «не дойдут, замерзнут»³ (лично меня всегда очаровывали мечети в ледяную казанскую зиму).

Отстраненному взгляду на ислам способствовала советская идеология, делившая ислам на «зарубежный» — чаще антикоммунистический, зато активный, политизированный, использовавшийся в качестве идеологии (джихада) в освободительном движении, и свой — сохранившийся среди «невежественных стариков», «слабых женщин» «советский ислам», который третировался как феодальный реликт (вот вам и «традиционный ислам» из первой главы!). Конечно, и тогда некоторые умные функционеры в партийном аппарате, особенно в Комитете государственной безопасности, отдавали себе отчет в том, что ислам в СССР куда как живуч и не утратил своих функций регулятора социальных отношений. Но, повторяю, «наш ислам» не был тождествен «ихнему» закордонному исламу, а религиозная идентичность советских мусульман считалась маргинальной и исчезающей.

В конце XX в. после распада СССР и под влиянием обострения противоречий между мусульманским миром и Европой с Америкой, внутренних конфликтов в России российский ислам все чаще сравнивался с зарубежным со всеми его минусами и плюсами. Особенно это справедливо для Северного Кавказа — пограничной зоны России и мирового мусульманства. Удаленность ислама или его близость воспринимаются в зависимости от конкретной политической ситуации. Чеченская война привела к тому, что в массовом сознании Северный Кавказ стал дальше от нас и ближе к мусульманскому миру. Ближе к нему становится Татарстан с его тысячами мечетей, исламским университетом и целеустремленным желанием перейти с кириллицы на латиницу. Побудительным мотивом сделать шаг в сторону от России стало для мусульман ельцинское «берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить».

Однако, несмотря на различия между советским и российским временами, деление ислама на «свой» и «чужой» сохраняется, что особенно характерно для новой официальной идеологии. Правда, теперь в ней утвердился иной акцент: «чужим» именуется фундаменталистский (ваххабитский и пр.) ислам, который противостоит «нашему» традиционному исламу, отвергающему политическую ангажированность религии, погруженному в собственно религиозные дела.

Подавляющая часть россиян судит об исламе по действиям религиозных экстремистов, конфликтам с участием мусульман, по радикальным заявлениям мусульманских политиков и духовных лиц. Наконец, ислам ассоциируется с наплывом в Россию мигрантов.

Мало кто открывал Коран, зато некоторые еще читают газеты и каждый смотрит телевизор, на экране которого мусульмане появляются в связи с терактами, войнами и спецоперациями на Северном Кавказе. Правда, в репортажах с официальных приемов можно наблюдать мусульманских духовных авторитетов, изрекающих расхожие банальности, не способные увлечь зрительскую массу.

В сознании людей выработалось несколько стереотипов мусульманина: бритого наголо бородатого мужика с автоматом, террориста в маске, жуликоватого дельца. Все они агрессивны, безжалостны и с презрением относятся к русскому обывателю. Правда, еще есть приехавший на заработки и нещадно эксплуатируемый «мусульманский бедолага» в тубетейке. Он не вызывает неприязни, но нет к нему и чувства сострадания, а заодно и уважения.

Интересно, что ни один из негативных стереотипов не ассоциируется с татарами, которые в большинстве своем, особенно в городах, по образу жизни и менталитету близки к славянам или вообще от них неотличимы. Русский обыватель не акцентирует мусульманскую идентичность татар, они просто привычный сосед. «Поскреби русского, найдешь татарина» — эта установка никем под сомнение не ставится.

Но вот сколько ни скреби православного, мусульманина там не найдешь. Недаром для татарских имамов болезненной остается проблема татар-христиан — кряшенов. Это косвенное напоминание о том, что именно ислам (даже не язык) есть главный «маркер», отличающий татар от этноконфессионального большинства.

Восприятие исламского мира отягощено трагедией 11 сентября 2001 г., терактами в России и Европе, воинственной фразеологией мусульманских политиков и многими «частными случаями»: расстрелом талибами статуй Будды в 2001 г., убийством в Голландии режиссера Тео Ван Гога в 2005 г., смертным приговором гражданину Афганистана в 2006 г. за переход из ислама в христианство, «карикатурным скандалом» 2006 г., когда в ответ на публикацию комиксов с изображением пророка Мухаммада «мусульманская улица» кинулась громить европейские посольства и пр. При всей разномасштабности эти события заставляют людей думать об агрессивности ислама, способствуя тому, что мусульманский мир в их сознании ассоциируется с его радикальными и экстремистскими течениями.

Любопытство вызывают прежде всего выходящие за рамки межконфессионального и политического консенсуса действия мусульман, тем более когда они попадают под увеличительное стекло СМИ и политиков. Но и без лупы очевидно, что теракты в России совершают мусульмане или те, кто именует себя мусульманами. Очевидно также, что россияне имеют достаточно оснований предъявлять претензии к мигрантам из мусульманских регионов и стран. Последнее замечание не означает, что вся колоссальная проблема миграция сводится к неадекватному поведению приезжих. Но, критикуя прессу, политиков, литераторов, теле- и кинодеятелей, рассуждая о русском национализме, следует помнить, что побудительные мотивы негативного восприятия мигрантов создаются в том числе ими самими.

Конечно, можно «развести» собственно исламофобию и мусульманофобию, т. е. неприятие ислама и неприязнь к мусульманам. Тогда на первый взгляд все должно стать на свои места:

ислам неприкасаем, зато неправильно ведут себя отдельные его последователи. Однако это вряд ли корректно, да и вообще невозможно отделить традицию от ее носителей.

Попытки же мусульманских духовных лидеров представить ислам исключительно как «религию мира» (наиболее расхожее выражение при разного рода межконфессиональных диалогах) встречаются со скепсисом. Во-первых, имамы и муфтии редко бывают настолько профессионально красноречивы, чтобы убедить немусульман в своей правоте. А во-вторых, по мере усмирения свободы суждений звучащие из телевизора слова вызывают все меньше доверия — точно так же в недавние времена воспринималась разухабистая советская пропаганда. В-третьих, деяния исламских радикалов опровергают в глазах людей тезис о миролюбии ислама.

К тому же Россия почти два десятилетия (с коротким перерывом) воюет с мусульманами. Конкретный враг в массовом сознании представляется афганским муджахедом, кавказским боевиком. Нынешнее поколение ветеранов вправе называть себя «ветеранами мусульманских войн». Участник обеих войн по имени Мага, сражавшийся в ходе чеченской кампании на стороне «ичкерийцев», говорит, что применявшиеся советскими и российскими военными приемы были везде одинаковы: в Чечне «башня на бэтээре ходит по кругу, пулемет долбит без остановки на кого бог пошлет», в Афганистане «проезжаем колонной мимо кишлака, кто-то по нам выстрелил. Не из автомата даже, из ружья. Останавливаемся, окружаем кишлак, прочесываем. Заглянешь в хибару... гранату кинешь на всякий случай или очередь дашь. А потом танками и бэтээрами утюжим. ...Ровная площадка остается»⁴. Приводя такие «подробности», я не преследую цель осуждать тех, кто так воевал. Просто хочется еще раз подчеркнуть, что все это ближе к «войне цивилизаций», чем к диалогу между ними, и вряд ли быстро сотрется из исторической памяти.

Contra et pro

Отношение к исламу и мусульманам вписывается и в общий контекст ксенофобии, которая в первой половине 1990-х годов выглядела скорее темным облаком на демократических горизонтах общественного сознания и считалась рудиментом посттоталитарного мышления, а спустя десять лет превратилась в его

(сознания) системообразующую часть. «Россия — это мононациональное государство русских по всем писаным и неписаным законам человечества, по всем международно-правовым нормам. ...Мы, русские, не хотим считаться ни с какими малыми народами»⁵ — это высказывание, выглядевшее десять лет назад «неуместным», теперь всего лишь провидческий парафраз лозунга «Россия для русских», который, по данным одного из опросов, в 2006 г. поддержали 35,4% российских граждан⁶. Если в 1989 г. признаки ксенофобии проявлялись у 20% населения, то в 2001 г. эта цифра выросла до 50%⁷. По данным опроса ВЦИОМа 2006 г., каждый второй россиянин допускал возможность столкновений на национальной почве, а в Москве и Санкт-Петербурге вероятным такое столкновение считали до 89% опрошенных⁸. 39% россиян полагают, что многонациональность приносит стране больше вреда, чем пользы, и только 34% высказывают противоположное мнение⁹.

Особенно негативно к мигрантам относятся в южных регионах. По данным проведенного в 2004 г. опроса, в Краснодарском крае негативно к мигрантам относится 41% (с сочувствием — только 19%)¹⁰. Социолог Лев Гудков считает, что по уровню ксенофобии Россия превзошла даже самую ксенофобскую страну Европы — Австрию¹¹. «Мы потихоньку фашизем, — восклицает кинорежиссер Алексей Герман. — Сегодня почти любая выпивка кончается разговорами о “черных”»¹².

На вопрос ВЦИОМа (март 2002 г.) «Какие чувства Вы лично испытываете в целом к людям, приезжающим в Россию?» ответы «В основном отрицательные» и «Резко отрицательные» по отношению к выходцам с Северного Кавказа составили соответственно 43,3% и 30,1%, к уроженцам Средней Азии — 38,7% и 25,0%, к арабам — 30,3% и 20,2%¹³. Думается, религиозный компонент здесь присутствует. Вероятно, поэтому «рейтинг доверия» к мигрантам — белорусам, молдаванам и украинцам заметно выше, чем к мусульманам, и составляет соответственно 12,6% и 4,0%¹⁴. Негативное отношение к иноэтничным мигрантам характерно для 73% сотрудников МВД¹⁵.

Мигрантофобия будет расти впредь, хотя бы в силу роста числа самих мигрантов. «Нам нужно от 700 тыс. до 1 миллиона мигрантов в год, — отмечает этнолог Владимир Мукомель. — Понятно, что они будут, скорее всего, представителями тех этнических групп, которые не являются традиционными для России»¹⁶. Выступая в 2004 г. на конференции «Человеческие ресурсы России», руководитель Федеральной службы государственной

статистики Владимир Соколин отметил, что «важную роль в деле воспроизводства (населения. — *А. М.*) могут сыграть мигранты-мусульмане, традиционно не склонные к алкоголизму и способные обеспечить повышенную рождаемость» (каждый год в России от неестественных причин — алкогольного отравления, ДТП, самоубийств — погибают 200 тыс. мужчин)¹⁷.

«Здравствуйте! Организация студентов предлагает вам помощь в выполнении любой работы. Бригада грузчиков и разнорабочих. Русские», «Сдам квартиру русской семье», «Русская семья снимет квартиру. Порядок гарантируем» — типичные объявления в российских газетах и подъездах. Такие «анонсы» можно назвать бытовым символом ксенофобии. Но, с другой стороны, кто не слышал рассказов о том, во что превращают квартиры некоторые выходцы с Кавказа и Центральной Азии, сколь шумно и вызывающе многие из них себя ведут. Тем самым они как бы санкционируют, оправдывают ксенофобию, распространяя ее на всех мигрантов. Если в Европе есть мусульманские кварталы, то в России пока только кавказские и среднеазиатские квартиры.

«*Молодая религия* (выделено мной. — *А. М.*) сегодня бичует белое мясо Европы, — пишет глава молодежного движения партии «Родина» Сергей Шаргунов. — Но что там Европа — сегодня галдящие чужестранцы захватывают Россию. Заселяют Новосибирск, Тверь, Москву. Волшебнo превращаются из гостей в хозяев и начинают не понимать и презирать нас, “картофельных слабаков”»¹⁸. «...блин ...уроды они ...приехали к нам погостить <...> глядишь уже жить остались <...> да и еще свои права пытаются пропихнуть <...> ша куды не глянешь везде замешаны тама... Нелюблю и их <...> и в чем тож поддерживаю Гитлера <...> за моноструктуру обще-ва» — это уже взято из интернет-форума Астрахани (стиль и графика оригиналов сохранены)¹⁹.

В отношении к мигрантам Россия оказывается в одном ряду с европейскими странами. Так, недовольство в связи с проживанием мусульман в их стране выражают 75% шведов, 72% голландцев, 67% датчан и швейцарцев, 65% австрийцев и бельгийцев, 61% немцев, 56% финнов, 48% испанцев, 44% итальянцев, 39% британцев, 35% греков²⁰. Однако следует учитывать и то, что в нашей стране мигранты-мусульмане либо в недавнем прошлом были согражданами россиян по СССР, либо являются гражданами России. Они владеют русским языком, сравнительно легко адаптируются к иному быту. У нас мусульмане — «свои чужие». У старшего поколения мигрантов общий с остальными

россиянами менталитет. Последнее обстоятельство может сближать с «принимающей стороной», но может и вызывать дополнительное раздражение: мы же с вами были «одной крови», «а теперь вы тесните нас и богатеете за наш счет».

«Вчера» в ксенофобии доминировал антисемитизм, сегодня она пестрее, а ее главным объектом становятся выходцы с юга, 70% которых мусульмане (речь идет о внутренней и внешней миграции). «Кавказофобия» «захватывает иногда до двух третей населения и более»²¹, а аббревиатура ЛКН (лица кавказской национальности) постепенно стала привычным речевым оборотом. По данным мониторинга Левада-Центра, к чеченцам негативно относятся 52,3%, к азербайджанцам — 29,2%, к евреям же — 11% участников интернет-форумов (среди молодежи до 19 лет эти цифры составляют соответственно 64,1%, 48,9% и 19,5%)²².

Евреи боролись с антисемитизмом преимущественно «ногами», покидая СССР и Россию, или вопреки ксенофобским настроениям сохраняя в разной степени этноконфессиональную самобытность, встраивались в русскую культуру, утверждаясь среди образованной и обеспеченной элиты общества. Мусульмане не уезжают и не растворяются, даже если они «научились забывать» о религиозных запретах. Они оберегают свою конфессиональную идентичность. За их спиной исторический опыт сопротивления, в том числе вооруженного, в который встраиваются и нынешние конфликты.

Так что настроенное и просто негативное отношение к исламу имеет под собой достаточно прочную основу. Отвечая на вопрос «Какая религия кажется Вам наиболее чуждой?», ислам назвали 26% опрошенных, буддизм — 21%, иудаизм — 18%, протестантизм — 13%, католицизм — 9%, православие — 1%, «Ни одна» ответили 20%, затруднились ответить 29%²³. По данным опроса ВЦИОМа (2004 г.), непримиримыми противниками мусульман сочли себя 25% опрошенных россиян²⁴. На вопрос социологов (2002 г.) «Как Вы думаете, какая религия более чужда (враждебна) православию — ислам или католичество?» ответили «Ислам» 50,1%, католичество (отношение к которому в России традиционно негативное) назвали только 12,3%²⁵. Уместно вспомнить, что в ходе проводившегося в 1994 г. в Москве опроса об отношении горожан к религии ислам собрал только 16,5% негативных ответов²⁶.

На вопрос «Считаете ли Вы ислам агрессивной религией?» «Определенно да» ответили 23,1%, «Скорее да» — 26,6% («Ско-

рее нет» — 22,3%, «Определенно нет» — 17,6%)²⁷ (во Франции в 2001 г. 50% жителей ставили знак равенства между исламом и фанатизмом²⁸). С этими данными согласуются результаты проведенного в октябре 2005 г. ВЦИОМом опроса, 48% участников которого ответили, что международный терроризм объявил нашей стране войну (в январе того же года такого мнения придерживались 35%²⁹).

На вопрос «Какого влияния следует сейчас больше всего опасаться России?» (2005 г.) 27,3% ответили, что исламского, 17,6% — национально-шовинистического, 17,0% — западного, 9,3% — китайского, 8,5% — израильского, сионистского³⁰.

И как вывод: на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы были введены административные ограничения на распространение ислама в России?» (2004 г.) «Целиком положительно» ответили 19,2%, «Скорее положительно» — 25,5% («Скорее отрицательно» — 26,7% и «Резко отрицательно» — 11,1%³¹).

Культивируется негативный взгляд на ислам и иными средствами, например, публикацией тенденциозных высказываний исламских политиков и духовных лиц, выступающих против браков мусульман с иноверцами, рассуждающих о неминуемой исламизации России, о создании в перспективе исламского государства и т. д. Бывший исполнительный секретарь Межрелигиозного совета Роман Салантьев, автор скандальной книги о деятельности и взаимоотношениях муфтиятов, отмечает, что «...приличных книг об исламе в современных библиотеках и книжных магазинах довольно мало, малотиражная исламская пресса продается только в киосках при мечетях, поэтому ответы на свои вопросы обычный православный человек скорее всего станет искать в Интернете на самых популярных мусульманских сайтах. И что же на них увидит? А увидит он множество антихристианских статей, электронные библиотеки, забытые сочинениями Полосина, южноафриканского опровергателя христианства Ахмада Дидата, апокрифическим евангелием от Варнавы и переводными брошюрками для неофитов-ваххабитов»³². Можно поспорить с Салантьевым по поводу отдельных имен, но в целом его упрек справедлив.

К счастью, человеческое сознание противоречиво и непоследовательно. Исламофобские настроения не оказались барьером на пути стремления разобраться в том, что такое ислам и каково его истинное влияние на происходящие события. Сомнения приводят к тому, что, по данным службы «Validata», в 2003 г. только 7—8% считали, что наиболее важной причиной, застав-

ляющей чеченцев становиться шахидами-смертниками, является джихад, зато 69—71% полагают, что это месть за насилие федеральных войск в Чечне³³. Иными словами, в Чечне акты самоубийства при осуществлении теракта обусловлены, по мнению респондентов, не влиянием ислама, но невозможностью восстановить справедливость. Отвечая на вопрос «Кто, на Ваш взгляд, произвел в 2001 г. взрыв в московском подземном переходе?», только 4,7% сочли, что это были воинствующие исламские террористы³⁴. Таким образом, в общественном мнении ислам далеко не всегда предстает побудительным мотивом терактов.

Весьма любопытным аргументом против исламофобии можно считать также опрос Фонда «Общественное мнение» в июне 2003 г. На вопрос «Возражали ли бы Вы против брака Вашей дочери с мусульманином?» положительно ответили 44% респондентов, отрицательно — 39%, затруднились с ответом 17%³⁵. И только 32% возражали бы против брака своего сына с мусульманкой, а 50% возражать бы не стали³⁶.

И еще несколько цифр. По данным опроса, проведенного Левада-Центром в конце 2006 г., на вопрос «Ощущается ли в том городе, районе, где Вы живете, межнациональная напряженность?» в среднем по стране «Определенно да» ответили 7%, «Скорее да» — 23%, «Скорее нет» — 40%, «Определенно нет» — 24% (затруднились с ответом 6%)³⁷.

Разговор о ксенофобии напоминает притчу о полупустом или полуполном стакане. Российский «ксенофобский стакан» я бы все-таки назвал полунаполненным, и, увы, он продолжает наполняться. И это печально. Социологическая служба «Validata» озадачила своих респондентов вопросом «Там, где Вы живете, людей, исповедующих ислам, много, мало или совсем нет?». «Много» — ответили 25%, «Нет совсем» — 24%, «Мало» — 30%, затруднились ответить 21%³⁸. В будущем исповедующих ислам соседей станет еще больше.

Ксенофобия по отношению к внутренним чужакам неотделима от ксенофобии к врагам внешним. Но «американофобия» принципиально отличается от исламофобии. Американцев не боятся, их бытовым стереотипам пытаются подражать, им завидуют. Я бы назвал это национальным комплексом неполноценности, ибо его испытывает нация, в недалеком прошлом сама бывшая сверхдержавой, по отношению к другой нации, свою «сверхдержавность» сохранившей. Мусульманский мир не вызывает комплекса неполноценности. Есть удивленное раздражение тем, что некогда нуждавшиеся в помощи «младшие бра-

тъя» — арабы, афганцы, индонезийцы, наконец, советская Средняя Азия — вдруг подросли, перестали спрашивать совета у старших и ведут себя вызывающе самостоятельно. Это непонятно и внушает страх. Бывшие советские советники до сих пор не могут уразуметь, как среди египтян, иракцев, йеменцев, сирийцев, алжирцев и т. д., которым с трудом давалась военная наука, обнаружилось такое большое количество профессиональных муджахедов-боевиков, ставших грозой для своих бывших западных и зарубежных наставников. В журнале «Foreign Policy» опубликован пронзительный материал американской исследовательницы Марты Олкотт и ее узбекистанского коллеги Бахтияра Бабаджанова, иллюстрированный наивными рисунками из конспектов «стажеров» Исламского движения Узбекистана³⁹. Я держал эти школьные тетрадки в руках. Будущие боевики старательно выводили чертежи, очень похожие на те, что известны еще по советским учебникам боевой подготовки, которыми мне самому в свое время довелось пользоваться, работая военным переводчиком с «арабским контингентом».

В 1995 г. во время визита в Объединенные Арабские Эмираты тогдашний министр обороны Павел Грачев на предложение закупить в больших количествах российское оружие пустился в рассуждения в том духе, что «арабы в общем-то народ мало-просвещенный и ничего, кроме песка и лошадей, не видели»⁴⁰, что достаточно адекватно отображало мнение советского генералитета о боевых качествах мусульман. Слова Грачева вызвали бурю негодования в арабском мире.

Для большинства же россиян отношения с миром ислама остаются сравнительно маргинальными, и особого интереса к их развитию не наблюдается. На вопрос «Если говорить о долгосрочной перспективе на укрепление отношений, на какую из следующих стран в первую очередь должна ориентироваться Россия?» только 1,8% высказались в пользу мусульманских стран (правда, в 2003 г. так считали 1,0%, а в 2004 г. — 1,4%). 40,2% предпочли страны СНГ, 26,2% — Западную Европу, 7,0% — Китай⁴¹.

Зато россияне не видят угрозы со стороны мусульманских стран. В конце 1990-х годов в ходе опроса Института стратегических политических исследований на предложение «Назовите государства, враждебные россиянам» среди молодежи (17—26 лет) враждебными назвали США 16,9%, Чечню — 13,1%, Японию — 8,1%, Афганистан — 5,7%, мусульманские страны — 2,9%, Ирак — 2,9%, Турцию — 2,6%, Иран — 2,1%. А среди опрошенных старшего возраста (40—60 лет) ответы выглядели так:

США — 24,0%, Чечня — 8,5%, Япония — 10,1%, Афганистан — 8,0%, мусульманские страны — 2,3%, Ирак — 1,0%, Турция — 1,6%, Иран — 2,1%⁴².

Ислам глазами читателя и зрителя

В конце прошлого — начале нынешнего века средства массовой информации способствовали религиозному возрождению, пробуждали интерес к религии. Они формировали «новых верующих», поощряли соблюдение обрядов и формировали религиозную идентичность. В большей степени эти слова имеют отношение к православию. Однако добрые слова звучали и об исламе, хотя делалось это с большой осторожностью. Православное возрождение *поощрялось* государством, в то время как исламское *допускалось*.

Относительно быстрое формирование в 1990-е годы в СМИ негативного образа ислама определялось вспыхивавшими с конца 1980-х этнополитическими конфликтами, участники которых апеллировали к исламу, ростом национализма среди мусульманских народов, активностью террористов. Я бы назвал эти обстоятельства объективными.

Субъективный фактор заключается в том, что реально возникавшие в отношениях с мусульманами трудности стали быстро препарироваться в «исламскую страшилку». Исламский фактор гиперболизировался (война в Чечне в середине 1990-х годов часто именовалась «конфликтом цивилизаций»), искажались основные понятия ислама (в особенности джихад), идеология экстремизма — сознательно или вследствие неведения — экстраполировалась на всю мусульманскую традицию. Публикации об исламе и мусульманах оказывались привязанными к войнам, терактам, конфликтам.

Не стану утомлять читателя длинными газетными и журнальными цитатами, просто приведу несколько характерных заголовков, не называя газеты: «Исламские волки убивают русских солдат», «Воины Аллаха выбирают Кавказ», «Бей ислам — спасай планету!», «Мусульмане у Кремля», «Деньги для диктатуры шариата», «Зеленая чума» (это название попало дважды), «Хиджаб замедленного действия», «Главное, чтобы хиджабчик сидел», «Чеченские шлюхи взрывают Москву», «Меч исламской революции куется в Лондоне», «В Европе звучит призыв к джихаду», «Хаджи на час» (по аналогии с известной опереттой «Факир на час»), «Шахидкам с бомбами везде у нас дорога».

Заголовок врезается в память — статья может остаться не прочитанной. Тексты же приведу лишь самые «образцовые». «В доме культуры на Дубровке схватились не только террористы и спецназовцы. Там сошлись Аллах и Христос. И оба потерпели сокрушительное поражение»⁴³ (? — А. М.). В начале 1990-х в Москве, по выражению одной из центральных газет, действовала «мусульманская мафия», в которую, между прочим, по данным МВД, затесались армяне.

С безапелляционной жесткостью характеризует ислам публицист Олег Осетинский: «Фундаментальные проблемы христианства, как свобода воли человека, т. е. допускаемая Христом возможность выбора своей судьбы, а также необходимость самосовершенствования для получения Божеской награды и духовная ответственность самого человека за свои поступки, проблема духовного делания и другие глубокие, трудные, сложные религиозные догматы христианства — в Исламе в общем отсутствуют. А то, что заимствовано из Евангелия и Библии, упрощено. И вот эта редукция, упрощение, легкость восприятия мусульманства простым народом — трактуется главными заинтересованными лицами Исламских стран как самый привлекательный момент в Исламе!»⁴⁴. Эта оценка ислама по-своему программна. Откровенно говоря, хотелось бы послушать спор Осетинского с кем-либо из мусульманских богословов и идеологов. Однако он так и не состоялся. Зато один из мусульманских политиков подал на журналиста в суд.

Можно привести сотни, тысячи цитат из СМИ, дающих искаженные представления об исламе, отождествляющих ислам с экстремистским направлением в идеологии и практике. По горькому замечанию Надежды Кеворковой, «нашим экспертам все ясно: приезжие — грязь, террорист — исламский, таджики — наркокурьеры, интернационал — мусульманский, война — цивилизаций»⁴⁵.

К этому можно присовокупить и элементарное невежество. В СМИ по-прежнему можно встретить и «мусульманскую церковь», что было бы тождественно выражению «христианская мечеть», и «исламского бога любви» (!?), и смешение шафитов (приверженцев одного из толков суннитского ислама) с шиитами. Российские информационные агентства сообщают о священной для мусульман «ночи всемогущества» (правильно — «ночь предопределения») ⁴⁶.

Исламская тематика проникла и в кроссворды, где она представлена следующими определениями: «Бестселлер мусульман»

(наверное, Коран), «Религия, заставившая мир “дышать на бен Ладена”», «Религия, которую считают наиболее воинственной»⁴⁷.

Свой вклад в исламофобию и особенно в кавказофобию внесло российское телевидение. В таких передачах, как «Дежурная часть», «Криминальная Россия», «Человек и закон», «Криминал», «Чрезвычайное происшествие», одно из главных действующих лиц — человек с нерусской внешностью. При этом, однако, следует признать, что «героями» криминального экрана становятся не только мусульмане, но также армяне, грузины (в 2006 г. о грузинских преступниках рассказывалось особенно часто, что было следствием ухудшения отношений между Москвой и Тбилиси).

Я не любитель российских телебоевиков и потому не могу полностью цитировать их. Однако, даже просто шелкая пультом, посмотрелся на великое множество кадров с «плохими» мусульманами — сериалы «Убойная сила», «Граница», фильм «Мужской сезон» и пр. Естественно, кавказские войны не способствуют улучшению нравов, в том числе среди мусульман. Однако дело даже не в этом. Если сравнить российские авантюрные фильмы с европейскими или американскими, то бросается в глаза одно любопытное обстоятельство: среди тех, кто противостоит злу *там*, обязательно присутствуют неевропейские лица — негры, арабы, китайцы, выходцы из Юго-Восточной Азии. В российском кино врагу противостоят исключительно «белокурые бестии с нордическим характером».

Исламофобский компонент в криминальных разделах новостей и детективных сериалах можно если не оправдать, то каким-то образом объяснить, поскольку эти передачи являются не результатом злого умысла, а скорее попыткой отразить ситуацию в мире и обществе, приспособиться к массовому сознанию, повысить рейтинг у телезрителей. С другой стороны, традиционно есть неформальный государственный заказ по созданию образа врага. Последнее десятилетие этот образ по большей части ассоциировался с международным террористом (т. е. с «плохим мусульманином»), а с 2000 г., когда началась реставрация архетипа американского империалиста, участились намеки на его связи с исламским экстремистом.

Беспокоит не только это. На российском телевидении практически отсутствуют программы, крайне редки передачи, правдиво повествующие об обыкновенном исламе вне контекста политики, «борьбы цивилизаций» и т. п. Шедшая в 1990-е годы программа «Тысяча и один день», давно прекратила существова-

ние. К тому же ее уровень явно не соответствовал бы нынешним стандартам. На центральных каналах осталась лишь одна короткая пятнадцатиминутная передача «Мусульмане» («Россия»). При этом как потребность в объективной, а не только негативной или сусальной информации все возрастает.

Показательно, что после крупных терактов в России не обнаружилось стремления «смикшировать» рост негативного восприятия ислама, уйти от понятной в данном случае его стигматизации. Первые номера истеблишмента отказывались появляться на экране в часы и дни трагедий, избегали публичных выступлений, и в их отсутствие эфир заполняли второстепенные политики, которые скорее провоцировали аудиторию и уж во всяком случае не вызвали доверия у населения. Такое опосредованное СМИ поведение государственных людей дезориентировало общественное сознание, в частности, создавало неопределенность относительно трактовок сопричастности к случившемуся ислама.

«Для сравнения, — пишет социолог и искусствовед Даниил Дондурей, — после теракта в Лондоне отношение населения к исламу было одной из важнейших забот британских СМИ. Было показано огромное количество документальных сюжетов... свидетельствовавших о том, что традиционный ислам сам по себе не является источником опасности»⁴⁸. После терактов в Великобритании, Испании, Франции национальные лидеры этих стран предупреждали людей о недопустимости антиисламских выступлений. После 11 сентября президент США Джордж Буш, неосторожно обронивший слова «крестовый поход», неоднократно пытался исправить свою ошибку, позитивно отзываясь об исламе и призывая не отождествлять террористов с мусульманами.

Не думаю, что российским политикам и СМИ необходимо полностью калькировать европейский и американский опыт. Однако тот факт, что ислам остается для телевидения почти terra incognita, не может не вызывать озабоченности, поскольку такого рода вакуум всегда имеет тенденцию заполняться некомпетентными, примитивно-апологетическими или, напротив, провокативными, исламофобскими материалами, что мы и наблюдаем.

Листая книжные страницы

В нашем отечестве не только смотрят телевизор и шуршат газетами. Кое-что об исламе и мусульманах мы узнаем из художественной и полухудожественной литературы.

А в ней на смену жестоким, но все-таки благородным абрекам Пушкина, Лермонтова, Толстого (добавим к этому списку Грибоедова, о Кавказе писавшего мало, но зато тонко мусульманский мир чувствовавшего) к нам, в массовую культуру пришли головорезы и садисты. После тех наполненных философией, этнографией повестей и рассказов в нынешнем заурядном детективе кавказский мусульманин предстал даже не варваром, а уголовником.

Сравнение литературных кавказцев XIX в. с героями современных детективов может показаться неправомерным, даже кощунственным, хотя бы в силу того, что первые сотворены писателями, а вторых штампуют средней руки литераторы и графоманы. Но и ту, классическую, и эту литературу роднит одно обстоятельство: обе они более или менее являются «властителями душ», формируя мировоззрение человека, в данном случае его представления об исламе и мусульманине. В якобы романтическом прошлом и в циничном настоящем есть немало схожих черт. И там, и здесь присутствуют война, жестокость. Образованному читателю известно, что уровень былой жестокости вполне сопоставим с сегодняшним. И головы резали, и аулы выжигали. Герои «Кавказского пленника» — своего рода прототипы заложников у сепаратистов. И сражались друг против друга гяуры и нехристи. Лермонтовский и толстовский горцы были для общества своего рода наглядным пособием для восприятия Кавказа и кавказцев.

Классики кавказцев не идеализировали, но и не превращали в чудовищ, сопровождающих свои действия ссылками на ислам. Те старые книги пробуждали интерес к исламу, к его приверженцам. (О позитивном отношении к исламу в русской литературе написано немало⁴⁹. К сожалению, эта старая традиция понимания ислама утеряна. А сегодня ее наследие очень востребовано.) Кавказские страницы классиков не воспринимаются как нечто исламофобское. «У классиков и их современников не было ощущения стены между двумя по видимости непримиримыми мирами»⁵⁰. И дело тут вот в чем: в литературе позапрошлого века «абрек» самодостаточен как личность, он носитель самостоятельной, самобытной культуры. Но эта гордая культура в конечном счете все-таки покорится русскому завоевателю. Россия — атакующая держава, она «обречена» на победу, а ее противник — на адаптацию к России. Империя может позволить себе великодушно отнестись к покоряемым ею будущим гражданам. Из XIX в. такая перспектива смотрелась оптимистично.

Сегодня ситуация выглядит, мягко выражаясь, неясной. Россия обороняется. Алексей Ермолов, Павел Цицианов и Михаил Воронцов были завоевателями Кавказа. Нашим современникам генералам больше подходит слово «каратели». А различия между российской и кавказской мусульманской традициями уже представляют собой *не ту стену, которую предстоит преодолеть, но ту, которую так до конца и не преодолели* (и которая ныне имеет печальную тенденцию к восстановлению).

Общественное сознание все более проникается ощущением этой стены. И массовая литература, в том числе (а может быть, и прежде всего) читаемые в транспорте детективы, наглядно в этом убеждает. «У нас не так, как у вас, — произносит чеченец Рашид из книги Льва Пучкова «Операция “Моджахед”». — Мы — другие»⁵¹. Такой водораздел ассоциируется с исламом, причем часто это подается «невзначай», и, быть может, именно поэтому он застревает в подсознании читателя. «Вы скоро встретитесь с ним в *вашем* (курсив мой. — А. М.) христианском раю», — обещает своим жертвам мусульманин-чеченец из романа Полины Дашковой «Чеченская марионетка»⁵².

Проще всего обвинить потакающих вкусам праздной публики ловких драмоделов-провокаторов. Уверен, далеко не все писатели — «сознательные исламофобы». Их подход к исламу основан на своего рода интуитивном стереотипе. Ислам оказался благодатной почвой для авантюрных сюжетов. Однако при этом мнение тех, кто пишет о мусульманах (и тех, кто читает), формируется под влиянием терроризма и войны на Северном Кавказе. Ведь среди авторов немало выходцев из спецслужб, имеющих отношение к этой проблематике юристов и журналистов. Факты в детективах чередуются с литературным вымыслом. На стыке и возникает детективный дискурс ислама. В детективной литературе появились целые «собрания сочинений», состоящие из десятков названий, — «Антитеррор», «Спецназ», «Офицеры», антигероями которых являются кавказцы. Слова «джихад», «Коран», «неверный», «гяур», «Аллах» (чаще всего упоминаемый всуе и не к месту) маркируют их конфессиональную принадлежность: «Ал-лах Ак-бар, Вуал-ляху Ак-бар, — придурковато лыбясь, бубнил себе под нос обкуренный страж»⁵³; «Вахит отомстит за нас! — хрипло, но довольно громко сказал он. — Вся Россия содрогнется под рукой Аллаха!»⁵⁴ (такая вот общедоступная интерпретация столкновения цивилизаций!); «Вещь (имеется в виду ядерное миниустройство. — А. М.), о которой ты говорил как о Коране, находится в Латвии, на военных

складах», — сообщает ЛКН из книги «Операция Армагеддон отменяется»⁵⁵. Что касается слова «гяур», то оно почти вышло из употребления, и теперь у исламистов в ходу арабское «кафир» — неверный. Удивительно, что хотя «кафир» очень часто встречается в речах и документах исламских радикалов, его трудно встретить в отечественной литературе.

Собственно ислам затрагивается в детektивах вскользь, но таким образом, словно чтобы лишний раз напомнить читателю, что убийцы, садисты исповедуют именно эту религию, возбуждая его ассоциативное мышление. Ислам — прежде всего обязательный имидж, если угодно, «грим» отрицательных персонажей. Образ мысли и язык действующих лиц самых примитивных детективов, если отнять у них «исламский акцент», до боли напоминают «шпионов Снайдерсов» и «майоров Прониных».

Нельзя не обратить внимание на то, что за спиной исламских экстремистов и террористов все чаще оказываются западные спецслужбы, а в последние время еще и «лица грузинской (и украинской) национальности». В этом нет ничего удивительного, поскольку детективщики не только влияют на массовое сознание, но и быстро реагируют на его меняющиеся под влиянием политической ситуации запросы.

К разряду детективов, но уже более высокого уровня, относится и многостраничный роман журналистки Юлии Латыниной «Джаханнам». Если судить по обложке, где изображен расколотый полумесяц, с которого свисают мусульманские четки, среди зерен которых затесалась пуля, у книги есть все признаки исламофобии. Но обложкой этот мотив и ограничивается. В романе действительно действует мафия, но она интернациональна и состоит из чеченцев и русских. Что точно присутствует в латынинской книжке, так это попытка все-таки обособить чеченский и русский уголовные миры, которые, хотя и сотрудничают, живут по своим законам. Ислам же, определенный одним из персонажей, непьющим чеченцем, как «диетическая религия»⁵⁶, с одной стороны, почти незаметен, зато, с другой, читателю с помощью коннотивных слов и оборотов постоянно напоминают о конфессиональной принадлежности персонажей: «Руслан невольно отметил, что этот новый Халид употреблял арабское слово “Аллах” почти также часто, как девять лет тому назад он употреблял слово “хрен”»⁵⁷.

Литературные исламская, кавказско-исламская, исламско-западная угрозы скорее примитивны. Обращают на себя внимание два повторяющихся (причем не только в российской, но

также в американской и европейской литературе) сюжета. Первый — попытка теракта с применением ядерного оружия, что увлекательно описано, например, в двухтомнике Данила Корецкого «Код возвращения», в книге А. Ольбика и А. Индорбаева «Операция Армагеддон отменяется». Мотив ядерной угрозы присутствует и в иронической фантастической полудетективной повести (почему-то отнесенной самим автором к категории романов) журналиста Сергея Доренко «2008», где захват северокавказскими террористами «Обнинской атомной станции» приводит к государственному перевороту в России⁵⁸. Взрывами на атомных станциях, ракетных шахтах и химических заводах пугает чеченец Вахид из романа Проханова «Господин Гексоген»⁵⁹. Менее кровава Юлия Латынина, у которой террористы хотят взорвать всего лишь хранилище с 3,5 тыс. т сероводорода⁶⁰. Второй сюжет не менее увлекателен и связан с намерением уничтожить семью президента России. В уже упомянутом «Армагеддоне...» террористы планировали провести обе акции одновременно, а у Льва Пучкова («Операция “Моджахед”») они намеревались убить супругу Путина во время ее поездки в Баку. Нечто похожее появляется и в российском кинематографе: например, в снятой Егором Кончаловском картине «Консервы» некие чиновники продают уран самому бен Ладену

Как известно, угроза ядерного апокалипсиса утвердилась не только в литературе, она постоянно обсуждается серьезными экспертами, многие из которых уверены, что в той или иной форме доступ террористов к атому — лишь вопрос времени. Образуется заколдованный круг: опасность «исламистского апокалипсиса» признается реальной, это отражается в массовой литературе, внушающей людям страх перед исламом, поднимается исламофобия, рвется ткань межконфессионального согласия, что затем негативно отражается на глобальной политической ситуации. А это в конечном счете может служить оправданием для подготовки к «войне без правил».

Литература XIX в. была рассчитана на сравнительно небольшую образованную и требовательную часть общества. Персонажи кавказских сюжетов в этих произведениях прописывались мастерски, многомерно. Сегодня «среднюю книгу» поглощают люди с пассивным сознанием, к тому же по большей части уставшие от работы и напряженной жизни. Для них это просто чтение, не требующее нравственных усилий. Они не вникают и не размышляют, а просто принимают прочитанное на веру. Круг людей, анализирующих текст детектива или «облегченно-

го» авантюрного романа, не очень широк. Собирая материал для этой главы, я просил коллег и знакомых дать почитать детективы про «злых мусульман». Выяснилось, что *такого* у них, хотя многие увлекаются, например, «женскими детективами» или романами Бориса Акунина, просто нет в личной библиотеке, даже дачной.

Образ мусульманского кавказского врага успешнее формируется в менее образованной и интеллектуализированной, зато наиболее многочисленной среде. Тем самым упрощается и задача авторов, которые не затрудняют себя высокой драматургией, тонкой стилистикой, упрощают мысли, слова и дела своих героев.

И все же тень традиций русской классики ложится на нынешнюю литературную поденщину, как минимум, на ее наиболее даровитых представителей. Остался образ благородного, точнее сказать, честного, но запутавшегося в тенетах политики, кровной мести, исламского фундаментализма кавказца. Этот мусульманин — отнюдь не кровожадный ваххабит, но горец, следующий скорее не исламским, но своим этническим традициям. Порою он индифферентен к исламу и зачастую ненавидит пришедших на Кавказ арабов (так бывало на самом деле: арабы, даже знаменитый полевой командир Хаттаб, не пользовались большой любовью среди чеченцев).

На последнее обстоятельство следует обратить особое внимание: читателю внушается, что источник «исламского негатива» — не мусульмане, являющиеся уроженцами Кавказа, но чужаки, пришельцы с Ближнего Востока, афганские талибы и т. п. Эти «чужаки» описаны как нелюди, издевающиеся над самими кавказцами, оскверняющие их традиции. Чего стоят сцены убийства муфтия и группового изнасилования арабами чеченки Эльзы, которую таким способом «вербуют» в шахидки в уже упоминавшемся романе Пучкова «Операция “Моджахед”».

Иногда кавказцы склонны к рефлексии, готовы сотрудничать с русскими военными и согласны с тем, что и мусульмане, и русские по сути жертвы непорядочных политиков. Таков Вахид из «Господина Гексогена», который, объявляя войну России, при встрече со своими русскими противниками из силовых структур ведет себя подчеркнуто уважительно. Заявляя собеседнику из ФСБ, что мусульмане контролируют доходные российские отрасли, владеют российской нефтью, алмазами, игорным бизнесом, он всячески подчеркивает: «...Наши с вами личные отношения, Виктор Андреевич, основаны не на меркантильных интересах, а на корпоративном чувстве разведчиков»⁶¹. В проло-

ге к книге Александра Тамоникова мы читаем описание пейзажа после сражения: «Смерть в одно мгновение уравнила всех. И сейчас они лежали, с одинаково искаженными от боли и ненависти мертвыми лицами... в непосредственной близости друг от друга. Русский и белорус, чеченец и араб. Солдат отчизны и платный наемник. Они уже не были врагами. Все они стали жертвами... одной политической схватки»⁶². Мотив личного взаимоуважения муджахеда (как правило, бывшего) и русского офицера напоминает кавказские мотивы русских классиков. Причем нередко муджахед оказывается бывшим советским капитаном или майором, воевавшим в Афганистане. И тогда их отношения становятся почти сюрреалистическими. Сюрреализм может оказаться правдой, ибо основан на реальных фактах, когда недавние соратники действительно сталкиваются лицом к лицу как враги.

Позволю себе отступление, которое не имеет прямого отношения к теме этой книги, но представляется важным. Речь идет об Афганистане, где состоялось фактически первое для СССР (а значит, и для России) столкновение с радикальным исламом. Афганская война существенно не отразилась на общественном сознании и в отличие от кавказских войн позапрошлого века не запечатлена в отечественной литературе (не считать же литературой опубликованный в 1982 г. роман Проханова «Дерево в центре Кабула»), хотя «афганцы» бегло, но как-то убого «рассыпаны» по многим книгам. Афганская тема сначала была под запретом, а после распада СССР интерес к ней вообще был утрачен.

Попытки обратиться к афганской теме, конечно, имели место. Режиссер Юрий Кара намеревался было снять «честный фильм». На что ему было сказано: «Нет, парень, нам честного не надо»⁶³. Только в 1991 г. Владимир Бортко создал картину «Афганский излом», вызвавшую не только восхищение, но и раздражение у значительной части аудитории. Но в целом ключевое, ускорившее обрушение Советского Союза событие не имело в литературе, в искусстве резонанса, подобного тому, который вызвал в американской культуре Вьетнам. Афганский опыт встречи с джихадом оказался не востребованным.

Исламская тема не ограничивается детективами и «библиотекой приключенческой литературы». В последние годы ислам ворвался на страницы научно-политической с философическим оттенком фантастики. В этих книгах все сюжетные линии развиваются на фоне тотальной экспансии ислама, которую одни расписывают как безусловный апокалипсис, а другие — как

увлекательную геоинтригу, возможно, с благополучным для России исходом.

Здесь «классическим» примером исламофобии можно назвать роман Елены Чудиновой «Мечеть Парижской богоматери», который по степени неприязни к исламу сравним с мелькнувшим на российском общественно-литературном небосклоне европейским бестселлером итальянской публицистки Орианы Фаллачи «Ярость и гордость». Чудинова описывает победу ислама, делая это на конкретном примере захваченного в середине XXI в. мусульманами и исламизированного Парижа. В «шариатской Франции» парижанки ходят в паранджах по улице Усамы. В мусульманском Париже не принявшие ислам загнаны в пять гетто, практикующие христиане молятся в катакомбах, и их ждет позорная казнь — побивание камнями. «Христиане начали с катакомб и в катакомбы вернулись»⁶⁴. Узнав, что мусульманские власти хотят уничтожить гетто, уцелевшие «немусульмане» поднимают восстание и в конце концов взрывают себя в мечети Парижской Богоматери, которая в последние часы перед разрушением все-таки вновь стала христианским храмом.

Роман Чудиновой подвергся всеобщему мусульманскому оттракизму. Однако критики пропустили один чрезвычайно важный пассаж, который показывает, что писательницу нельзя отнести к совсем уж «зоологическим исламофобам». Так, одной из причин случившегося во Франции и во всей Западной Европе катаклизма, по ее мнению, является то, что ранее осевшие на старом континенте просвещенные мусульмане «прозевали» своих диких и фанатичных единоверцев: «Образованные, с европейским лоском, весьма удачно орнаментирующим мусульманский быт... они думали, что лет через сто Европа просто проснется в одно прекрасное утро полностью исламской и даже никто не заметит, какое утро будет именно этим. Могли ли они знать, что много раньше не обученные стратегиям, а потому не умеющие и не желающие ждать темные толпы вскипят... разольются смертоносным потоком, движению которого им, просвещенным европейцам во втором и третьем поколении, придется покориться, чтобы не утонуть самим»⁶⁵. Улавливаете? Ведь именно этой дикой массы уже сегодня боятся образованные мусульмане, в том числе в самих исламских странах. Страх именно перед таким исламом провоцирует исламофобию, а заодно и поддерживает на плаву концепцию столкновения цивилизаций.

А что Россия? Она уцелела, ибо успела закрыть границы перед этим темным «евроисламом». Однако здесь Чудинова не догова-

ривает. Если попробовать следовать ее логике, то Россия уцелела еще и потому, что в каком-то смысле была спасена российским (татарским) исламом, в котором силен иммунитет против того самого «дикого ислама». И все же массовый ленивый читатель вынесет из «Мечети Парижской Богоматери» только одно — неприязнь, а то и ненависть к исламу. А кто-то заменит Париж Москвой и ужаснется.

Единомышленник Чудиновой нервический писатель Михаил Веллер недвусмысленно предостерегает, что окончательная цель мусульман — разрушить христианский мир. «Они (мусульмане. — *А. М.*) сильнее духом. На большее готовы. Каждый день жертвуют собой, уничтожая всех тех, кого считают врагами. Они готовы уничтожить нас всех. Мы их — нет. Они готовы уничтожить нашу культуру. Мы их — нет. ...Победив, они не пощадят нас, и реванша не будет»⁶⁶. Веллер перечисляет по пунктам апокалипсис победы ислама. «Взяв власть, ислам запретит ваши демократические свободы», «...вам покажут ваше искусство. ...Вас научат делать обрезание и подтирать задницу пальцем, моя его водой из специальной бутылочки. ...В исламе правами пользуется мусульманин. А с неверными можно сделать все. А что можно — то и сделают», «исламская экспансия — это наступление нового средневековья». Честно говоря, действительно становится страшно. Правда, есть у экспансивного Веллера кое-что приемлемое: «И женщины будут работать! Но дома. А мужчины пить кофе с кардамоном и играть в нарды»⁶⁷. Что ж, в этом квазифеминистском извращении видится своя логика. Что же до наших демократических свобод, то их можно легко прищучить без всякого ислама. И самое последнее — насчет пальца в... Нам ли, прошедшим школу коммунальных сортиров с порезанной на квадратики «Правдой», страшиться мусульманской туалетной специфики?

Впечатляет веллеровский рецепт борьбы против терроризма: «Все террористы — арабы-мусульмане. Следовательно, если уничтожить всех арабов-мусульман, терроризма не будет. Технические возможности позволяют сегодня белой цивилизации начать и выиграть войну на тотальное уничтожение с применением всех средств. Сто процентов радикального решения»; «Все акты террора совершаются в белых странах... Следовательно, арабов-мусульман в белых странах быть не должно вообще, нисколько, никак, ни в коем случае»⁶⁸. Здесь нужно попенять автору на его непоследовательность: кроме арабов, теракты совершают (в алфавитном порядке) аварцы, даргинцы, кабардинцы, иранцы,

курды, пуштуны, русские, таджики, узбеки, уйгуры, чеченцы, а также баски, ирландцы, граждане США, русские и многие другие. (В России антиисламские литературно-общественные эскапады не являются принципиально новым. Они, например, вполне созвучны популярной в конце позапрошлого века книге писателя и государственного деятеля Владимира Череванского «Мир ислама и его освобождение», и по сей день поминаемого недобрым словом мусульманскими духовными лицами и светскими интеллектуалами. Я уже не говорю о советском времени, когда ислам клеймился как злостный пережиток прошлого.)

Есть книги, хотя ислам в них выглядит также угрожающе-внушительно, которые тем не менее нельзя занести в исламофобский список. Эти произведения (как и чудиновская «Мечеть...») также принадлежат к жанру политологической фантастики.

В романе Андрея Волоса «Маскавская Мекка» вообще непонятно, идет речь об «исламской угрозе» или об «исламском спасении». По стилистике он ближе к оруэлловскому роману «1984». Как и у Чудиновой, по страницам книги Волоса рассыпана привязанная к исламу лексика: город Ахметьевск, махалля, шариатский надзор, дирхамы (валюта в Маскаве), Рабад-центр, мамелюки (мусульманский ОМОН), упоминаются мечети (одна сгоревшая, при другой организованы курсы французского языка). Да и само действие происходит в *Маскавской Мекке*, «золотые купола и голубые минареты которой громоздились многочисленными ярусами, постепенно сужаясь и уводя взгляд все выше — туда, где тупая игла небоскреба в конце концов смыкалась с грандиозным хрустальным куполом»⁶⁹. Это уже не Франция Чудиновой, где «над Парижем стоял сплошной, идущий отовсюду молитвенный призыв муэдзинов, пронзительный, монотонно вибрирующий, словно кто-то резал исполинского поросенка в вертящемся барабане стиральной машины»⁷⁰.

Но, несмотря на разительные отличия от мусульманского Парижа, впечатление полуисламитизированная Москва оставляет тяжкое. Пытаясь представить такую Маскаву, обыватель вздрогнет. И можно предположить, что после этого появление новых мечетей на улицах российских городов будет вызывать в нем неприязнь. А так оно есть на самом деле уже сегодня.

Любопытна книга Владимира Михайлова «Вариант “И”»⁷¹, в которой изложена целая концепция будущего мира. Сюжет ее фантазмагоричен: после расстрела царской семьи в 1918 г. остается в живых царевич Алексей, который впоследствии оказывается в Иране, где он и его потомки попадают под обаяние исла-

ма. А в 2045 г. некие международные силы, прежде всего мусульманские, но также и израильские (!), пытаются, восстановив монархию, привести потомка царей к власти, рассчитывая с его помощью исламизировать Россию. Интонации в романе Михайлова отнюдь не апокалипсические, и не исламофобские. Концепция будущего, которую можно принять за программу, предложена без надрывов и, я бы сказал, прагматически. Подается она через суждения нескольких персонажей, что дает читателю возможность самому составить полную картину. Вот из каких фрагментов состоит эта геополитическая мозаика:

а) «России нужны были деньги и союзники взамен тех, которых она потеряла еще на первом этапе после распада», «она нашла даже больше, чем искала в исламском мире», и далее: «началось с Ирана» (sic!);

б) необходимо достичь консенсуса в нефтяной сфере со странами Персидского залива, установив мировую нефтяную монополию;

в) возможность передачи ядерного оружия некоторым мусульманским союзникам;

г) панегирик исламу, который «объединяет всех» и изложение основ которого «не столь зашифровано и намного доступнее пониманию рядового верующего, чем Священное писание», «для мусульман Бог не деталь жизненной декорации, но — основа основ»;

д) могущество российско-мусульманского союза, иллюстрируемое словами российского генерала: «если бы командовать пришлось солдатами, исповедующими ислам... во имя Аллаха они могли бы не дрогнуть».

Но вот что интересно: сомнительность российской мощи по сравнению с энергетикой ислама все же не мешает автору именовать в этом союзе ислам «невестой», а Россию — «женихом».

Михайлов непринужденно встраивает в текст нынешние реалии и идеологии. У него собираются на программный съезд своей партии «азороссы» (видимо, вконец обисламизировавшиеся евразийцы), Институт востоковедения предлагает созвать в Москве панисламистскую конференцию под лозунгом «Примирение», а всего в России на момент описываемых событий проживают (предсказываемые ныне) 40 млн мусульман, прибывших сюда «плотной струей» со всех концов света.

Сюжет и сам текст «Варианта “И”» звучит в pendant публицистическим и претендующим на научность статьям о том, что спасение России — в союзе с мусульманским миром. Более того,

в 2006 г., когда Москва попыталась выступить посредником между радикальным исламом и Западом, он вообще обретал черты как бы документального романа, напоминая лихие творения Юлиана Семенова.

Для исламского мира Михайлов подобрал могучее слово «исламида». Оно наталкивает читателя на мысль: вот, дескать, с какой махиной мы имеем дело! «Исламида» вызывает противоположные чувства: во-первых, возможно, исламский выбор России не так уж плох, ибо несет ей возрождение⁷², во-вторых, почему бы в таком случае России не объединиться с мусульманским миром, коль скоро две другие альтернативы — Запад и Китай — неизбежно ведут ее к подчинению двум гигантам неополитики? И все-таки специфическая «исламофилия» автора порождает у русского читателя страх, а отсюда недалеко до исламофобии.

Впечатление производят книги Юрия Никитина «Ярость» и «Империя зла», которые, по мнению критика Леонида Фишмана, представляют собой «исламский проект» «идеологического реваншизма»⁷³. Пафос романов Никитина состоит в том, что союз с исламом, принятие ислама Россией есть единственная возможность ее спасения. Русские становятся «новыми шахидами» и в конечном счете одерживают победу над Западом. С Никитиным солидарен Дмитрий Ахтямов, автор книги «Исламский прорыв», в которой повествуется о муджахедах, сочетающих знание Корана с владением современными технологиями. Такой муджахед «обречен» на победу, а естественным его союзником становится русский мусульманин⁷⁴. Ахтямов (принявший и второе имя — Муслим) не сомневается, что «...на переломном моменте истории, когда в духовный вакуум хлынули мировые религии, их производные и демонизм всех оттенков, русскому народу представился единый правильный выбор. Сейчас или никогда. Ни одна другая религиозная система или светская идеология, кроме Ислама, не сможет наполнить нашу страну жизненными силами. Только в нем наше спасение»; по его мнению, «у России единственный выбор — ИСЛАМ»⁷⁵.

И Михайлов, и Никитин создавали свои произведения до 11 сентября 2001 г. Очевидно, после этой акции рассуждения о создании единого фронта России с радикальным исламом выглядят не столь бесспорно. Тем не менее такие взгляды существуют, а в условиях распространения антиамериканских настроений сохраняют свою актуальность.

В большинстве прочитанных мною книг, в которых затрагивается исламская тематика, противостояние с мусульманами,

бросается в глаза одна общая мысль: нынешнее российское государство защитить своих граждан от насилия не в состоянии. Оно коррумпировано, слабо, а его чиновники сотрудничают с криминалитетом и составляют единую с ним мафию. У романа Латыниной убийственный подзаголовок — «До встречи в аду», путь к которому предопределен и для террористов, и для «анти-террористов» включая генералов. Этим российское искусство отличается, например, от американского, где главный положительный герой — государство (исключения бывают: например, в разгар президентской кампании 2004 г. на экраны был вброшен фильм Майкла Мура «Фаренгейт 9/11», посвященный совместному бизнесу семьи Буша с членами Саудовской династии, а также с самим бен Ладеном). В российской литературе и кино действуют одиночки — от капитана до полковника, одерживающие свою личную победу в безысходной войне.

Хотел бы обратить внимание на то, что в России практически нет произведений, как публицистических, так и художественных, в которых ислам рассматривался бы с позиций феминизма. Истории о страданиях русских женщин, вышедших замуж за мусульман, не выходят за рамки заурядной публицистики. Вряд ли в ближайшее время следует ожидать «женских откровений» об исламе, аналогичных тем, которые стоят на полках книжных магазинов Европы и Америки.

Конечно, упомянутые выше книги — «однодневки», сюжеты и герои которых быстро забываются. Зато в памяти оседают прямолинейные суждения, намеки, интонации, формирующие соответствующее мнение читателя об исламе и мусульманах. Тем более что поток такой литературы нарастает, и «количество» влияния постепенно переходит в качество.

Вox populi из Интернета

Есть ли в российском обществе желание разобраться в исламе самостоятельно, высказываясь о нем, так сказать, в индивидуальном порядке? Конечно, есть. И здесь репрезентативны диалоги на интернет-форумах, участники которых задают друг другу вопросы по поводу ислама, выслушивая собеседника (что среди экспертов встречается куда реже). Эти «простые» люди создают мнение об исламе и одновременно его отражают. Форум позволяет высказываться анонимно, а также дает право на незнание и сомнение. Высказываемые суждения спонтанны, противоре-

чивы, зато честны и откровенны. Возможно, звучащие в Интернете оценки ислама не столь репрезентативны, как результаты социологических опросов, но они очень важны хотя бы потому, что отражают по большей части мнение молодых и активных граждан общества.

Организаторы форумов стараться удерживать их участников от грубых и просто нецензурных «словес»: «ВСЕМ!!! Будете дальше продолжать хамить и разжигать конфликты в этой теме (разговор идет о джихаде. — А. М.), буду удалять сообщения! Кому тема не интересна, прошу не заходить сюда! Из-за хамства уже закрыто много подобных тем»⁷⁶.

Что главным образом обсуждается в интернетовских дискуссиях? Во-первых, угроза экспансии ислама, во-вторых, насколько правомерно отождествление ислама с исламским экстремизмом (тексты приводятся в оригинальной транскрипции, там можно встретить и «каран», и «каталицизм», и «экстримисты» и пр.).

Участник сайта с символическим названием «IV Мировая (Война Варваров ИСЛАМА с Цивилизацией)» по имени «SeRUS» пугает, что «Ислам несет гибель цивилизации», а другой дискуссант, «Fulminatrix», — что эта религия «в настоящий момент является главной угрозой мира» и что сам он «уже давно знал, что цель мусульман — всемирный халифат». С ними согласен «Бывалый»: «Сейчас мы говорим про идею мирового господства Ислама. Это не бред талибанов, а объединяющая цель для всего мусульманского мира. И совершенно очевидно, что на пути к этому будет много крови, несмотря на заповеди в Коране»⁷⁷.

На «Христианском портале Евангелие» прямо говорится, что «Исламо-фашизм не пройдет»⁷⁸. А «Goloto!» сетует: «Ислам же обречен претендовать на абсолютное мировое господство — и этим весьма похож на языческую идеологию нацизма»⁷⁹. «Исламо-фашизм» («исламский фашизм») — провокативный и оскорбительный термин, пришедший в Россию из-за рубежа. Впервые его использовал в 1990 г. в британской «Independent» историк Малис Рутвен, определивший его таким образом: «правительственный авторитаризм от Марокко до Пакистана»⁸⁰. В то время это понятие имело мало отношения к собственно исламу. Но уже в 2000-х годах оно постепенно вошло в оборот у журналистов и политиков. «Исламофашистскими» именуется экстремистские движения Джордж Буш-младший, на которого оказывал влияние крупный исламовед Бернارد Льюис, близкий к республиканцам. Встречается это определение у Фрэнсиса Фукуямы. В России термин «исламо-фашизм» не прижился. Им пользуют-

ся очень редко и только самые ярые противники ислама от крайних либералов до крайних националистов.

На форуме «Внимание! Исламская угроза» некто «ST», обращаясь к мусульманскому собеседнику, предупреждает: «Муслим, Вам не удастся доказать нам, что есть ислам с человеческим лицом. Возможно вы пытаетесь его создать, но будет существовать лишь в Вашем воображении. Пока вы рассуждаете о хорошем исламе, убивают мирных жителей. Ислам — это античеловеческая религия монстров и если вы здравомыслящий, Вы должны это понять и оставить этот притон мракобесия»⁸¹.

На миг выйдем из Интернета и обратимся к письму читателя в газету «Известия», указавшего свою профессию — педагог. «Христианство, — пишет он, — отрицает месть. Любой священник тебе объяснит, что лелея месть, ты идешь против Бога. Он проклянет тебя, если ты осуществишь месть в виде убийства. А ислам? Могут мусульмане дать единый и однозначный ответ: запрещает? Разрешает? Поощряет? Если ислам запрещает убийство, то почему террористы-самоубийцы считают, что попадут в рай? Кто им это сказал? Учитель в медресе?»⁸².

И вновь погрузимся в Интернет. «Мамонт» убежден, что «XXI ВЕК можно с уверенностью назвать войной ислама и Христианской Цивилизации. Мусульмане не могут, и не хотят вписываться в цивилизованный мир, нашей цивилизации»⁸³. Неприемлем ислам и для «Lionet», уверенного, что «жизнь человека для мусульман — ничто», а ислам — «фанатическая религия, еще более “рабская”, чем христианство». По философу Дмитрию Блажену (имя и фамилия подлинные): «Магометанство — единственная религия, фактически отрицающая свободу воли». «Для современного ислама тотальная социальная утопия — единственно возможная и самая естественная форма политического мышления. Ислам не знает личности так остро, как христианство. Любое обращение к индивидуальной свободе будет антиисламской акцией априори»⁸⁴.

«ГРЕК» просто предостерегает: «Ой-ой, не дай бог в темном переулке с мусульманином встретиться, дай бог оттуда живым выйти. И после этого вы мне говорите, что это не зло?»⁸⁵.

Редко, но все же можно наткнуться и на прямо-таки хамские провокации. Так, один из дискуссантов (назовем его «Ч») приписывает аятолле Хомейни следующую цитату: «Мужчина может вступать в половые отношения с животными, например, с овцами»⁸⁶ и т. д. Я выбрал чуть ли не самые безобидные слова. При этом «Ч» даже указывает, в каком из трудов Хомейни их

якобы можно отыскать. Все это фальсификация, но фальсификация умело препарированная, которая наверняка найдет искомого адресата.

«БП» в ужасе от того, что исламский мир «успешно одолевает Европу, причем двумя путями сразу — снизу, мигрантами и демографически, и сверху экономически, скупая заводы, недвижимость и даже газеты»⁸⁷. «Nikolai_III», полагает, что «нельзя так спокойно дискутировать о самой опасной из мировых религий! Я не читал правда Коран (курсив мой. — А. М.), но читал зеленые брошюрки... так там не скрывается желание ислама завладеть всем миром».

А вот и результаты экспансии ислама. «Если ислам победит, мир погрязнет в невежестве... Зачахнет наука, под запретом культура и искусство, закрываются газеты, люди становятся тупыми и неграмотными»⁸⁸.

Философски-примиренчески звучит голос поэта Андрея Полонского, который не прячется за псевдоним: «Не надо бояться конфронтаций. Да, Казань была взята. Что же теперь стесняться этой победы, даже если у нас треть мусульманского населения?»; «Современный ислам, конечно же, не отстаивает свободу выбора. Он просто отстаивает свою идентичность»; «Современный ислам требует подчеркнуть разницу и с открытым забралом войти в конфликт (возможно, и выйти из него), а уж никак не понять сразу друг друга и слиться в поцелуе»⁸⁹. Полонский предлагает принимать ислам таким, каков он есть, не требовать от него невозможного, т. е. быть похожим на христианскую цивилизацию. Такая честная позиция, особенно высказанная в сети, продуктивна. В ней, с одной стороны, констатация неизбежности конфликта, зато с другой — призыв относиться к конфликту как к некоей данности межцивилизационных отношений, быть готовыми к нему психологически, что позволит избежать крайностей.

У ислама есть и защитники, хотя их меньше, чем критиков. «Katia» пишет, что «Ислам миролюбивая религия... Винить Ислам в войнах развязанных кучкой безбожных политиков (как мусульманских государств, так и православных...) не стоит»⁹⁰. Из этого посыла следует возмущение «Alexei-Canada.ru», не понимающего, идет речь «об Исламе вообще или только об исламских фундаменталистах-экстремистах?»⁹¹. С ним солидарен «Diletant», «по глубокому убеждению» которого «врагами Ислама являются все те, кто под зеленым знаменем творит бесчинства, насилием и убийствами отвращая людей от Ислама»⁹².

Люди не читают Коран. Свидетельство тому — хотя бы наивная уверенность «СНАOS Praetorian» в том, что «вообще-то, насколько я знаю, Коран более ранняя книга, нежели Ветхий Завет. Отсюда и жестокость»⁹³. А «Nikolai_III» просит: «...если у кого есть Коран в электронном виде на русском языке, просьба выложить в обменник. Хочется покритиковать более аргументированно». Но вот «Nikolai_III» стал читать Коран, но «не смог его осилить» — «с первых страниц поразила жестокость и мелочность, которые там Богу приписывают». Так что, почитав Коран, люди могут и не изменить свое мнение об исламе.

Очевидно, что главными защитниками ислама от нападок становятся сами мусульмане. Возникают любопытные диалоги: «Nikolai_III», полагает, что «...ислам сейчас переживает агрессивный период истории. У христианства тоже был такой кровавый период. Вот только если Христос проповедовал непротивление злу, то Магомед наоборот прославился как жестокий и талантливый завоеватель»⁹⁴. Мусульманин «Шалун», возражая ему, объясняет, почему именно ислам, как последняя ниспосланная Господом монотестическая религия, является совершенным: «Можно привести житейскую аналогию... Вот у тебя родился сын... потом у тебя рождается еще один сын, но ты, видя недостатки воспитания первого, начинаешь учить второго. Учить по-другому, чтобы сделать его лучше». Именно поэтому пришедший позже ислам, а не христианство, является совершенной религией.

Порой защита ислама ведется с помощью излишне энергичных оборотов и не слишком аргументированно. Это дает повод для обвинения мусульман в нежелании вести диалог. «Складывается впечатление, — пишет «Генерал-лейтенант Солдат2», — что они пришли на форум только с целью пропаганды своей религии, а не с целью общения. Их ставят в бан за грубость, но они снова появляются в темах ислама под другими никами»⁹⁵.

Однако самая страстная защита ислама звучит главным образом на собственно исламских форумах, где высказывания оппонентов почти отсутствуют. В стране существует русскоязычный исламский Интернет. Только поисковая система «Rambler» помогла найти 1600 исламских русскоязычных сайтов, большинство которых отличается «низкой сетевой культурой», что говорит об их неготовности вступать в диалог с посетителями⁹⁶.

Есть и такие мусульмане, которые склонны к рефлексии и самокритике. Открыт даже небольшой «Форум волчат “Религия Ислам — мусульмане — самокритика в мусульманской прессе”»,

где приводятся критические высказывания в адрес исламского экстремизма, например: «Бесспорен факт, что не все мусульмане террористы, но столь же определенно и особенно болезненно то, что почти все террористы мусульмане»⁹⁷; «Исламофобия — в чем причина — возможно в непросвещенности людей в его основах? возможно в нас самих (мусульманах)»; «Надо делами и поступками показывать себя мусульманами, а не красноречием и показным соблюдением религиозной практики», — считает мусульманин «Ахиллес»⁹⁸. Мысль «Ахиллеса» подхватывает другой мусульманин, «Аха»: «По сути в негативном отношении мы сами и виноваты. Посмотрите как ведут себя некоторые из так сказать мусульман?????. Хотя эти люди все своим видом стремятся показать вот, мол, мы мусульмане. На самом деле верующий человек никогда не будит кричать и говорить на каждом углу что он мусульманин»⁹⁹.

На форумах встречаются мнения в пользу исламизации России. Она рассматривается в контексте официальной западофобии, конкретно — американофобии, а адепты исламизации склонны к вычурным и даже ненормативным выражениям. «РГД»: «Вова, сука, чудо природы и с жидами он общается и с американцами и с мусульманами... епта, да выбери ты уже, наконец, направление какое-нибудь, сволочь, вместе двинем по нему... ну идеально же, законтчить с исламским миром, поддержать Иран, уравновешивая тем самым положение в мире... с одной стороны мы, Евразия, с другой жиды-космополиты... Китай между двух огней... все условия для возрождения... но хрен там... он это выплюнул из-за последней исламского комитета насчет герба... сука... вот так страна и тыркается как слепой пес между ног прохожих, без всякого направления и цели»; «Союз с исламским миром, сейчас, просто идеальный ход... и новый железный занавес лет на пятьдесят... хоть бы че жидо-янки сделать смогли»¹⁰⁰. Обращает на себя внимание, что высказывание это принадлежит человеку образованному, информированному о политических процессах, пользуясь выражением Сергея Минаева, «интеллектуальному бомжу»¹⁰¹, маскирующемуся под простонародье. «РГД» выдают, как минимум, его грамотность и умение логично выстраивать мысль.

«Wiktor20» выступает за исламизацию по сугубо прагматическим мотивам: «Когда местный закон так явно продажен, то закон шариата с Кораном в одной руке и с автоматом в другой, кажется все привлекательнее»¹⁰². В связи с этим на ум приходят рассказы начала 1990-х годов о Дагестане, где недовольные ро-

стом криминального беспредела и коррупцией некоторые русские искренне поверили, что избавиться от этих зол можно с помощью введения шариата.

Крайне пессимистичной представляется исламизация России «Хранителю»: «Сама идея обращения России в Ислам — создает поистине радужные перспективы: например, внутрисоссийская шиитско-сунитская война, массовые публичные казни кафиров, взрывы, взрывы, взрывы»¹⁰³. «Участковый» интересуется, «как конкретно мусульмане собираются приводить русских к исламу? При нынешних темпах, обращение затянется на многие столетия, а для массового перехода оснований пока не видно»¹⁰⁴. А «w.p.s.h.» вообще не принимает религиозной индоктринации извне: «Только вот лезут в наш монастырь, а нас отвлекать нельзя, нам нужно разобраться в самих себе. Так что не слиться ли им во свояси»¹⁰⁵.

Вопрос об исламизации России обсуждается сравнительно давно. Еще в 2000 г. во время проводившегося Российским независимым институтом социальных и национальных проблем опроса среди верующих было предложено ответить, становится ли Россия мусульманской страной. В пользу того, что такая вероятность велика, высказались 8,4%, что невелика — 32,2%, что «это совершенно невероятно» — 59,6%. Зато уже тогда в высокую вероятность заселения России другими народами верили 33,8%¹⁰⁶.

Итогом интернетовских дискуссий об исламе можно было бы считать мнение «Якова Свердлофа»: «ИншаАлла, закончится этот бессмысленный спор вер и конфессий. Был участником множества религиозных споров — только раздражительность и ничего больше»¹⁰⁷. Но обсуждения на форумах продолжаются и будут продолжаться до бесконечности.

Политики об исламе

Отношение к исламу российских политиков в подавляющем большинстве случаев корректное и уважительное. Иным в публичных высказываниях оно просто не может быть. Особенно ярко это проявляется у Владимира Путина, позиционировавшего Россию как защитницу ислама. Лица из близкого окружения президента насчет ислама предпочитают не высказываться. Зато слышатся многочисленные опасения в связи с процессами в мусульманском мире, собственно в исламе, в котором те же почти-

тельно отзывающиеся о нем политики видят экспансионистскую идеологию.

Не скованные политкорректностью высказывания об исламе, не считая тех, кто стоит на националистических позициях, встречаются крайне редко. Чаще других об исламе говорит Владимир Жириновский. Его позиция примечательна сумбурностью, зато отражает общую противоречивость и путаность в видении ислама у всего российского истеблишмента. Жириновский выступает как зеркало, в котором отражается страх перед исламом, скрытое желание отгородиться от него и в то же время использовать в политике. «Мы не говорим, что Ислам сам по себе враждебный. Но есть в учениях Ислама, его постулатах, отправлениях обрядов чрезмерный фанатизм, поворачивающий все против соседних народов». Ислам всегда будет использоваться в политических играх: «В перспективе мы будем иметь столкновения между христианством и мусульманством». «Задача России уложить Ислам в рамки лишь культуры»¹⁰⁸.

Для лидера коммунистов Геннадия Зюганова тема ислама находится на периферии идеологического дискурса. Однако он неоднократно ссылаясь на то, что «...исламской цивилизации присущ приоритет коллективистского начала над индивидуальным... Поэтому неудивительно, что одним из важнейших институтов в мусульманских странах является община»¹⁰⁹. А это, в свою очередь, содержит намек на близость коммунистического и исламского подхода к социально-политическим проблемам. При этом коммунисты дежурно критикуют исламских радикалов, предъявляют претензии к мигрантам, создающим угрозу России. Сближает КПРФ с мусульманством ее антиссионистская позиция. Не говоря уже о Ближнем Востоке, Геннадий Зюганов предупреждает об опасности «сионизации государственной власти» в России¹¹⁰.

Нет единой позиции по отношению к исламу среди националистов. Одни делают упор на исламскую экспансию, в том числе по каналам миграции. Это было особенно характерно для партии «Родина» до 2006 г., когда она растворилась в созданной Кремлем пропрезидентской игрушечной партии «Справедливая Россия». Идеологи «Родины» пугали русских именно мусульманско-кавказской миграцией, хотя от слова «ислам» всегда уходили. Зато тогдашний глава «Родины» Дмитрий Рогозин несколько неожиданно поддержал идею введения поста вице-президента, который обязательно занял бы мусульманин (об этом же говорил и Равиль Гайнутдин). Однако непонятно, было это попыт-

кой со стороны националиста смягчить в глазах мусульман свою позицию или Рогозин полагал, что вице-президент-мусульманин сумел бы лучше, чем кто бы то ни было, укрепить лояльность своих единоверцев власти.

Для других националистов ислам привлекателен в качестве союзника против Запада. В начале 1990-х годов один из тогдашних идеологов ЛДПР генерал В. Филатов писал, что русский патриотизм и исламский фундаментализм — «территория, на которую не ступала нога сионизма», и что они — последний бастион на пути западной экспансии¹¹¹.

Лидер Национал-большевистской партии Эдуард Лимонов заклинает: «...будущее России в союзе с исламом. И православие, и ислам подвергаются агрессии с Запада уже тысячелетие. Поэтому мы — естественные союзники»¹¹². А в его газете «Лимонка» говорится: «Особенно нам близки иранцы-фундаменталисты»¹¹³. Мусульмане же относятся к нацболам неоднозначно. Кто-то считает, что «эти политизированные хулиганы» лучше, чем «НАШисты», и даже сравнивает лимоновцев с хамасовцами. А кто-то решительно отталкивает протянутую нацболами руку. «Меня больше всего добило... что они сопоставляют себя с муджахедами Ирана и Ирака, хамасовцами и т. д. и т. п. Действительно ли Лимонов — второй Хомейни? А нацболы — ярые пассионарии, которые вытянут страну из кризиса?», — спрашивает мусульманин «Nariman» на сайте «Ислам для всех»¹¹⁴.

Искренним сторонником православно-исламского и славяно-тюркского союзов является писатель Александр Проханов, которого вполне можно отнести и к разряду политиков¹¹⁵. Симпатизирует исламу и бывший премьер, бывший министр иностранных дел России Евгений Примаков, еще в начале 1980-х годов отмечавший вклад ислама в социальные революции¹¹⁶. О нем речь пойдет ниже, в главе, посвященной исламскому фактору в российской внешней политике. Здесь же следует обратить внимание на отличную от официальной трактовку Примаковым исламского фундаментализма. Этот политик считает, что «...исламский фундаментализм — это строительство мечетей, отправление исламских обрядов, взаимопомощь верующих. Но когда исламский фундаментализм принимает агрессивную, экстремистскую форму, это выливается в навязывание силой исламской модели управления государством и обществом»¹¹⁷. Эта трактовка совпадает с оценкой фундаментализма Равилем Гайнутдином. А заместитель председателя Совета Федерации Василий Лихачев в свое время высказывал озабоченность в связи с известными

трактовок исламского фундаментализма, считая, что этим термином часто злоупотребляют¹¹⁸.

В стане российского либерализма оценка ислама сдержанна. Например, Ирина Хакамада наряду с общими словами о значении исламского фактора для России помнит, что «в исламе меньший потенциал демократии». Зато она полагает, что российское православное большинство более инертно и менее энергично, чем те, кто принимают ислам¹¹⁹. Остается только додумывать, что в данном случае понимается под «энергией мусульман». Очевидно, то, что мусульмане энергичнее действуют в оппозиции, когда речь идет о противостоянии власти, об отстаивании своих интересов, в том числе конфессиональных. Заодно напомним и об уже отмечавшейся выше их активности в бизнесе. Таким образом, указанная мусульманская энергия может интерпретироваться и как потенциальный повод для конфликтов в экономической и политической сферах.

В то же время либералы никогда не отказывались от сотрудничества с мусульманами и готовы поддерживать их требования межконфессионального равенства, справедливого отношения к мигрантам. Рост национализма заставляет мусульман искать союзников, которыми могут стать представители либеральных общественно-политических кругов¹²⁰.

Большинство российских политиков относятся к исламу в России как к неизбежности. Его следует уважать, с ним нельзя не считаться. Однако его политизация, апелляция к нему националистических сил, устойчивая связь исламских радикалов с единомышленниками за рубежом негативно сказывается на внутреннем положении в стране.

Главная причина исламофобии — страх перед исламом, объяснение которого кроется как в реальных событиях в России и в мире, так и в нашем их восприятии. Реальность — это конфликты на Северном Кавказе, рост национализма в «мусульманских республиках», миграция, международный и внутренний терроризм. Источники страха в известной степени персонифицированы в «злом чеченце» и «злом арабе», «лукавом азербайджанце» (я пытался отыскать что-нибудь про «злого татарина», но кроме вечной поговорки о татарине, хуже коего незваный гость, ничего не обнаружил¹²¹).

Тиражируемая СМИ, отраженная в искусстве, провозглашаемая политиками и церковными деятелями «исламская угроза» прочно вписалась в сознание российского общества. Причем речь идет именно об *исламской*, а не *исламистской* угрозе, которая

действительно существует. Различие между этими двумя понятиями стало осознаваться совсем недавно усилиями части политиков, экспертов и журналистов.

Людям неуютно от присутствия по соседству чего-то необычного. А ислам действительно необычен. Возражение, что в России уживались разные религии, не совсем корректно, ибо при советской власти конфессиональная идентичность официально не замечалась и постепенно истаявала в общественном сознании. И это одна из причин, по которой внезапно возродившийся и политизированный ислам в глазах обывателей сегодня выглядит как нечто непонятное и даже опасное.

В этой главе упор сделан на негативное восприятие ислама. Но я бы обратил внимание читателя на то, что некоторые приведенные цифры могут иметь и иную интерпретацию: так, на вопрос «Какая религия кажется Вам наиболее чуждой?» ислам назвали *лишь* 26%. Примерно половина опрошенных все-таки *не считает* ислам агрессивной религией...

Будем откровенны: негативную тенденцию в восприятии ислама в России вряд ли удастся в ближайшем будущем переломить. Тем более что далеко не все зависит от хода событий в самой России. В том, чтобы остановить рост исламофобии, заинтересованы все, среди прочих и мусульмане, которым тоже следует быть осторожнее и не высказывать рискованные суждения, например, о неизбежности исламизации России или замене ее герба.

Примечания

¹ *Силаев Н.* Что такое «исламская угроза»? // Эксперт. — 2006. — № 6 (500).

² <http://www.evangelie.ru/albums/displayimage.php?album=249&pos=0>.

³ *Малашенко А.* Исламская энергия талибов // Независимая газ. — 1996. — 11 нояб.

⁴ *Речкалов В.* Мой бледнолицый брат // Моск. комсомолец. — 2006. — 31 авг.

⁵ *Архипов А.* Россия — это мононациональное государство русских // Атака. — 1995. — № 33.

⁶ Опрос проведен исследовательской компанией «Башкиров и партнеры» (Новые известия. — 2006. — 19 мая).

⁷ *Абулатипов Р.* Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе. — [Б. г.], [б. м.]. — С. 6—7.

⁸ *Самарина А.* Страну трясет от страха // Независимая газ. — 2006. — 18 сент.

⁹ *Рискин А.* Дружба народов дала трещину в Кондопоге // НГ-регионы. — 2006. — 18 сент.

¹⁰ *Савва М.* Динамика основных проблем этнических меньшинств края // Бюл. Сети этнологич. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — 2006. — № 67. — Май—июнь. — С. 56.

¹¹ Комплекс нетерпимости: Интервью с Львом Гудковым // Полит. журн. — 2006. — 22 мая. — С. 19.

¹² *Герман А.* Мы потихоньку фашизем // Новая газ. — 2002. — 25—27 нояб.

¹³ Государство. Антропоток. Доклад 2002 / Центр стратег. исследований Приволж. федер. округа. — Н. Новгород; Москва, 2002. — С. 113.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Гудков Л. Д.* Динамика этнофобий в России последнего десятилетия: Доклад на конференции «Национальные меньшинства в Российской Федерации». — М., 2003.

¹⁶ 500 слов Владимира Мукомеля // Правое дело. — 2006. — № 10 (167). — Май. — С. 4.

¹⁷ Рисэлэт. Послание [Уфа]. — 2004. — № 8 (75). — Авг. — С. 1.

¹⁸ <http://www.electorat.info/news/party/rodina/12-11—2005/200560>.

¹⁹ <http://forum.astrakhan.ru/lofiversion/index.php/t8967-50.html>.

²⁰ A Test to Multiculturalism // The Wall Street J. — 2004. — Dec. 10—12.

²¹ *Левинсон А.* Вся ваша нация такая // Неприкоснов. запас. — 2005. — № 1 (39). — С. 42.

²² Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга, 2004. — М., 2005. — С. 43—44.

²³ Отечеств. записки. — 1993. — № 5. — С. 132.

²⁴ *Верховский А.* Религиозная ксенофобия: современные тенденции // Рисэлэт. Послание. — 2004. — № 8 (75). — С. 2.

²⁵ <http://thames2.alfa.fake/levadad/QueryView.aspx>.

²⁶ Отношение москвичей к религии и церкви / Ин-т систем. исследований и социологии. — М., 1994. — С. 31.

²⁷ <http://thames2.alfa.fake/levadad/QueryView.aspx>.

²⁸ *Rouleau E.* Le terrorisme et l'islamisme // Le Monde Diplomatique. — 2001. — Nov.

²⁹ *Плугатарев И.* 2005 год: вялая война с халифатом // Независимое воен. обозрение. — 2005. — 23 дек.

³⁰ Там же.

³¹ <http://thames2.alfa.fake/levadad/QueryView.aspx>.

³² Церков. вестн. — 2004. — № 22 (299). — Ноябрь.

³³ Отечеств. записки. — 2003. — № 5. — С. 92.

³⁴ <http://thames2.alfa.fake/levadad/QueryView.aspx>.

³⁵ Отечеств. записки. — 2003. — № 5. — С. 113.

³⁶ Там же. — С. 112.

³⁷ *Седов Л.* Карта надежд и опасений // Независимая газ. — 2006. — 8 дек.

³⁸ Отечеств. записки. — 2003. — № 5. — С. 222.

³⁹ *Olcott M., Babajanov B.* Notes of a Terrorist // Foreign Policy. — 2003. — March/Apr. — P. 30—39.

⁴⁰ *Баранец В.* Ельцин и его генералы. — М., 1997. — С. 213.

⁴¹ Там же.

- ⁴² *Серебряников В.* Антимилитаристские тенденции массового сознания в России и на Западе: база культуры мира // Культура мира: от утопии к реальности. — Казань, 1999. — С. 141.
- ⁴³ Моск. новости. — 2002. — № 45.
- ⁴⁴ *Осетинский О.* Если бы я был бен Ладеном... // Известия. — 2002. — 3 окт.
- ⁴⁵ *Кеворкова Н.* Человек человеку — контейнер // Газета. — 2006. — 24—26 марта.
- ⁴⁶ Известия. — 2006. — 20 окт.
- ⁴⁷ *Кусова С.* Россия между «Норд-Остом» и Бесланом: По материалам федеральной прессы. — М., 2005. — С. 49.
- ⁴⁸ *Дондурей Д.* ТВ в механизме террора // Отечеств. записки. — 2005. — № 3. — С. 321.
- ⁴⁹ См. например: *Асадуллин Ф.* Москва мусульманская. — М., 2003; *Малашенко А.* Ислам в нашем доме // Дружба народов. — 1993. — № 10; *Синельников М.* Исламские мотивы в русской поэзии // Ислам в России и Средней Азии. — М., 1993.
- ⁵⁰ *Гордин Я.* Кавказ: земля и кровь. — СПб., 2000. — С. 338.
- ⁵¹ *Пучков Л.* Операция «Моджахед». — М., 2006. — С.220.
- ⁵² *Дашкова П.* Чеченская марионетка, или Продажные твари. — М., 2000. — С. 325.
- ⁵³ *Деревянко И.* Бойцовский клуб. — М., 2005. — С. 29.
- ⁵⁴ *Корецкий Д.* Код возвращения. — Т. 1. — М., 2006. — С. 26.
- ⁵⁵ *Ольбик А., Индорбоев А.* Операция Армагеддон отменяется. — М., 2006. — С. 172.
- ⁵⁶ *Латынина Ю.* Джаханнам, или До встречи в аду. — М.: ЭКСМО, 2005. — С. 55.
- ⁵⁷ Там же. — С. 27.
- ⁵⁸ *Доренко С.* 2008: Роман. — М.: AdMarginem, 2005.
- ⁵⁹ *Проханов А.* Господин Гексоген. — М.: AdMarginem, 2002. — С. 196.
- ⁶⁰ *Латынина Ю.* Указ. соч. — С. 450.
- ⁶¹ *Проханов А.* Указ. соч. — С. 196.
- ⁶² *Тамоников А.* Грозные ворота. — М., 2006. — С. 6.
- ⁶³ Известия. — 2006. — 10 янв.
- ⁶⁴ *Чудинова Е.* Мечеть Парижской Богородицы. — М., 2005. — С. 61.
- ⁶⁵ Там же. — С. 93.
- ⁶⁶ *Веллер М.* Кассандра. — СПб., 2002. — С. 169.
- ⁶⁷ *Веллер М.* Великий последний шанс. — М.: АСТ, 2006. — С. 314.
- ⁶⁸ Там же. — С. 318.
- ⁶⁹ *Волос А.* Маскавская Мекка. — М., 2003.
- ⁷⁰ *Чудинова Е.* Указ. соч. — С. 263.
- ⁷¹ *Михайлов В.* Вариант «И». — М.: АСТ, 1997.
- ⁷² <http://www.evangelie.ru/forum/showthread.php?s=0479dd5aaaeba0bf65980ff63a62c9>.
- ⁷³ *Фишман Л.* Смена ориентиров // Полит. журн. — 2006. — 5 июня. — С. 57.
- ⁷⁴ *Ахтямов М. Д.* Исламский прорыв. — Екатеринбург: Ультра Культура, 2005.

- ⁷⁵ Ахтямов Д. У России единственный выбор — ислам // <http://www.koran.ru/public/page019.html>.
- ⁷⁶ Форум «Джихад» (<http://forum.vstre4a.info/topic37207.html>).
- ⁷⁷ http://www.politforums.ru/main/1112770269_0.html.
- ⁷⁸ <http://www.evangelie.ru/albums/displayimage.php?album=249&pos=0>.
- ⁷⁹ <http://www.kastpravda.ru/cgi-bin/forum/YaBB.pl?num=1135130348>.
- ⁸⁰ The Independent [London]. — 1990. — 8 Sept.
- ⁸¹ http://www.canada.ru/cgi-win/htforum?open=1000068352_64542&page=all.
- ⁸² Известия. — 2006. — 17 окт.
- ⁸³ http://www.politforums.ru/main/1112770269_0.html.
- ⁸⁴ <http://www.kastpravda.ru/cgi-bin/forum/YaBB.pl?num=1135130348>.
- ⁸⁵ <http://forum.astrakhan.ru/lofiversion/index.php/t8967-50html>.
- ⁸⁶ <http://portal.uuc.ru/forum/index.php?showtopic=851&pid=15510&mode=threaded&s>.
- ⁸⁷ <http://www.politforums.ru/main/1148889552.html>.
- ⁸⁸ <http://forum.comchatka.ru/archive/index.php/t-8633.html>.
- ⁸⁹ <http://www.kastpravda.ru/cgi-bin/forum/YaBB.pl?num=1135130348>.
- ⁹⁰ http://www.politforums.ru/main/1112770269_0.html.
- ⁹¹ http://www.canada.ru/cgi-win/htforum?open=1000068352_64542&page=all.
- ⁹² <http://chernovik.netforum/viettopic.php?pid=6465>.
- ⁹³ http://www.canada.ru/cgi-win/htforum?open=1000068352_64542&page=all.
- ⁹⁴ <http://forum.comchatka.ru/archive/index.php/t-8633.html>.
- ⁹⁵ <http://forum.33b.ru/topic1785269.html>.
- ⁹⁶ Абрамов Д. Русскоязычный исламский Интернет // Россия и мусульм. мир. — 2005. — № 8 (158). — С. 139—141.
- ⁹⁷ <http://www.volchat.ru/forum/viewtopic.php?t=5468>.
- ⁹⁸ <http://chernovik.netforum/viettopic.php?pid=6465>.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ http://forum.runet.ru/?message_id=524690&forum_id=63.
- ¹⁰¹ Минаев С. Духless: Повесть о ненастоящем человеке. — М.: Транзит-книга, 2006. — С. 146.
- ¹⁰² http://forum.runet.ru/?message_id=524690&forum_id=63.
- ¹⁰³ <http://www.evangelie.ru/forum/showthread.php?s=3c8ce73af86f1594429d2ad07035e>.
- ¹⁰⁴ <http://www.evangelie.ru/forum/showthread.php?s=0479dd5aaaeba0bf65980ff63a62c9>.
- ¹⁰⁵ http://www.canada.ru/cgi-win/tforum?open=1000068352_64542&page=all.
- ¹⁰⁶ Элбакян Е. С., Медведко С. В. Социальный портрет современного верующего: общие черты // Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия. — М., 2001. — С. 166.
- ¹⁰⁷ <http://forum.astrakhan.ru/lofiversion/index.php/t8967-50html>.
- ¹⁰⁸ Амиров Р. Ислам и политика: Беседы об исламе. — М., 2005. — С. 8—13.
- ¹⁰⁹ Зюганов Г. А. География победы: Основы российской геополитики. — М., 1997. — С. 202—203.

¹¹⁰ <http://religion.sova-center.ru/events/13B7354/1472C11/235909B&print=on>. См.: *Зюганов Г.* Святая Русь и Кощеево царство: Основы русского духовного возрождения. — М., 2003, а также интервью Г. Зюганова газете «Русь православная» (август-сентябрь 2003 г.) в связи с публикацией этой книги.

¹¹¹ День. — 1993. — 30 мая—6 июня.

¹¹² Программа Национал-большевистской партии. — М., [б. г.].

¹¹³ Лимонка. — 1995. — № 8.

¹¹⁴ <http://islam.com.ua/forum/index.php?showtopic=6921>.

¹¹⁵ Завтра. — 1994. — № 49.

¹¹⁶ См., например: *Примаков Е. М.* Восток после краха колониальной системы. — М., 1982. — С. 68—87.

¹¹⁷ *Примаков Е.* Новая угроза // Моск. новости. — 2006. — 7—13 апр.

¹¹⁸ *Лихачев В. Н.* Ислам в России: традиции и перспективы: Доклад на конференции «Ислам в России: традиции и перспективы». — М., 1998. — С. 40.

¹¹⁹ *Амиров Р.* Указ. соч. — С. 23.

¹²⁰ *Туленков Д.* Союз мусульман и либерально-оппозиционной интеллигенции — химера или реальная перспектива? // <http://ansar.ru/archives/05.12.11left.html>.

¹²¹ Зато в качестве своеобразной компенсации за бесплодные поиски я получил собственную фотографию с надписью «Осторожно, татарофоб!», которую редактор этой книги нашел на одном из сайтов и с удовольствием переслал мне.

Глава третья

Государство и ислам

Читатель, наверное, обратит внимание на то, что уже встречал в первой главе книги похожий заголовок. Ведь один ее разделов назван «Ислам и государство». Разница, однако, в том, что в первом случае я попытался осветить взгляды мусульман на государство, теперь же речь пойдет о его отношении к исламу и мусульманам.

«Утверждение ислама на территории современной России в качестве второй по значимости религии неразрывно связано с государственной политикой. Иначе говоря, на протяжении нескольких столетий государство формировало организационные основы российского Ислама, регламентировало процесс духовного образования мусульман, самым непосредственным образом влияло на облик мусульманского духовенства»¹. Сегодня государственная политика в отношении ислама и мусульман достаточно ясна: контролировать обстановку в мусульманском сообществе.

От христианизации к «коммунизации»

Вплоть до конца XVII в. российское православное государство стремилось к христианизации иноверцев, начатой еще при Иване Грозном и продолженной последующими русскими царями. Спустя три года после взятия Казани в 1555 г. была образована Казанская епархия, главной задачей которой было окрестить местных мусульман. Наследовавший Грозному царь Федор Иоаннович в 1593 г. издал указ, направленный на разрушение мечетей. В принятом в 1649 г. при царе Алексее Михайловиче Соборном уложении говорится об изъятии у мусульман земель, зато «...которые князи, и мурзы, и татаровья... крестилися в православную христианскую веру. И у тех у новокрещенов земель не отымати»².

В 1681 г. власть предприняла попытку навязать православие башкирам. В 1713 г. Петр I своим указом отнял права у отказавшихся принимать христианство служивых татар. Императрица

Анна Иоанновна в 1731 г. образовала особую «Комиссию для крещения казанских и нижегородских мусульман и других иногородцев». Впоследствии эта комиссия, переименованная в «Новокрещенскую контору», добилась полного уничтожения мечетей.

Распространено мнение, что христианизация мусульман полностью провалилась. Оно имеет под собой основания, поскольку массовых переходов из ислама в православие в российской истории не отмечено. С другой стороны, в длинном списке знаменитых фамилий (Кутузовы, Бунины, Булгаковы, Рахманиновы и так до бесконечности), чьи корни идут от татар (и, шире, от тюрок), подавляющее большинство тех, чьи предки были вынуждены «изменить» своей религии.

Эпоха тотального приобщения российских мусульман к христианству закончилась с приходом к власти в 1762 г. Екатерины II, которая распустила Новокрещенскую контору и в 1767 г. разрешила строить мечети на территории современных Поволжья и Южного Урала. В 1773 г. был объявлен указ Святейшего Синода «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам», в соответствии с которым допускалось строительство каменных мечетей, за чем должны были следить уже не церковные, но светские власти³.

С 1788 г. началась решительная «смена вех», светская власть империи отказалась от попыток навязать мусульманам иную веру (церковь с завидным упорством продолжала миссионерскую деятельность) и перешла к политике контроля над исламом и мусульманами. В 1788 г. согласно указу Екатерины II было учреждено Оренбургское магометанское духовное собрание. Именно оно под разными обличиями сумело пережить монархию и большевиков, при которых именовалось Духовным управлением мусульман Европейской части России и Сибири, а его осколок под звучным названием «Центральное духовное управление мусульман» благополучно дожил до наших дней.

В XIX в. Россия завоевала Северный Кавказ и Среднюю Азию. Она превратилась в огромную поликонфессиональную страну, и вопрос об отношении к иноверческой, мусульманской части населения стал одной из главных проблем внутренней консолидации, обретения «имперской идентичности».

Установить контроль над «старым» и вновь обретенным мусульманством российская власть пыталась по трем направлени-

ям: первое — прямое военно-политическое воздействие на мусульман, второе — создание системы косвенного управления через лояльных священнослужителей, третье — воспитание традиционной знати в духе приверженности Империи, включение ее представителей в общероссийскую элиту. Любопытно, что центральным правительственным органом, контролировавшим жизнь российского мусульманства, оставался Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий МВД⁴.

Религиозная политика была противоречивой, изобиловала ошибками. Попытки законодательным образом сформулировать принципы отношений между государством и исламом предпринимались в 1819 г. по инициативе генерала А. П. Ермолова. В 1831 г. началась работа над «Положением о магометанском духовенстве», но она так и не была завершена. В 1849 г. открылось восемь мусульманских учебных заведений, в которых готовили имамов, впоследствии получавших «государственное распределение» по мечетям. В 1832 г. было образовано Таврическое ДУМ, а в 1872 г. — шиитское и суннитское ДУМ Закавказья (включавшие и Северный Кавказ).

Несмотря на понятный христианоцентризм, отношение светских властей к исламу по тем временам отличалось терпимостью. По выражению Равиля Гайнутдина, ислам «скорее терпели, чем понимали и поддерживали»⁵. И все же: в гимназиях уроки Закона Божьего обязаны были посещать только православные, мусульмане проводили это время с муллой, а в армии в некоторых подразделениях с большим количеством мусульман работали штатные муллы.

Имевшие место попытки христианизации исходили от православной церкви, а также от так называемой «клерикальной исламистики», представители которой полагали, что ислам — это «проповедь ненависти и вражды ко всем народам»⁶ (так что нынешние недруги ислама ничего нового не изобрели).

Ислам встраивался и в политическую систему империи. В 1905 г. в Государственной думе образовалась интернациональная «мусульманская фракция», одной из целей которой была защита прав мусульманских народов, борьба за отмену некоторых ограничений по этноконфессиональному признаку, разработка закона о равенстве прав приверженцев разных конфессий.

Таким образом, в Российской империи отношения между государством и мусульманским сообществом постепенно складывались таким образом, что власть приходила к мысли о необ-

ходимости уравнивания в правах граждан независимо от их вероисповедания, но при этом она стремилась держать «своих» мусульман под контролем. Попытки христианизации воспринимаются в мусульманской (татарской) среде болезненно и по сей день. Мусульманское духовенство раздражает сам факт существования «кряшенов» — примерно 90 тыс. татар, исповедующих православие. В декабре 2004 г. в Казани был снят фильм «Зулейха» по одноименному произведению знаменитого писателя Гаяза Исхаки о судьбе молодой татарки, выданной замуж за православного.

Пришедшие к власти в 1917 г. большевики поначалу видели в мусульманских народах союзников и относились к исламу как к религии с сильной социально-протестной, прямо-таки революционной мотивацией — в отличие от православия, изначально воспринимавшегося ими в качестве одного из главных и опасных недругов. В первое десятилетие советской власти в лексиконе большевиков были такие выражения, как «красный мулла», «красный шариатист», лозунг «За советскую власть, за шариат!». До 1928 г. мусульманские священнослужители даже не облагались налогом. Наконец, в этот период мусульманское духовенство активно содействовало проведению советской внешней политики ⁷.

В 1929 г. терпимость к исламу сменилась гонениями. Непосредственно на территории Российской Советской Федеративной Социалистической Республики отношение власти к исламу все более походило на отношение к православию: отныне всякая религия рассматривалась как враг. Более сдержанно и даже с опаской коммунисты смотрели на ситуацию в Средней Азии. Фактически на протяжении всей советской истории за исламом в этом регионе признавалась особая роль одного из регуляторов общественных отношений.

Разрушались мечети. По словам Талгата Таджутдина, из 12 тыс. мечетей, существовавших до 1917 г., в 1990 г. в РСФСР осталось чуть более 70 ⁸, подвергались репрессиям священнослужители, запрещалось отправление религиозных обрядов. Надо признать, что в 30—80-х годах XX в. «коммунизация» мусульман шла успешнее, чем христианизация в предыдущие столетия. В Советской России сохранить конфессиональную идентичность мусульманам было труднее, чем в XVI—XVII вв.

Ситуация несколько улучшилась в период Великой Отечественной войны. Но восстановленное в 1942 г. ДУМЕС и созданное в 1943 г. Духовное управление мусульман Северного

Кавказа (ДУМСК) находились под жестким контролем властей и служили орудием наблюдения над состоянием мусульманского сообщества⁹.

Преследования, отвращение мусульман от религии и контроль над ними оставались главными методами обращения с исламом вплоть до конца 80-х годов прошлого века. Фактически коммунисты продолжали традиции феодального периода российской истории. Только в позднеперестроечные годы произошел сдвиг. И этот период можно, разумеется, с оговорками, сравнивать со временами Империи, когда было декларировано право на выбор вероисповедания и мусульмане смогли отстаивать свои права.

Учет и контроль

В постсоветской России власть, многократно подтвердив секулярный характер государства, равенство всех религий, соблюдение прав верующих, своей приоритетной задачей в отношении ислама сделала установление контроля над ним. На практике это означает:

- требование от мусульман лояльности государству;
- подотчетность ему мусульманского духовенства;
- надзор над деятельностью всех религиозных и религиозно-политических организаций включая религиозные учебные заведения;
- контроль над зарубежными контактами с целью предотвращения влияния извне.

Какова модель отношений между российским государством и исламом? Выступает ли оно дирижером, архитектором, защитником, инженером, партнером?¹⁰ Думается, государство может быть признано скорее архитектором, который после возведения «здания» превращается в дирижера, причем управляющего не просто «музыкантами-мусульманами», а всем поликонфессиональным «оркестром» России. Чтобы «дирижировать» мусульманством, власти было необходимо, во-первых, определить, насколько она заинтересована в его организационном единстве, во-вторых, уяснить, требуется ли для этого специальный орган, посредством которого она могла бы отслеживать настроения верующих и контактировать с их лидерами, в-третьих, выработать подход к фактической политизации ислама, созданию на религиозно-политической основе партий и движений.

Кроме того, режиму предстояло сформулировать свое отношение к «нетрадиционному исламу», иными словами, к исламской оппозиции, открыто противопоставившей себя государству, а на Кавказе даже объявившей ему войну.

Оставаясь архитектором и дирижером, государство вступало с исламом также в партнерские отношения. Российский министр по национальной политике Владимир Зорин позиционировал себя как «сторонник активного взаимодействия государства с религиозными объединениями». В самом деле, существуют сферы, где партнерство государства и мусульманских (и вообще религиозных) структур способно принести неоценимую пользу. В частности, это касается борьбы с наркоманией, оказания помощи ВИЧ-инфицированным, спасения детей-беспризорников. Наметилось сотрудничество в пенитенциарной системе. Есть потребность законодательно регламентировать предпринимательскую деятельность благотворительных организаций. С религиозными структурами должен согласовываться вопрос о налоге на землю¹¹.

Иногда государство доверяет религиозному партнеру выполнение щекотливых заданий. В самом начале первой чеченской войны, в декабре 1994 г., аппарат президента России направил в Чечню на переговоры с сепаратистами муфтия Санкт-Петербурга Джафара Пончаева и Талгата Таджуддина. Впоследствии в качестве переговорщиков на Северном Кавказе выступали многие известные священнослужители, действовавшие по велению сердца или Кремля. В дальнейшем попытки наладить контакты между властью и сепаратистами с помощью религиозных посредников продолжались, однако они оказались безуспешными. Похоже, руководство не верило в успех такого рода посредничества, да и не было всерьез настроено на переговоры.

С чисто формальной точки зрения заинтересованность власти в единстве мусульманского сообщества России вообще не предмет для дискуссий, поскольку все его члены являются и считают себя ее гражданами (чеченский конфликт — исключительный случай). Государству проще иметь дело с консолидированным социумом: управлять удобнее идейно и политически гомогенной и послушной массой.

Однако сама по себе консолидированность мусульманского сообщества может иметь и обратный эффект. Так, у власти существует опасение (не высказываемое публично), что, будучи едиными, мусульмане смогут действовать более самостоятельно, формулировать собственные религиозные интересы и претензии. «Одно время, — пишет бывший заместитель председателя

Верховного Совета России Рамазан Абдулатипов, — ряд чиновников в государственных органах в Москве... поощряли деятельность по разобщению, по недопущению единства мусульман России. Попытки... привлечь внимание к этой проблеме, искать единство уммы воспринимались с опаской»¹².

Организационное единство мусульманского сообщества активно лоббировал Талгат Таджутдин, лелеявший мечту воссоздать существовавшее при советской власти ДУМЕС, которое он сам намеревался возглавить, превратившись, по выражению одного из имамов, в «исламского патриарха». У Таджутдина действительно имелись шансы занять этот пост: он был всегда абсолютно лоялен светской власти и Русской православной церкви, полностью под них подстраиваясь. Он, например, не раз говаривал, что «права общины, общества превыше прав отдельной личности»¹³, что полностью согласуется как с официальной светской идеологией, так и с позицией РПЦ. Я бы отметил и то на первый взгляд не самое важное обстоятельство, что даже его внешний облик полностью отвечает расхожим представлениям светских политиков об «экзотичности» ислама: Таджутдин носит впечатляющую высокую чалму (за что получил прозвище «звездочет»), броскую одежду, иногда опирается на посох. Он, так сказать, самобытный и потому понятный *наш* мусульманин. При все том, однако, следует помнить, что влияние Таджутдина ограничивалось татарами и башкирами и не распространялось на духовные управления мусульман Северного Кавказа.

Консолидация на конфессиональной основе присуща религиозным меньшинствам, особенно когда они ощущают мнимую или реальную угрозу своим правам и статусу, а призрак такой угрозы в России существует. Кроме того, цельность мусульманского сообщества становится дополнительным стимулом для углубления конфессиональной идентичности. У российских мусульман три полноценных идентичности — гражданская, этническая и конфессиональная, баланс между которыми непостоянен и зависит от многих обстоятельств, в том числе от степени напряженности в этноконфессиональных отношениях. Последнее неизбежно нарушает гармонию трех идентичностей, гиперболизирует религиозную (этнорелигиозную) общность и способствует возникновению конфликтных ситуаций.

В то же время отсутствие внутриконтрафессионального единства порой облегчает государству проведение своей политической линии. Так было во время чеченских войн, когда российские мусульмане, будучи раздражены конфликтом и имевшей порой место

в СМИ его антиисламской интерпретацией, тем не менее в основной своей массе не поддержали исламских радикалов. Трудно представить, чем обернулся бы чеченский конфликт, сработай в масштабах всей страны призыв к исламской солидарности!

Можно предположить, что власть, особенно на местах, с облегчением узнает о том, что оседавшие в российских регионах выходцы с Северного Кавказа и из Азербайджана воспринимались татарами и башкирами как чужаки, и отношение к ним здешних мусульман не отличалось от отношения православных славян.

Как и его предшественник, Владимир Путин также задумывался о том, как выстроить отношения с мусульманами, кому из муфтиев отдать предпочтение, тем более что все они декларируют лояльность власти. Насаждая авторитарные методы руководства в стране, он некоторое время тяготел к выстраиванию «исламской вертикали власти» с единым организационным центром и одним главой. На место последнего политическая молва прочла даже Ахмад-хаджи Кадырова (но скорее всего это были слухи, причем провокационные).

Напрашивается параллель с отношением к исламу во времена Российской империи, когда власть пыталась устроить нечто вроде «Русской исламской церкви» наподобие православия¹⁴. Одновременно государство категорически отказывает в легальном существовании исламской оппозиции, а любое проявление политического протеста в религиозной форме беспощадно подавляется.

То, что определить самого главного российского муфтия невозможно хотя бы в силу различий между кавказской и татарской общинами, настолько очевидно, что в Кремле это тоже поняли. Нецелесообразно было и воссоздание единой структуры среди татарских и башкирских мусульман с одним-единственным главой. Власть сочла более уместным проводить политику равноудаленности (равноприближенности) мусульманских центров влияния.

Нежелание президента публично выказывать приверженность какому-либо из муфтиев может принимать и курьезные формы. Так, на состоявшемся в 2006 г. в Москве «Всемирном саммите религиозных лидеров» по правую руку от Владимира Путина расположился патриарх Алексий II, а по левую был усажен не один из российских муфтиев, а гость из Азербайджана, глава мусульман Южного Кавказа шейх уль-ислам Паша-заде.

Несмотря на верность государственной власти всех муфтиев, их позиции могут расходиться по некоторым важным вопросам,

в частности, по проблемам Чечни и радикального ислама. Например, на организованном в сентябре 1999 г. Равилем Гайнутдином расширенном заседании Совета муфтиев России татарские мусульмане призывали к скорейшему прекращению кровопролития, а посланцы Кавказа настаивали на необходимости разгрома сепаратистов. Терпимее позиция СМР и в отношении радикальных проявлений ислама. Это обстоятельство можно объяснить тем, что за исключением представителей Северного Кавказа духовенство пока не ощущает серьезной угрозы своему авторитету со стороны «ваххабитов».

Бескомпромиссность кавказских духовных авторитетов вызывает все большую симпатию президента, который видит в них стойких сторонников своей кавказской политики¹⁵.

Несмотря на разную степень личных симпатий к муфтиям, Кремль в начале 2000 г. окончательно отказался от создания единого «общероссийского муфтията» и предпочел общаться с мусульманским «синклитом», в который входят Равиль Гайнутдин, Талгат Таджутдин и глава Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев. Именно эти три лидера в мае 2004 г. создали «Объединенный совет духовных управлений мусульман по противодействию экстремизму и терроризму». И хотя отдача от этого органа минимальна, сам факт его существования знаменовал окончание публичного противостояния между российскими муфтиями (или, может быть, затянувшую паузу) и признание полицентризма в руководстве мусульманского сообщества России. Принцип такой политики можно сформулировать как «объединяй и властвуй».

Существенным отличием религиозной политики российской администрации от советских времен явился отказ от единого контролирующего органа общегосударственного масштаба — существовавшего при правительстве Совета по делам религий. Новая власть сравнительно быстро ощутила, что тем не менее нуждается в каком-то инструменте если не для контроля над религиозными общинами, то во всяком случае для наблюдения за ними и попыталась создать замену ушедшему в небытие совету.

С апреля 1992 по май 1994 г. под руководством Александра Шохина работала Координационная комиссия по вопросам вероисповеданий. В 1994 г. Виктор Черномырдин создал Комиссию по вопросам религиозных объединений при российском правительстве во главе с Сергеем Шахраем со следующими функциями: согласование вопросов, возникавших в связи с передачей религиозным организациям отобранного у них при совет-

ской власти имущества, координация усилий по восстановлению церквей, мечетей и прочих культовых зданий, сбор информации о положении дел в религиозных общинах.

Соответствующие данные можно было получать при желании от курировавших религиозные объединения чиновников Министерства юстиции. Оттуда поступали директивы, регламентировавшие столь важные в то время имущественные отношения. Однако единого четкого механизма не существовало. А он был необходим хотя бы потому, что, как писал религиовед Александр Щипков, «каждое ведомство в отдельности, несмотря на обоснованные опасения в возможности злоупотреблений, не в состоянии... распространять свое влияние на всю церковь и тем более на все вместе взятые религиозные организации»¹⁶.

В 1995 г. при президенте России был образован Совет по взаимодействию с религиозными объединениями, в который вошли известные священнослужители, от мусульман — Равиль Гайнутдин, Талгат Таджуддин, муфтий Дагестана Сайид Абу-бакаров и др. Статус совета и его функции выглядели неопределенно, в частности, ему предлагалось заниматься разработкой концепции взаимоотношения государства и религиозных объединений. Однако в начале 2000-х годов стало ясно, что реально все значимые концепции формулируются только в одном месте — в Кремле, который не испытывал более необходимости в институте, специально занимающемся проблемами религии.

Острее потребность в централизованном органе, организующем связь государства с религией, испытывали чиновники в провинции. В результате в 18 субъектах Федерации возникли «самодельные» механизмы по контактам государства с религиозными организациями. В 23 регионах действуют смешанные структуры с участием властей и религиозных деятелей. На 20 территориях имеются специальные чиновники по работе с религиозными организациями. В 9 республиках и областях (в том числе в Татарстане, Удмуртии, Нижегородской и Свердловской областях) действуют экспертно-консультационные советы по взаимодействию с религиозными объединениями, в 7 субъектах Федерации работают советы по делам религий, в 4 регионах — комиссии по взаимодействию с религиозными объединениями¹⁷.

Глава расположенного в Уфе Центрального духовного управления мусульман Талгат Таджуддин признает, что «именно сюда (т. е. в республиканский комитет. — А. М.) мы идем с нашими проблемами и находим здесь понимание и поддержку»¹⁸. В законе Республики Дагестан «О свободе совести, свободе вероиспо-

ведания и религиозных организациях» имеется ст. 6, предусматривающая наличие специального органа — комитета республиканского правительства по делам религии. Такой комитет действительно существовал, пока не был ликвидирован благодаря усилиям местных тарикатов, видевших в нем инструмент контроля над ними.

Все комитеты и комиссии, а также отдельные уполномоченные прилагают усилия для обеспечения нормальных отношений между государством и религиозными общинами, пытаясь в конфликтных ситуациях выступать в роли арбитра. Надо отдать должное их сотрудникам, ведущим сбор информации о деятельности религиозных организаций, особенно если эта информация носит объективный характер. Однако Русская православная церковь не признает этих институтов и действует через их голову, выходя непосредственно на руководство местных администраций.

Так же поступают мусульманские организации и влиятельные представители духовенства, но только в тех регионах, где мусульмане составляют большинство или где мусульманское меньшинство хорошо организовано и имеет влиятельных лидеров. К тому же между администрациями и религиозными организациями нет координации и отсутствует обмен информацией. Взаимное знакомство происходит чаще всего на религиозно-научных, социологических и прочих научных и околонучных мероприятиях.

По мнению специалистов включая государственных чиновников централизованный орган мог бы координировать деятельность федеральных структур по реализации государственной вероисповедной политики; осуществлять от имени правительства России постоянные контакты с религиозными объединениями; проводить подготовку и экспертизу законопроектов по обеспечению свободы совести, свободы вероисповедания; управлять структурами по делам религиозных объединений в субъектах Федерации; проводить государственную религиозно-научную экспертизу и т. д.¹⁹

Однако возвращение комитета по вопросам религии на федеральном уровне, видимо, уже не состоится. Против этого возражает РПЦ, которая опасается, что наличие промежуточного между религией и властью органа ущемит ее авторитет. Его созданию препятствует также и положение дел с исламом, который уже давно стал объектом заботы правоохранительных структур. Комитету по делам религий в масштабах всей страны, если он все-таки появится, вряд ли будет поручено отслеживать положение

дел в исламской оппозиции. Этим по-прежнему будут заниматься силовики. Гипотетический комитет при решении серьезных вопросов окажется у них в негласном подчинении или превратится в их неофициальную структуру. А с учетом привилегированного положения православия сфера деятельности этого органа сузится до минимума. Таким образом, идея создания комитета, сама по себе продуктивная, оказывается заведомо выхолощенной. И последнее: государство не заботится о его создании потому, что и без того «...контроль над всем культурным историческим капиталом в современной России принадлежит чиновничеству... Здесь наиболее четким индикатором может служить трансляция пасхальных торжеств 2006 г. из храма Христа Спасителя, когда Патриарх Алексий II подошел к президенту РФ Владимиру Путину, а не наоборот»²⁰. Что же тогда говорить об исламе!

Губернаторы, президенты и ислам

Выделим два типа субъектов Федерации: первый, в которых мусульмане составляют большинство или компактно проживающее значительное меньшинство, и второй, где их не так много и где они рассеяны. К первому типу относятся Татарстан, Башкирия и мусульманские республики Северного Кавказа кроме Северной Осетии. Особый случай — Адыгея, где мусульманское меньшинство занимает доминирующие позиции в правящей элите. Ко второму типу можно отнести все остальные субъекты.

В мусульманском Поволжье и на Северном Кавказе принятие политических решений на местах или претворение в жизнь полученного из центра указания должно учитывать особенности менталитета коренного населения. Нельзя гипертрофировать значимость его религиозных чувств, но и игнорировать их также недальновидно.

В «мусульманских» субъектах Российской Федерации апелляция руководства к исламу неизбежна и обязательна, во-первых, по причине традиционности общества, во-вторых, вследствие потребности власти в дополнительной религиозной легитимации, особенно когда эта власть страдает от недостаточности собственного авторитета. Разумеется, есть различия и между мусульманскими республиками. Так, в Татарстане и Башкирии светская власть, опираясь на административный ресурс, свободно манипулирует исламом и контролирует религиозную ситуацию. Зато в Дагестане, Ингушетии власть нуждается в исламе как в союз-

нике, не говоря уже о том, что тотальное его подчинение просто-напросто невозможно. В Поволжье местная власть фактически солидаризируется с властью федеральной. На Северном Кавказе она, будучи частью традиционного общества, коррелирует свое поведение с традицией.

Это может принимать самые разные формы — от экзальтированного участия в религиозных праздниках, периодических клятв в верности исламу до использования «исламских рычагов» в политической борьбе, поиска поддержки со стороны самых разных (включая радикалов) религиозных сил. Таким образом, светские лидеры ведут себя чуть ли не как религиозные авторитеты (при этом согласно Конституции религия в России отделена от государства).

В ряде республик выходным днем фактически становится пятница. Официальным выходным стал мусульманский праздник Курбан-байрам (что, по моему мнению, совершенно правильно). В 2005 г. в Ингушетии был принят указ «О запрете розничной реализации употребляемой алкогольной продукции и курения в общественных местах на период священного поста и дней разговения».

Многоженство лоббируют президент Ингушетии в 1993—2001 гг. Руслан Аушев (в 1998 г. он издал соответствующий указ, впоследствии отмененный), премьер-министр Чечни Рамзан Кадыров. Кадырова поддержала депутат чеченского парламента З. Ташмирова. Вопрос о полигамии поднимался в парламентах Татарстана и Башкирии. Мотивировка такого рода предложений имела сугубо прагматическую подоплеку — нехватку молодых мужчин. В Башкирии с инициативой введения полигамии выступил депутат местного Государственного собрания Эдвард Мурзин (ранее предложивший разрешить однополые браки), которому эту мысль, по его собственным словам, «...подсказал один знакомый мулла. У нас ведь очень много мусульман. А по исламу мужчине разрешается иметь трех (на самом деле четырех. — А. М.) жен. Кроме того, у нас нормальных мужиков-то мало»²¹.

Рамзан Кадыров предложил состоящим на государственной службе женщинам, а также журналисткам, студенткам носить платки (на приеме в связи с вступлением Кадырова на пост премьера бывший глава правительства республики Сергей Абрамов попросил свою жену повязать платок). В Чеченском государственном университете на встрече с Кадыровым девяти надевшим платки студенткам было вручено по 1000 долл. В 2006 г. большая часть направлявшихся в хадж чеченских паломников

получила от Кадырова по 1500 долл.²² Кадыров выступил с инициативой преподавать в школах ислам.

Кадыров — ключевая и самая яркая фигура на религиозных праздниках: он закупает и приводит верблюдов для принесения в жертву (в 2005 г. он пригнал из Астрахани сразу шесть животных, мясо которых было роздано неимущим), его показывают на местных и федеральных каналах первым среди молящихся. Он цитирует (не всегда к месту) священный Коран. По его словам, «ислам и шариат, — само красивое и чистое, что может быть в религии», а управляя республикой, он должен «отчитываться перед Всевышним»²³. По мнению одного из влиятельных чеченских политиков Руслана Ямадаева, «в республике действует необъявленная “полиция нравов”, которая, например, ловит молодых людей, гуляющих под ручку с девушкой за пределами населенного пункта». Ямадаев считает, что Кадыров «хочет ввести шариат»²⁴.

Возможно, публичная ориентированность Рамзана Кадырова на исламскую традицию служит аргументом для той части кремлевских политиков, которая препятствует его продвижению по ступеням политической иерархии²⁵. Кадыровской приверженностью исламу пугают, уверяя, что от «исламскости» до сепаратизма — один-два шага.

В Чечне введены запреты и ограничения на формы развлекательного бизнеса, противоречащие исламской морали. Любопытно, что власти соседнего Дагестана, также много апеллирующие к исламу, выступали против закрытия саун и игорных заведений, которые дают немалые поступления в республиканский бюджет. Злые языки утверждали, что главная причина этого кроется в том, что в отличие от Чечни, где игорный бизнес не входит в сферу экономических интересов местной элиты и лично Кадырова, в Дагестане среди его владельцев немало высокопоставленных политиков. Все же и в этой республике игорному бизнесу пришлось уступить.

При активном участии властей на Северном Кавказе происходит процесс традиционализации обществ, инкорпорирования ислама в сферу административной деятельности, норм бытового поведения. В Ингушетии действуют шариатские суды, причем в 1999 г. начал работать суд республиканского масштаба. Правда, с 2001 г. он действовал не как судебный, а как консультативный орган для физических лиц. За два года там было рассмотрено около тысячи дел, и 90% обратившихся остались довольны вынесенными решениями²⁶. Шариатские суды действуют и в Дагестане, но там они сосредоточены в ваххабитских общинах.

В регионах первого типа местные законы не могут в той или иной степени не учитывать количественное преобладание мусульман, частичного восстановления ислама в качестве регулятора отношений в обществе. В Татарстане в соответствии с республиканской Конституцией «...расширены права верующих на предприятиях и в учреждениях, которым предоставлена возможность совершения религиозных обрядов на рабочих местах... (ст. 19). ...За религиозными организациями закреплено право на создание специализированной сети предприятий и учреждений по обслуживанию верующих согласно каноническим установкам»²⁷. Речь может идти, например, о халяльных магазинах или об участии медицинских работников в проведении обряда обрезания. Аналогичные положения зафиксированы в законодательстве республик Северного Кавказа. Исламская традиция становится одним из реальных источников права, а также своего рода гарантом «легитимности закона».

О происходящей в мусульманских регионах реисламизации «окружающей среды» уже говорилось в первой главе. Но там внимание было сосредоточено на инициативах религиозных деятелей. Здесь же речь идет о действиях облеченных властью светских политиков, вклад которых в укоренение религии в обществе может оказаться не менее, а то и более весомым.

Поддержание традиции имеет оборотную сторону, ибо подразумевает введение ее в определенные рамки, прямое регламентирование. Дозволенное и недозволенное зависит от мнения власти и, разумеется, приближенного к ней духовенства.

В Кабардино-Балкарии в годы правления Валерия Кокова власти снимали с должности имамов, избранных прихожанами, передавали некоторые мечети (например, в селе Чегем) под управление светских органов власти. Известен случай, когда студентки, читавшие Коран в аудитории университета в Нальчике, попали на допрос в правоохранительные органы²⁸. В 2006 г. милиция Адыгеи не допускала верующих в ряд мечетей, где выступали с проповедями неугодные властям имамы. В некоторых республиках, а также на Ставрополье (под предлогом борьбы против терроризма) имели место отказы в перерегистрации мусульманских общин. Жестко контролируются мечети и в Чечне.

Любопытно, что введенное в 1998 г. при президенте Руслане Аушеве многобрачие было впоследствии отменено сменившим его на этом посту Муратом Зязиковым, что также означало вторжение в зону традиции (республиканский закон противоречил федеральному законодательству).

Тяга местных политиков к традиционализации общества находит понимание на федеральном уровне. В 2006 г. Комиссия Общественной палаты России по вопросам толерантности и свободы совести выступила с инициативой реанимировать на Северном Кавказе традиционные институты во имя использования их во благо стабильности и модернизации (!) общества.

Некоторые российские эксперты обсуждают допустимость введения в населенных мусульманами районах элементов исламского права, регламентирующих вопросы семьи, наследования, бытового поведения. «Тесная взаимосвязь правовых и религиозных предписаний ислама, религиозная основа мусульманского права... не вызывают сомнений»²⁹. Правовед Леонид Сюкияйнен полагает допустимым «включение шариата в правовую систему», к чему надо относиться «не как к неизбежному злу, а как к естественному процессу возрождения серьезной правовой культуры»³⁰. Это соображение с определенным допуском справедливо как для кавказского, так и для татаро-башкирского ислама, одним из главных элементов возрождения которого также стала реанимация правовой системы. Разумеется, при этом следование исламским нормам не должно входить в противоречие с российским законодательством. Башкирский законовед Винир Самигуллин считает необходимым «выработать в отношении мусульманского права умную правовую политику, надежную философскую линию». По его мнению, «мусульмане России могут самостоятельно реализовать все те нормы, принцип ценности мусульманского права, которые... не грозят нарушением внутреннего единства постсоветской правовой системы»³¹. Разделяя мнение Самигуллина о формировании «умной правовой политики», все же можно усомниться в том, насколько мусульманские улемы-правоведы готовы к этой крайне сложной работе, требующей обширных знаний и владения дипломатическим искусством.

На стезе применения мусульманского права у его сторонников и противников немало явных трудностей и скрытых подводных камней. Одним из препятствий является амбивалентный взгляд, свойственный многим светским политикам, которые, поддерживая ислам, в то же время опасаются его усиления, что может ослабить их собственное влияние. Отсюда их тактика, состоящая в том, чтобы, демонстрируя лояльность религиозной традиции, взывать к секулярному характеру российского государства. «У нас, — говорит Минтимер Шаймиев, — свой уклад, более светский»³². Разумеется, дословно повторить слова президента Татарстана ни один из лидеров северокавказских респуб-

лик не дерзнет. Однако политики прекрасно понимают, что на собственно исламском поле они, во-первых, попадают в зависимость от религиозного истеблишмента, а во-вторых, проигрывают исламской оппозиции, выступающей именем ислама в качестве блюстителя социальной справедливости.

У властей Татарстана и Башкирии время от времени обнаруживались амбиции образовать у себя «столицу» российского ислама. На это неформальное звание претендовала Казань, которая, по выражению муфтия Татарстана, «приобретает облик... влиятельного мусульманского центра в обширном евразийском регионе»³³. В 1992 г., когда впервые было образовано Духовное управление мусульман Татарстана, именно оно, по замыслу татарских руководителей, должно было стать главным исламским центром России. К этому же стремились и лидеры набравшего в то время силу Татарского общественного центра, предлагавшие перевести в Казань Духовное управление мусульман европейской части России.

В свою очередь, в Башкирии полагали, что «единственным органом, который реально может объединить всех российских мусульман, остается Уфимское ЦДУМ»³⁴. Разумеется, говоря о «главном» центре российского ислама, и в Башкирии, и в Татарстане отнюдь не претендовали на влияние на Северном Кавказе. Что касается этого региона, то здесь ни одна из республик включая Дагестан не может рассчитывать на роль консолидирующего ядра.

Муфтият Татарстана — фактически государственный орган, он был создан при непосредственном участии и поддержке республиканских властей. На протяжении 1990-х годов вокруг формирования местной религиозной структуры велась борьба, непосредственное участие в которой принимали светские власти Татарстана, в том числе его президент. В итоге духовное управление мусульман республики оказалось встроенным в систему власти. Строгий надзор администрации над исламом объясняется высокой степенью влияния религии на общество, а также тем, что межконфессиональное согласие является одним из главных козырей республиканских политиков в непростых отношениях с Кремлем.

Летом 2000 г. руководство Башкирии, уставшее от склок между республиканским ДУМ и ЦДУМ, вознамерилось объединить их в одно духовное управление. Однако оба муфтия отвергли эту инициативу. Против нее резко выступил и Совет муфтиев России, который принял заявление «О нарушении прав мусульман рядом государственных структур в Республике Башкортостан».

Контроль над институциональным духовенством с большим или меньшим успехом стремятся сохранить президенты республик в центральной и западной частях Северного Кавказа.

В 1998 г. Руслан Аушев (и не только он) активно поддерживал идею восстановления ДУМСК. В августе 1998 г. был создан Координационный центр мусульман Северного Кавказа. Однако объединить духовные управления и общины на Кавказе — дело очень непростое. В расположенном в восточной части региона Дагестане власть, хотя и «держит руку на пульсе» духовной жизни, тем не менее не может похвастаться, что ей подвластны все местные имамы и тем более шейхи. Полиэтничность дагестанского общества, наличие суфийских тарикатов делает невозможным огосударствление духовенства на республиканском уровне.

Администрация просто не в состоянии полностью отслеживать активность тарикатов, в которой все более заметен крен в сторону социальных проблем. По большому счету у нее вообще нет желания делать это. Шейхи же, считающие себя носителями традиционного ислама и к тому же противостоящие опасному нетрадиционному «ваххабизму», уверовав в свою неуязвимость, порой свысока глядят на власть.

В Дагестане большое значение имеет «обратная связь», когда политики ощущают зависимость от духовных авторитетов, шейхов, негласными учениками которых себя считают. Так, бывший премьер Дагестана Хизри Шихсаидов глубоко почитал претендующего на общedaгестанский авторитет шейха Саида-Афанди Чиркейского. Его мюридом считает себя один из влиятельнейших (и образованных) бизнесменов Дагестана, директор махачкалинского порта Абусупьян Хархаров. Мюридами различных шейхов считают себя чиновники республиканского аппарата.

Институциональное духовенство и тарикаты всегда рады «вкусить» от административного ресурса, ибо сознают, что самостоятельно противостоять исламистской оппозиции очень непросто. Таким образом, в Дагестане сложилась искренняя и неизбежная коалиция против общего врага — чужого (арабского, ваххабитского, фундаменталистского) ислама.

В областях и республиках с мусульманским меньшинством ситуация не столь напряженная. Там нет влиятельных духовных управлений. Проблема взаимоотношений власти и мусульманства находится на периферии религиозной и общественной жизни. Естественно, не встает вопрос соблюдения религиозных обрядов. Однако и в таких регионах власти порой приходится вмешиваться в конфликты на этноконфессиональной почве,

а также в периодически возникающие трения между отдельными представителями духовенства. Напомним, что в некоторых регионах по-прежнему существует по два враждующих между собой духовных управления мусульман, одно из которых подчиняется ЦДУМ, а другое — Совету муфтиев России.

В 2001 г. оренбургский губернатор Алексей Чернышев выступил посредником между соперничавшими Духовным управлением мусульман Оренбургской области и Центральным духовным управлением. Власть вмешивалась в споры между духовными управлениями в Пензенской и Пермской областях. Администрация Пермского края выступила третейским судьей в борьбе между группами мусульман за соборную мечеть.

Наблюдение за деятельностью мусульманских общин постоянно ведут службы МВД и ФСБ, отслеживающие присутствие среди них радикально настроенных групп и отдельных личностей.

Государство и исламская оппозиция

Что такое, с точки зрения государства, исламская (по инерции именуемая «ваххабитской») оппозиция? Очевидно, речь идет о части мусульман, негативно настроенных по отношению к власти, к сотрудничающему с ней духовенству и считающих, что единственным возможным выходом из сложившейся в обществе кризисной ситуации является «исламская альтернатива», ради которой необходимо вести джихад. Государство устами политиков, чиновников, сотрудников спецслужб квалифицирует религиозную оппозицию как фанатиков, террористов и просто бандитов. В самом деле, исламистская экстрема прибегает к бандитским методам, в то время как криминал охотно использует исламскую фразеологию, пытаясь представить себя борцами за веру.

Обещание «мочить в сортире» — не только грубая шутка. Это данная противнику характеристика, его оценка, а следовательно, и почти прямое указание касательно методов борьбы с ним. С путинским изречением сопоставим знаменитый призыв Джорджа Буша к «крестовому походу», с надрывом брошенный им после 11 сентября 2001 г. Он важен тем, что президент США на уровне подсознания ощутил могущество противника, с которым его стране предстояло вступить в сражение. Конечно, нанесенный по Америке удар не сравним с деятельностью кавказских

сепаратистов, а религиозный экстремизм, с которым столкнулась Москва, носил и носит локальный характер. Но все же бушевский «крестовый поход» куда адекватнее определял «американскую трагедию», чем «мочение в сортире» — затянувшуюся российскую драму.

Никогда нельзя забывать, что сепаратисты (во всяком случае, значительная их часть) — это все-таки не бандиты, а действующие в регионе исламисты, и, как бы к ним ни относиться, они все же являются идейными борцами и считают себя частью мирового джихада. Фанатиков, тех, кто искренне верит в справедливость своих целей, кто мстит за погибших близких, так просто «в сортире не замочить».

Надо признать успех отца и сына Кадыровых в Чечне, обеспечивших диалог с бывшими противниками с последующим их переходом на сторону власти. Официально этот переход подается как капитуляция. На самом же деле он следствие длительного торга, в результате которого сдавшиеся боевики не только получают гарантию безопасности, но часто обретают места в администрации, прежде всего в ее силовых структурах.

Пытаясь разобраться в противостоянии оппозиционеров и власти, ее силовых структур, невозможно однозначно определить, кто первым стал на путь нарушения закона. Споры об этом сравнимы с классическим вопросом, что было раньше — курица или яйцо. Отсюда бесконечность противостояния, когда на место погибших муджахедов (боевиков) приходят «дублеры» из их семей, родов, просто ожесточившиеся единомышленники, и непримиримость, взаимные претензии, которые самовоспроизводятся в ходе продолжающихся столкновений в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии.

О борьбе против терроризма на Северном Кавказе не пишет сегодня только самый ленивый. Отмечу в этом обилии текстов интересные книги убитого в 2005 г. министра информации, национальной политики и внешних связей Дагестана Загира Арухова «Экстремизм в современном исламе» (Махачкала, 1999), Игоря Добаева «Исламский радикализм» (Ростов-на-Дону, 2003), Игоря Добаева и Веры Немчиновой «Новый терроризм в мире и на юге России» (Ростов-на-Дону, 2005), В. Н. Иванова «Современный терроризм» («Библиотечка журнала “Наука, политика, предпринимательство”», 2004, № 1), Энвера Кисриева «Ислам и власть в Дагестане» (Москва, 2004), Х. Т. Курбанова «Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе» (Ростов-на-Дону, 2006), Зураба Тодуа «Экспансия

исламистов на Кавказе и в Центральной Азии» (Москва, 2006), публикации Александра Игнатенко, Ахмеда Ярлыкапова, статьи Илья Максакова, Вадима Речкалова и др.

Повсюду приводятся многочисленные факты об успехах борьбы против исламского экстремизма, называются конкретные данные о количестве уничтоженных и захваченных боевиков, о разгромленных джамаатах. Однако никогда не доводилось встретить суммарные данные о количестве уничтоженных и пойманных боевиков. Возможно, такой цифры не существует в природе, ибо нельзя, если вести честный учет, наверняка сказать, кто из уничтоженных и захваченных боевик, кто «сочувствующий», а кто попал в антитеррористическую мясорубку в силу трагического стечения обстоятельств. Однако даже по самым приблизительным оценкам количество убитых исчисляется тысячами.

Действия власти часто вызывают раздражение у мусульман, лояльных российскому государству, но резко негативно относящихся к его методам подавления исламской оппозиции. Власть не делит исламистов на радикалов и умеренных, да и вообще сваливает в кучу всех, кто по тем или иным причинам расходится во взглядах с вставшими на путь конформизма пастырями традиционного ислама. После трагедии в Нальчике реакция на действия республиканского руководства была неоднозначной: многие жители республики сочли, что молодых мусульман спровоцировала неправильная политика власти. Людей возмутило, что родственникам долго не выдавали тела погибших. По словам президента Кабардино-Балкарии Арсена Канокова, лично он готов отдать распоряжение о выдаче тел, но не может это сделать ввиду незавершенности следствия.

Преследование участников религиозной оппозиции сопровождается штурмами многоквартирных домов, разрушениями, от которых страдают жильцы и прохожие. Танки и бронетранспортеры на улицах некоторых северокавказских городов стали частью местного быта.

В регионе не прекращаются латентные боевые действия, признают руководители силовых структур. Война ведется с особым ожесточением. К этому примешивается традиция кровной мести, что вовлекает в войну новых участников. Правозащитники, средства массовой информации беспрестанно сообщают о незаконных арестах, пытках, о массовых нарушениях закона. И это правда. Но нельзя забывать и о том, что религиозная оппозиция изначально неоднородна, в ее составе есть криминальные элементы. Силовики, прежде всего рядовой их состав, не задумы-

ваются, кто конкретно противостоит им в том или ином случае — глава джамаата, убежденный фанатик, уголовник. Иногда проводимые силовиками акции носят откровенно провокационный характер. Осенью 2005 г. в Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае были проведены командно-штабные учения с участием 2700 человек (включая привлеченных гражданских лиц) по предотвращению террористических актов. Это не только поставило под сомнение стабильность в данной части региона³⁵, но и вызвало раздражение значительной части населения.

Обретение опыта в борьбе против экстремизма сопровождается накоплением жестокости с обеих сторон. И чеченская кампания, и контртеррористические операции в остальных регионах развращают силовые структуры, ибо сам объект, на который они нацелены, — терроризм — порождает у личного состава чувство безнаказанности, которое они впоследствии переносят на все общество. Затянувшееся противоборство с признаками латентной гражданской войны воспитывает жестокость, которая будет воспроизводиться в последующих поколениях. Мне доводилось беседовать с врачами-психологами, которые считают, что это может деформировать общественное и индивидуальное сознание.

Задумывается ли о такой перспективе государство в лице чиновников и силовиков? Видимых признаков этого незаметно. Поставлена задача полностью искоренить религиозную оппозицию, а при этом любое уважение, тем более сочувствие к противнику, желание разобраться в его убеждениях излишни. В 2003 г. в Нальчике мне довелось выступать перед аудиторией, состоявшей из офицеров МВД. Я попытался с позиций отстраненного академизма охарактеризовать феномен «исламизма», но понимания не встретил, поскольку для этих людей любые отклонения от послушного традиционного ислама априори враждебны и представляют угрозу.

Жестко относится милиция к «исламским диссидентам» не только на Кавказе. Известны случаи, когда в мечетях, в том числе в Москве, проводились обыски, задерживались верующие. 27 февраля 2004 г. в связи со взрывом в московском метро было задержано 80 прихожан Исторической мечети, которая находилась под контролем Нафигуллы Аширова³⁶. В июле 2003 г. после теракта в Тушине по приказу министра внутренних дел № 12/309 была проведена операция «Фатима». В ее ходе предписывалось проверять всех женщин в головных уборах и женщин-мусульманок в платках, которые сочли критерием определения

потенциальных террористок. Кончилось тем, что задержали искусствоведа Патимат Гамзатову, ведущую программы «Голос ислама» на «Радио России» Лейлу Хусиянову, а также жену самого Аширова³⁷.

Порой успехи борьбы против исламизма действительно впечатляют. Например, в декабре 2003 г. в Ульяновске была разгромлена группировка, состоявшая из 80 (!) человек, в основном чувашей и русских, которых обвиняли в подготовке терактов (обычно речь идет о группах численностью не более 10—15 человек). Вопрос в том, насколько арестованные мусульмане на самом деле являлись потенциальными террористами.

В последние годы особое внимание спецслужб обращено на связи татарских и башкирских радикалов с их единомышленниками на Северном Кавказе и на проникновение из Центральной Азии радикальной организации «Хизб ат-Тахрир», сторонники которой выявлены в Челябинске, Екатеринбурге, Кургане, Оренбурге, других городах Южного Урала и Сибири. Однако до сих пор совершенно не ясны ни масштабы «экспансии» «Хизб ат-Тахрир» в мусульманскую Россию, ни симпатии к ней со стороны татар и башкир (на Северном Кавказе она влиянием не пользуется). С одной стороны, власть исходит из общего тезиса нарастания радикального ислама. Зато, с другой стороны, ее превентивные действия далеко не всегда адекватны и зачастую дают обратный эффект. «Повесить» исламский экстремизм и терроризм можно на кого угодно. В 2005 г. во время беседы в Управлении по борьбе с организованной преступностью МВД Башкирии одной из задержанных было прямо сказано: «Ты прекрасно понимаешь, что мы можем любому из вас подкинуть все, что угодно, — и взрывчатку, и оружие»³⁸. Правоохранительные органы тем самым подталкивают (пусть и не нарочно) прошедших через их руки мусульман именно к религиозному протесту.

Известны случаи, когда задерживались не исламисты и члены «Хизб ат-Тахрир», а самые обыкновенные мигранты-челноки. В 2003 г. (в том же году деятельность этой организации в России была запрещена) в Москве на территории производственного комплекса НИИ «Гранит» были задержаны 122 уроженца Центральной Азии (узбеки и таджики), 55 из которых были обвинены в принадлежности к «Хизб ат-Тахрир» и подготовке терактов. Информация об этом была быстро растиражирована российской прессой. Спустя несколько дней выяснилось, что задержанные были торговцами, и их отпустили. Любопытно, что об их освобождении в СМИ почти не упоминалось.

Предупреждение религиозного радикализма включает в себя цензуру религиозных материалов. В 1990-х годах по всей России, в том числе в мечетях (я это видел своими глазами), в книжных магазинах можно было купить любую исламскую литературу, в том числе основоположников и идеологов фундаментализма Хасана аль-Банни, Абу Аля Маудуди, Сайида Кутба, Юсуфа Кардави и др. Судить о реальной степени их воздействия на умы мусульман затруднительно. Еще более сложно предугадать, как «слово исламистское» отзовется. Сочинения того же Кутба в России прочли десятки тысяч мусульман, но далеко не все его идеи восприняли и тем более попробовали проводить их в жизнь. На переход от прочитанного слова к исламистскому делу людей подвигает обстановка в обществе, здесь требуются соответствующие политические условия.

Кстати, в России можно легко приобрести (например, попросить в посольстве Ирана) сочинения аятоллы Хомейни, отличающиеся исламским революционаризмом и содержащие открытый призыв к установлению исламского государства.

Из советского опыта известно, что запрет пробуждает интерес, причем интерес болезненный: запрещенное лучше откладывается в сознании, возникает желание перечитывать гонимые книги. Находясь же «в открытом доступе», та же литература лишается необходимой доли искушения. К тому же все самое воспрещенное сегодня можно добыть в Интернете, существенные ограничения в пользовании которым засвидетельствуют откат уже не к авторитарному, но к тоталитарному правлению.

Тем временем некоторые правоохранительные органы становятся на бессмысленный путь запретов. В 2004 г. Савеловский районный суд Москвы запретил распространение в Москве «Книги единобожия» Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба ат-Тамими, что, по мнению суда, подпадает под действие ст. 282, ч. 1 Уголовного кодекса России («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»). В 2006 г. в Адыгейске (Республика Адыгея) был задержан за хранение этой же книги имам местной мечети Н. Абази, против которого было возбуждено уголовное дело. Власти созвали сходку верующих, на которой имам был лишен своего поста. Причем сделано это было через голову местного ДУМ (тем не менее в России продаются дышащие классовый ненавистью труды Ленина, изданная в 1486 г. книга Якоба Шпренгера и Генриха Инститориса «Молот ведьм» и многое другое, не в меньшей степени подпадающее под действие упомянутой статьи).

Упрощенно-примитивный подход к исламскому инакомыслию сочетается, однако, с робкими спорадическими попытками хоть как-то разобраться в «противнике». Несмотря на то что генеральной линией остается уничтожение «ваххабитов», в их оценке редко, но все же звучат и несколько иные акценты. Одним из первых особое мнение высказал в 1998 г. во время посещения Дагестана тогдашний глава правительства России Сергей Степашин. В Кадарской зоне, в селе Чабанмахи он встретился с лидером местных «ваххабитов» так называемым генералом Мухтаром Атаевым и даже наградил его именованным оружием. Вернувшись в Москву, Степашин рассказывал, что исходящая от «ваххабитов» опасность явно преувеличена и с ними можно общаться. Вскоре, однако, его слова были дезавуированы, а сам он отправлен в отставку, уступив премьерское кресло Владимиру Путину (впоследствии Степашина обвиняли в «братании с ваххабитами», его поездка на Кавказ издевательски описана в романе Проханова «Господин Гексоген»).

Достаточно осторожно выражался о «ваххабизме» полномочный представитель президента в Южном федеральном округе Дмитрий Козак, который, разобравшись в местной обстановке, осознал, что известить религиозную оппозицию одними лишь силовыми методами невозможно. В 2005 г. его аппарат представил два доклада — о положении на Северном Кавказе и отдельно в Дагестане (последний назывался «Справка об обстановке в Республике Дагестан»), который был назван «черной дырой». В докладах указывалось, что «коррупцированные, погрязшие в борьбе за власть элиты нагнетают этнические, *религиозные* (выделено мной. — А. М.) и социальные конфликты»³⁹. Информация от полпреда вряд ли вызвала изумление среди верхнего эшелона власти⁴⁰ и не повлекла решительных шагов по изменению ситуации. Реакция на доклады выразилась в увеличении численности войск в регионе и новой порции заклинаний о необходимости активизировать борьбу против экстремизма.

Можно рассчитывать, что более вдумчивому подходу к исламу пойдут на пользу и такие разрозненные, «второстепенные» мероприятия, как обучение личного состава милиции Татарстана по спецкурсу «Основы религиоведения и формирования толерантного сознания» (рассчитанному на семь месяцев) или выпуск «Справочника самарского милиционера», содержащего правила общения с представителями этнических и религиозных меньшинств⁴¹. Опыт исследований сознания и психологии мусульман постепенно накапливается и обобщается в вооружен-

ных силах. Преувеличивать значение такого рода акций не следует. Но, думается, это все же лучше, чем ничего.

Так или иначе, но возможность общения между федеральной властью и ее исламскими оппонентами остается заблокированной, и в ближайшее время ожидать прорыва на этом направлении не приходится. Власть удовлетворена успехами спецслужб, уничтоживших верхушку чеченского сопротивления, а также значительное число наиболее активных «джамаатчиков» в других республиках, и, похоже, не слишком обеспокоена самим фактом бытования социально-политического протеста в исламской форме и постоянной подпиткой оппозиции свежими силами.

Религиозный экстремизм вкупе с сепаратистским движением обернулся удобным инструментом для самоутверждения власти начиная с ельцинских времен, когда повышение президентского рейтинга было решено обеспечить «маленькой победоносной войной» в Чечне, и кончая 1999 г., когда еще одна чеченская война, но уже под псевдонимом «контртеррористическая операция», помогла «вступить на трон» Владимиру Путину. В 1999 г. по Северному Кавказу гуляло много слухов о том, что вторжение Басаева в Дагестан было чуть ли не спланировано спецслужбами. Говорили также, что Басаев получил за эту авантюру значительную сумму (от 1 до 1,5 млн долл.), якобы переданную ему Борисом Березовским. Рассказывали, что проживавшие в Дагестане чеченцы были предупреждены о начале операции и заблаговременно покинули зону военных действий.

Борьба с «ваххабитами» — палочка-выручалочка, с помощью которой поддерживается высокий рейтинг президента, поднимается имидж спецслужб, из которых он происходит. Заодно с ее помощью создается всегда столь востребованный в отечестве образ «внешнего врага». Тем более что перечень таких врагов уже не ограничивается собственно «ваххабитами», а включает в себя куда более широкий круг неприятелей, напрямую не называемых, но легко узнаваемых обывателем. «Одни, — говорил Владимир Путин, комментируя захват школы в Беслане, — хотят оторвать от нас кусок “пожирнее”, другие им помогают»⁴². Кто конкретно «помогал» террористам в Беслане, президент России, однако, не сказал. В феврале 2006 г., выступая на «круглом столе» Министерства внутренних дел Кабардино-Балкарии, советник председателя Духовного управления мусульман республики Л. Алиева заявила, что «за событиями в Кабардино-Балкарии стоит богатая и влиятельная третья сила, перед которой мы оказались идеологически и методологически несостоятельны-

ми»⁴³. Такой «третьей силой» по мере надобности могут становиться, не считая врагов из дальнего зарубежья, и Грузия, и Украина, и Молдавия, и балтийские страны.

Власть стала использовать борьбу против экстремистов для ужесточения системы правления и ограничения демократических свобод. Каждый крупный теракт сопровождался жесткими высказываниями кремлевских и околоремлевских политиков, призывавших во имя победы над терроризмом еще больше закрутить гайки. Что и делалось. «Классический» пример — отмена прямых выборов губернаторов после теракта 2004 г. в Беслане. Предложение было высказано Владимиром Путиным 13 сентября на расширенном заседании правительства и тотчас поддержано почти всеми губернаторами (зато в момент внесения в Госдуму в ноябре 2004 г. соответствующего законопроекта несогласие с ним выразили 48% участников всероссийского опроса⁴⁴). Как один из рычагов борьбы против терроризма выставлялась и пресловутая «вертикаль власти».

По словам Путина, «одним из механизмов, обеспечивающих реальный диалог и взаимодействие общества и власти в борьбе с террором, должны стать общенациональные партии»⁴⁵. На самом деле речь шла о том, чтобы поставить барьер на пути небольших оппозиционных партий, полностью выключив их из политической жизни. Однако россияне понимают истинные цели власти. На заданный Левада-Центром вопрос «Возможно ли, что под видом борьбы с экстремизмом в ближайшее время будет запрещена любая критика власти?» 9% респондентов ответили «Определенно да», 32% — «Скорее да»⁴⁶.

Борьба с терроризмом не стала поводом для сплочения общества вокруг власти, тем более что власть совершала ошибки и с опозданием информировала население о масштабах терактов. Теракты, как и противодействие им, подавление религиозной оппозиции окутаны туманом лжи и дезинформации. Это приводит к появлению самых разных слухов и версий включая обвинения российских спецслужб во взрывах жилых домов в 1999 г. в Москве, что было использовано как предлог для начала известной контртеррористической операции.

Постепенно стало правилом хорошего тона обвинять в пособничестве террористам оппонентов режима из числа либералов. В статьях, в телешоу среди пособников Басаева оказывались и Чубайс, и Хакамада, и Явлинский, и покойный Сергей Юшенков, словом, чуть ли ни все, кто критиковал кремлевскую политику на Северном Кавказе. Доставалось журналистам, которые опять-

таки под предлогом не навредить действиям спецслужб лишались доступа к правдивой информации, которым просто мешали работать, накладывая табу на самые острые публикации.

Вопрос о «пособничестве» СМИ не так прост. С одной стороны, журналисты имеют право на получение информации, на собственное мнение, и такие банальности стыдно повторять. Когда 26 ноября 2006 г. главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов сказал, что не отказался бы пригласить на свою программу бен Ладена, я сам был готов в такой программе поучаствовать. В то же время как вести себя репортерам в экстремальных ситуациях, когда, например, захвачены заложниками? Быть только летописцами происходящего или, когда обстоятельства вынуждают, становиться действующими лицами трагедии и, отрешившись от профессионализма, делать все возможное для спасения людей? Помню, этот вопрос обсуждался на медийном форуме в Алма-Ате в 2004 г., и к общему мнению тогда так и не пришли.

Зато для власти такой вопрос вообще не стоит. Ей ясно, что журналисты прежде всего обязаны участвовать в антитеррористической борьбе и соблюдать запреты, следуя инструкциям МВД. В 2000-х годах СМИ почти полностью лишены возможности давать объективные материалы о религиозных радикалах, и только самые дерзкие авторы, да и то лишь в газетах, рискуют правдиво писать об исламской оппозиции. Лояльность журналистов поощряется властью, которая считает, что «сдержанность» СМИ способствует снижению террористической активности⁴⁷ (упомянутое выше «Эхо Москвы» остается исключением: его место в медийном пространстве напоминает то, которое занимала в советскую эпоху «Литературная газета»).

Увлеченная борьбой против «ваххабитов», используя ее в качестве средства достижения собственных, далеких от устранения экстремистских угроз целей, федеральная власть непростительно мало обращает внимание на то, что на Северном Кавказе исламисты не только пребывают в подполье, ожидая своего часа, но и давно используются как инструмент в местных политических интригах. Особенно это типично для Дагестана. «На всем протяжении первой половины 1990-х годов, когда в Махачкале в руководстве республики принимались (или пытались принять) какие-либо значимые кадровые назначения или перестановки, внимательный наблюдатель мог увидеть в парках, скверах и на бульварах столицы большие группы сельской молодежи, длительное время “отдыхающих” стайками на свежем воздухе вне

зависимости от погоды. А неподалеку располагались крытые грузовики или автобусы с вооружением. Такие группы политической поддержки “своих” со стороны джамаатов часто играли определяющую роль в принятии решений, которые устанавливали распределение власти в республике. Прямая силовая поддержка своего джамаата во многом определяла политический вес и судьбы многих чрезвычайно “ответственных акторов дагестанской политической сцены”⁴⁸.

Хотя власти Дагестана и поддерживают ДУМ, тем не менее они «сохраняют неплохие отношения с оппозиционными религиозными лидерами»⁴⁹ включая «ваххабитов». Немало политиков, в том числе высокого ранга, обвиняется в скрытой поддержке исламистов и радикальных тарикатистов. А по некоторым данным, если не симпатизируют им, то во всяком случае иногда отваживаются разыграть «исламистскую карту» чиновники в Поволжье. Таким образом, исламизм, тарикатизм распространяется по ветвям власти, сплетается с ними. Аналитик Сергей Градировский называет такой путь проникновения ислама во властные структуры капиллярным.

Парадокс в том, что, привычно пугаясь «ваххабизма», федеральная власть пребывает в твердой уверенности относительно конформизма традиционного ислама как на Кавказе, так и в Поволжье, не обращая внимания на его политизацию. Слабо представляя себе, в чем состоит эта традиционность, власть благоволит к нему, считая его давно вписавшимся в общество, благотворно влияющим на межконфессиональные отношения. И если кто-то из ответственных чиновников федерального уровня вдруг узнает, что «традиционный ислам» также содержит в себе политическую составляющую, а его носители полагают себя не просто союзником, но и наставником местных политиков, то он скорее всего удивится и не поверит. Для «москвичей» главное и единственное — *сегодняшняя, в данный момент лояльность* по отношению к ним, к государству, с которым они себя отождествляют.

Традиционный ислам, по разумению федеральных чиновников, есть единый массив, субъект мусульманской религии, противостоящий пришлому исламу и заведомо готовый к сотрудничеству с ними. То обстоятельство, что традиционный ислам неоднороден и политизирован, игнорируется. Тем временем бытовавший под вывеской традиционного (в 1960—1980-х годах в науке получил распространение термин «бытовой ислам») «советский ислам», абсолютно инертный, с готовностью приспособившийся к атеистическому образу жизни, бывший «тра-

диционным по-советски», постепенно истаивает, уступая место неотрадиционализму, который по сути своей консервативен. При этом, действуя на политическом поле, он начинает заявлять о себе как о самостоятельной силе. В итоге может случиться так, что увлеченная борьбой с исламистами федеральная власть проглядит другого оппонента в лице неотрадиционалистских наставников. И объяснить появление этой новой силы внешними «происками» уже не удастся.

В каком-то смысле здесь имеет место усредненный подход светской постсоветской власти к религии: «она должна оставаться такой, какой была», опираться на «традиционные ценности», способствовать отторжению отклонений и «ересей» и действовать заодно с режимом. Такая модель идеально подходит для Русской православной церкви, идеология которой остается сугубо традиционалистской, застывшей, зато понятной и близкой истеблишменту. Традиционализм РПЦ носит послушно-конформистский характер, и его выход за отведенные официальной идеологией рамки маловероятен. При нынешнем руководстве церкви он просто невозможен. Крайняя, фундаменталистская форма, хотя и занимает определенную нишу в православии, но тем не менее строго дозируется. Слово же «модернизация» применительно к православию является почти бранным.

Светская власть не предусматривает каких бы то ни было эволюционных изменений в религии, противясь обеим крайностям — фундаменталистской и реформаторской.

Устраняя исламизм, верхи вместе с тем полностью индифферентны к модернизационным идеям, в том числе в отдельных регионах. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что, например, в Татарстане проблема «евроислама», т. е. специфической попытки его модернизации, занимает «одно из главных мест среди приоритетов партии власти»⁵⁰. Однако пренебрегать тем, в каком направлении будет развиваться исламская мысль, недальновидно и даже опасно. Ведь в конечном счете она экстраполируется на политику.

Армия

На острие борьбы против религиозного экстремизма и сепаратизма находятся армия и другие силовые структуры, в которых служит немало мусульман. Растет число воинов-призывников из мусульманских республик, где население значительно моло-

же. Да и сравнительное количество уклонений от воинской службы, например, на Северном Кавказе, в процентном отношении ниже, чем в целом по России.

Существующая ныне в разных частях мусульманского мира, а также и непосредственно в России нестабильность является долговременным фактором, поэтому вполне может сложиться ситуация, когда российский воинский контингент может быть привлечен для разрешения конфликтов на мусульманских территориях. При этом мусульмане могут оказаться как противником, так и союзником россиян. Могут возникать необычные коллизии. Так, в Югославии миротворцы из России явно симпатизировали православным сербам, а отнюдь не мусульманам. После решения о посылке в Ливан для охраны российских саперов подразделений, сформированных на базе чеченских батальонов «Север» и «Юг», их бойцы вполне могли оказаться в положении, когда им пришлось бы вступить в бой с единоверцами из «Хизбаллы» (после кавказских войн «чеченский щит» для российских военнослужащих на Ближнем Востоке выглядел весьма неожиданно).

Уместно напомнить, что в 1999 г. в начале второй чеченской войны Государственный совет Татарстана принял постановление «О приостановлении на территории Республики Татарстан призыва граждан на военную службу». Целью постановления было вернуть из Дагестана солдат-татар, где они сражались против кавказских единоверцев. Также было принято постановление о запрете вербовки на территории Татарстана добровольцев из военнослужащих запаса для участия в боевых действиях на Северном Кавказе⁵¹.

Присутствие мусульман в рядах вооруженных сил требует от армейского руководства внимательного отношения, понимания того, чем является религия для мусульманина. Необходимо знание ислама. Это позволит избежать чреватых конфликтами ошибок и в конечном счете будет способствовать повышению уровня боеготовности.

Замечу, что по результатам проведенных в войсках в 2003 г. военно-социологических исследований исламофобские взгляды в армии не распространены. Так, лишь 3,2% высказались по отношению к мусульманам неприязненно. Правда, при этом 34,2% неприязненно относятся к чеченцам, 30% — к дагестанцам, 21,3% — к азербайджанцам. В целом к выходцам с Кавказа негативно относятся 24,3%⁵².

Армия — институт достаточно закрытый, и проникающие из-за стен казарм сообщения не могут быть на 100% достоверными.

Однако полностью сбрасывать со счетов неофициальную, не подлежащую точной проверке информацию нельзя. Рассказы о выходах из мусульманских регионов, прежде всего с Северного Кавказа, повествуют об их отказе соблюдать некоторые положения общего порядка на том основании, что «у них так не принято». Солдаты-мусульмане отказываются мыть полы в казарме, ссылаясь на исламскую традицию, в соответствии с которой это «женская работа». Неофициальный консультант ДУМЕР капитан первого ранга Кашиф Тухтаметов полагает, что причина подобных явлений лежит в смешении национальной (кавказской) традиции с религиозной. В этом случае грамотный офицер должен спросить у солдата, в каком конкретно аяте Корана содержится этот запрет. «Если солдат этот запрет не найдет, то пусть драит казарму в течение 10 дней»⁵³.

Отказ от мытья полов, как, например, и вопрос о том, может ли военнослужащий-мусульманин отказаться от запретной пищи (свинины) и настаивать на халяльном «рационе», не так безобиден. Такого рода пожелания мусульман не являются капризом. По мнению военных специалистов, «...болезненная реакция воинов-мусульман на требования командиров может быть вызвана сложностью адаптации в армейских коллективах. С этим связано их стремление объединяться в землячества с соответствующими правилами поведения... чтобы противостоять порой несправедливому, предвзятому отношению к ним со стороны офицерского и сержантского состава»⁵⁴. Возникающая в некоторых подразделениях этноконфессиональная обособленность не только снижает боеспособность, но впоследствии может привести к тому, что после службы в армии молодые мусульмане почувствуют себя еще более чуждыми государству. Их религиозная идентичность будет все больше диссонировать с идентичностью гражданской.

Насколько благотворным для армии может оказаться присутствие в частях, где процент мусульман среди личного состава высок, исламских священнослужителей?

Соответствующие соглашения между всеми силовыми министерствами и Русской православной церковью были подписаны еще в 1994 г. Кашиф Тухтаметов считает, что аналогичные соглашения с Министерством обороны следует заключить мусульманским духовным управлениям. Однако поскольку у российских мусульман нет института, подобного РПЦ, то Совету муфтиев России, остальным муфтиятам придется действовать в основном на региональном уровне, на уровне военных округов.

Ключевым пунктом соглашения между Минобороны и религиозными структурами является присутствие в частях священнослужителей. Кое-где, хотя и не повсеместно, это уже происходит. Речь идет, разумеется, о православных священниках, которые читают проповеди, ведут беседы на религиозные темы, иногда освящают ракеты, корабли, подводные лодки. На территории нескольких крупных подразделений построены православные храмы.

Мусульманское духовенство требует соблюдение паритета, разрешения имамам и муллам встречаться с мусульманами в воинских частях, а там, где набирается достаточно большое количество верующих, проводить общие пятничные молитвы. Несложно оборудовать в воинских частях и специальные комнаты для молитв. В Татарстане, а также в некоторых областях Поволжья, где остаются служить местные призывники-мусульмане, имамы проводят пятничные молитвы, общаются со своей паствой.

Некоторые священнослужители считают возможным соблюдение поста, что, по их мнению, только улучшает самочувствие солдат и повышает их духовный настрой. Это соображение представляется спорным. Из опыта арабских армий известно, что местные улемы выпускали специальные фетвы, в которых несоблюдение поста считалось допустимым, а в авиации даже желательным.

Обсуждение проблемы введения в армии института полковых священников продолжается. В 2006 г. к нему подключились главы иудейской общины. Высказывается мысль о создании в каждом военном округе специальных должностей (чего-то наподобие капелланов), которые будут занимать представители трех российских конфессий — православия, ислама и иудаизма.

Военное начальство не торопится принимать окончательные решения и предоставляет право священнослужителям действовать по своему усмотрению в каждом конкретном случае. Однако будет ли решен этот вопрос в масштабе всей российской армии, далеко не очевидно.

Значимость «исламского фактора» для военной политики будет возрастать. Это связано с демографической ситуацией, с остротой межэтнических и межконфессиональных отношений. В качестве одной из угроз в военной доктрине России останется религиозный радикализм, а это означает, что воину-мусульманину неизбежно придется выстраивать в душе внутренний компромисс между конфессиональной идентичностью и исполнением воинского долга.

Триалог

Включение этого раздела в главу об отношении государства к исламу обусловлено особой близостью к нему (государству) Русской православной церкви, которая действует «параллельно» с ним, а также претендует на особое положение «религии номер один». Ее можно рассматривать и как инструмент государственной власти, и как самостоятельный политический субъект. Церковь является одним из создателей и проводников официальной идеологии (не говоря уже о ее претензиях на «национальную идею»). Наконец, РПЦ — самодостаточная структура со своими прагматическими интересами.

Мусульманскому духовному истеблишменту присущи те же качества, но в минимизированном виде. Мусульманское духовенство в подавляющем большинстве солидарно и поддерживает официальную политику; в то же время оно, выступая совместно со светскими мусульманскими политиками, иногда заявляет о себе как о более или менее самостоятельном политическом субъекте. Мусульманские идеологи пытаются подключиться к формулированию национальной идеи. Но при этом ислам остается «религией номер два», несмотря на формальное равноправие конфессий. К тому же в исламе нет единой организационной структуры, что делает его более уязвимым при общении с государством и РПЦ, предпочитающими иметь дело с подобными им иерархическими системами.

В исламе в отличие от православия существует независимая религиозная оппозиция, что само по себе дает основания РПЦ, ее идеологам относиться к мусульманству как к вероятному источнику нестабильности.

Хотя РПЦ открыто не вмешивается во внутримусульманские дела, известно, что наибольшие симпатии Московский патриархат выказывает к главе Центрального духовного управления Талгату Таджутдину. В свою очередь, Таджутдин всячески, порой чересчур экзальтированно, подчеркивает свое особое расположение к РПЦ. Это вызывает досаду у вечного оппонента ЦДУМ — Совета муфтиев России, считающего, что ЦДУМ уже давно не является ключевой структурой и олицетворяет собой советское прошлое. Комментируя приглашение на возглавляемый митрополитом Кириллом Межрелигиозный совет делегации ЦДУМ, близкая к Совету муфтиев «Мусульманская газета» писала: «Как отреагировал бы митрополит, если бы придя на заседание Межрелигиозного совета, он увидел в президиуме рядом с собой

анафемствованного им священника Глеба Якунина, киевского патриарха, епископов зарубежной и катакомбной церквей?»⁵⁵.

Исходя из всех этих обстоятельств, диалог между РПЦ и мусульманами нельзя считать диалогом «в чистом виде». В нем неизбежно, явно или скрытно, присутствует третий участник — государство. Таким образом, в России христиано-мусульманский диалог обязательно превращается в триалог.

Что является предметом межконфессионального и конфессионально-государственного триалога, точнее, какие конкретные проблемы в ходе его обсуждаются? Их несколько, и важность той или иной из них определяется конкретной ситуацией. Они таковы:

- фактическое неравенство в России религий;
- влияние РПЦ при регистрации мусульманских общин, выборе мест под строительство мечетей;
- присутствие в войсках священнослужителей;
- религиозная составляющая школьного образования;
- противодействие экстремизму;
- отношение к нетрадиционным конфессиям.

При этом вовсе не обязательно, чтобы именно эти вопросы стояли в официальных повестках дня. Они возникают как будто сами по себе. И по большому счету без участия государства их обсуждение невозможно. Зато своим присутствием оно как бы уравнивает шансы, напоминая, что по Конституции религия вообще отделена от государства.

На взгляд со стороны диалог протекает почти гладко. Позиции участников близки или совпадают по проблемам отношения к нетрадиционным конфессиям, к месту религии в армии, к борьбе против экстремизма и пр. Например, в 2006 г. Союз муфтиев России решительно поддержал инициативу РПЦ по введению религиозного налога на поддержание религиозных организаций. Однако порой дискуссия вокруг какого-то частного вопроса «неожиданно» обостряется, высвечивая всю остроту отношений между двумя самыми многочисленными российскими религиями. Полемика между ними может поставить в тупик и государство.

Камнем преткновения в отношениях между мусульманскими священнослужителями и православными иерархами стала попытка РПЦ в 2006 г. ввести в школьную программу в качестве *обязательного* курса «Основы православной культуры». Не дожидаясь официальных санкций Москвы, в двух областях — Белгородской и Брянской — это сделали явочным порядком. Совет муфтиев России выразил возмущение, в его заявлении

говорилось, что введение этого курса как обязательного предмета приведет к росту межконфессиональной напряженности. Ректор Московского исламского университета Марат Муртазин заявил, что мусульмане не имеют ничего против «Основ православной культуры», если они будут преподаваться факультативно, т. е. не как обязательный предмет, и не будут завершаться экзаменами. Кроме того, по его словам, мусульманские ученые готовят учебник по основам исламской культуры, преподавание которых также должно вестись на факультативной основе. В 2006 г. в башкирских мечетях прошел сбор подписей сторонников преподавания в школах «Основ исламской культуры» (это уже введено в Чечне, Дагестане, Ингушетии). Символично, что преподавание основ мусульманской культуры в муфтияте Татарстана решено вести отдельно для мальчиков и девочек. В дискуссии вмешался Минтимер Шаймиев, заявивший, что «...в Татарстане в одном классе сидят дети разных вероисповеданий. Если им всем преподавать основы только одной религии, для кого-то это будет оскорблением»⁵⁶.

В РПЦ же, напротив, полагали, что это будет способствовать «разрядке» в межконфессиональных отношениях. По словам патриарха Алексия II, «Основы православной культуры» — это «культурологический предмет», и каждый образованный человек должен знать историю культуры своей страны. Изучение просто «истории религий», по мнению патриарха, не даст нравственного стержня человеку⁵⁷.

В мусульманском сообществе нет единого мнения о введении «Основ православной культуры». В подписанном муфтием Кабардино-Балкарии Шафигом Пшихачевым заявлении от имени Координационного центра мусульман Северного Кавказа позиция СМР даже была названа «ущербной» и не выражающей точку зрения российских мусульман. Разногласия между кавказскими и российскими мусульманскими священнослужителями вполне понятны. Преподавание «Основ православной культуры» на Северном Кавказе, если такое вообще возможно, будет абсолютно безболезненным, ибо никак не отразится на менталитете северокавказской молодежи, воспитываемой в духе местных традиций и обладающей иммунитетом к христианской конфессии. «Основы...» молодым кавказцам просто-напросто неинтересны. Да и преподавать их, например, в Дагестане, Чечне или Ингушетии, некому.

Другое дело — проживающие в немусульманской среде молодые татары и башкиры, которые волей-неволей подвергнутся «со-

блазну» христианизации или, наоборот, воспримут фактически насильственное приобщение к православной культуре как вызов собственной традиции. Поэтому можно согласиться скорее с мнением Рауля Гайнутдина и Марата Муртазина, считающих, что введение сегодня «Основ православной культуры» скорее вызовет нервозность в межконфессиональных отношениях.

Вопрос, как преподавать в средних школах *религию*, политизирован и конфликтен. Несомненно, преподавание следует вести факультативно. В противном случае в некоторых субъектах Российской Федерации с преобладанием мусульманского населения должно вводиться обязательное изучение «Основ исламской культуры», что будет негативно воспринято немусульманской частью населения. Наконец, совершенно неясно, какое православие (и какой ислам) будут преподаваться. Ведь у обеих религий существуют различные интерпретации собственной истории, культуры и современности, и сторонники каждой из них настаивают, что именно они — обладатели единственной истины, которая далеко не всегда является таковой в конечной инстанции.

Вряд ли этого не понимают идеологи православной церкви. С другой стороны, ими движет искушение через образование закрепить в сознании мусульман доминирующую роль православия. В каком-то смысле, таким образом, косвенно продолжается христианизация «доступной» для индоктринации части мусульман. Ни один представитель РПЦ этого не признает. Но именно так воспринимает мусульманское духовенство и солидарные с ним мусульмане введение «Основ...».

Когда между РПЦ и мусульманами возникли описанные разногласия, выяснилось, что у государства в лице его разных структур отсутствует единая позиция. С одной стороны, оно «промолчало», что было понято как знак согласия с позицией православной церкви. В пользу поддержки «Основ исламской культуры» были сильны настроения и в «Единой России». В то же время в Министерстве образования и науки готовился законопроект «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об образовании” и в Закон Российской Федерации “О высшем и послевузовском профессиональном образовании”», в соответствии с которым предполагалось исключить из образовательной структуры «региональную составляющую», в рамках которой церковь и намеревалась вводить «Основы...».

Отношение Русской православной церкви к исламу имеет весьма высокую цену, поскольку у нее очень высокий рейтинг доверия населения — 55% — (выше только у президента). Она

способна оказывать позитивное воздействие на отношение своей паствы к исламу. Что формально она и делает.

РПЦ разделяет — во всяком случае, публично — идею евразийства, это позволяет ей работать на поликонфессиональном и мультикультурном поле, декларируя свое доброе отношение к исламу. РПЦ полностью солидарна с исламом в антизападничестве, считает его своим союзником в борьбе против глобализации, держит единый фронт против «нетрадиционных» для России религий. С другой стороны, кущее евразийство конца прошлого века перестало быть продуктивным. С его помощью нельзя ни оправдать уходящие в небытие имперские претензии России, ни выдвинуть оригинальную версию российской идентичности. Оно выходит из моды, уступая место «пассионарному» русскому этнонационализму. РПЦ осторожно и умело разыгрывает националистическую карту, и в этих условиях ислам фактически уже становится оппонентом, а то и просто недругом.

По замечанию религиоведа Александра Верховского, «если по отношению к Западу... среди православных националистов возможны только незначительные дискуссии о нюансах, то проблема отношения к исламу... гораздо сложнее»⁵⁸. Его суждение вполне применимо к РПЦ в целом. Верховский приводит высказывания радикальных православных идеологов, во-первых, «разводящих» ислам и христианство, а во-вторых, предупреждающих об исламской опасности. Главный редактор православного журнала «Радонеж» Евгений Никифоров: «В то время как христианский Бог жаждет привести к спасению, в исламе Аллах играет с людьми»; главный редактор сайта «Русская линия» Сергей Григорьев: «Магомет — антихрист»; член редколлегии «Русского вестника» Анатолий Иванов: «Над Россией навис мусульманский ятаган»⁵⁹. Некоторые «православные империалисты и клерикалы» вообще «специализируются на критике ислама»⁶⁰.

Но Русская православная церковь не заинтересована в создании образа «исламского врага». Это ей просто ни к чему. Во-первых, непосредственно в России ислам не может конкурировать с православием, так сказать, количественно. Во-вторых, несопоставимо влияние РПЦ и мусульманских духовных управлений на светскую власть. В-третьих, переход в ислам славян, даже если это связано с замужеством женщин, явление достаточно редкое. В-четвертых, даже в острых этнополитических конфликтах острее исламских радикалов не направлено непосредственно против православия. Церковные идеологи категорически против идеи столкновения цивилизаций.

У некоторых фундаменталистски настроенных мыслителей РПЦ свое понимание исламского экстремизма. Так, Роман Вершило, рассуждая на эту тему, пишет: «То есть исповедовать ислам разрешается, но поступать в соответствии с его учением — это преступная крайность? А ведь убеждения, идеологические и нравственные, не могут иметь физических пределов. Любой человек следует за тем, что считает истиной, и не задумывается заранее, до какого предела может дойти»⁶¹. Среди идеологов церкви есть те, кто не то что оправдывает, но «с пониманием» относится к действиям террористов, рассматривая их как реакцию на вызовы со стороны США, Израиля и их союзников.

Показательно, что отсутствие конфронтации с исламом, на чем РПЦ всегда настаивала, обуславливалось ею признанием за православием особой роли, а недопонимание обуславливалось непризнанием мусульманами этой роли. «Проблема межрелигиозных войн в России надумана, — писал один крупнейших идеологов православия конца прошлого века митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. — Она возникает всякий раз, стоит православию возвысить голос, напоминая русскому народу о его высоком религиозном призвании. В действительности, такая проблема может появиться лишь в том случае, если силы, управляющие страной, или совершенно некомпетентны в этом вопросе, или сознательно заинтересованы в нагнетании межрелигиозной напряженности в своих корыстных политических целях»⁶². И «если Крест снова займет подобающее ему место в нашем государстве и обществе... то ни нам, ни нашим мусульманским соотечественникам и соседям решительно нечего бояться»⁶³.

При нынешней политической системе государству удастся сохранить контроль и отношения консенсуса с большей частью российского мусульманства включая институциональное духовенство, а также со светскими региональными элитами. Однако останется и религиозно-политическая оппозиции, преимущественно концентрирующаяся на Северном Кавказе.

Дальнейшая авторитаризация политической системы без серьезных реформ в экономике, углубление имущественной дифференциации, а также непопулярность мусульманских региональных элит, — все это приведет к усилению противостояния в обществе, росту популярности религиозного радикализма, что в конечном счете будет дестабилизировать ситуацию.

«Мы и сегодня не знаем, как управиться с проблемой Северного Кавказа и иных магометанских земель с аграрным перена-

селением и крайней бедностью», — жалуется публицист Максим Соколов⁶⁴. Фраза примечательная, она отражает непонимание в обществе, что на самом деле происходит в этом регионе, и ожидания с южного направления разных неприятностей. Тем временем кремлевская власть всячески убеждает себя в том, что худшее уже позади. Дмитрий Козак гордится тем, что количество терактов во вверенном ему округе сократилось в четыре раза (правда, не совсем понятно, как ведется подсчет)⁶⁵.

Некоторые мусульманские политики видят ситуацию в весьма мрачных тонах. «Отчуждение мусульман от России как от своего государства превращается из удела маргинальных радикально-националистических кругов в позицию подавляющего большинства»⁶⁶. Как любит говорить Гейдар Джемаль, ислам в России демонизируется. Это эпатажное высказывание создает определенный настрой среди части мусульман, которые начинают априори видеть в государстве и обществе недруга и соответственно к ним относиться. А депутат Шамиль Султанов уверен: «Есть и группировки, которые объективно заинтересованы в сохранении и росте исламофобии в России»⁶⁷.

По жестоко-обидному замечанию Ирины Хакамады, «...мусульмане для авторитарной элиты чужие: вы (она обращается к интервьюеру-мусульманину. — *А. М.*) находитесь на территории своей страны, но вы чужие. Вы должны прекрасно понимать, что если не строим демократию, тогда строим автократию и наследуем царскую Россию со всей ее православной системой»⁶⁸.

Если же предположить внезапное (и маловероятное) развитие демократической тенденции, то и она, в свою очередь, предоставит больше возможностей для исламского диссидентства, что также приведет к росту оппозиционных настроений в мусульманской среде. Подобное развитие можно предотвратить лишь в том случае, если демократизация будет сопровождаться улучшением экономической ситуации.

При любом раскладе сил власти придется иметь дело с растущими националистическими, ксенофобскими настроениями в обществе, в том числе с исламофобией. Государство обязано приложить немало усилий, как политических, так и интеллектуальных, чтобы сохранять взаимопонимание с мусульманами, не провоцируя их на конфронтацию, но и сдерживая амбиции некоторых выходцев из их среды. Только на такой основе оно сможет гибко контролировать ситуацию внутри мусульманского сообщества и адекватно реагировать на исходящие от него противоречивые импульсы.

Примечания

¹ *Смирнов А. Н.* «Исламский фактор» международно-политической идентификации России // Ислам в современном мире: Науч. ежекварт. альм. [Н. Новгород]. — 2005. — № 1. — С. 11.

² Ислам в Российской империи: Законодательные акты, описания, статистика / Сост. и коммент. Д. Ю. Арапов. — М., 2001. — С. 40.

³ Там же. — С. 45.

⁴ Ислам в Российской империи... — С. 22.

⁵ WIP. — 1996. — № 17.

⁶ *Батунский М. А.* Русская клерикальная исламистика и ее оппоненты: круговая оборона и многоцелевое наступление // Цивилизации и культуры: Науч. альм. — 1995. — Вып. 2. — С. 285.

⁷ См.: *Романенко В. С.* Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века. — Н. Новгород, 2005.

⁸ Время и деньги [Казань]. — 1996. — 3 окт.

⁹ Тогда же были образованы Среднеазиатское духовное управление и Духовное управление мусульман Закавказья.

¹⁰ *Зуев С.* Культурно-политические горизонты конфессиональной политики // Преодолевая государственно-конфессиональные отношения. — Н. Новгород, 2003. — С. 79.

¹¹ *Зорин В.* Российский ислам // Отечеств. записки. — 2003. — № 5. — С. 75—76.

¹² *Абдулатипов Р. Г.* Судьбы ислама в России. — М.: Мысль, 2002. — С. 101—102.

¹³ Интервью Талгата Таджутдина «Известиям» 3 мая 2006 г.

¹⁴ Ислам в Российской империи... — С. 20.

¹⁵ *Тульский М.* Взаимоотношения мусульманских организаций России с федеральной и региональной властью // В пределах светскости / Сост. А. Верховский. — М., 2005. — С. 229—230.

¹⁶ *Щипков А. К.* вопросу об инстинкте управления религией // Религия и права человека. — М., 1996. — С. 41.

¹⁷ *Мельков С. А.* Исламский фактор и военная политика России / Воен. ун-т. — М., 2001. — С. 54.

¹⁸ *Габдрафиков И.* Башкирия: Конфессиональная жизнь республики // Бюл. Сети этнолог. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — 2004. — Май—июнь. — С. 12.

¹⁹ *Магомедов А. М., Омарова М. М.* Реализация государственной вероисповедальной политики в Российской Федерации и Дагестане // Государство и религия в Дагестане: Информ.-аналит. бюл. [Махачкала]. — 2002. — № 3. — С. 12—13.

²⁰ *Мухетдинов Д. В.* Мусульманское духовенство России: возможности и пути возрождения статуса группы элиты // Ислам в современном мире: Науч. ежекварт. альм. [Н. Новгород]. — 2006. — № 2 (4). — С. 25.

²¹ Интерфакс. — 2005. — 14 дек.

²² http://www.islam.ru/pressclub/analitika/reasplaa?print_page.

²³ Интерфакс. — 2006. — 22 марта.

²⁴ *Шведов А.* Одноруких бандитов приравнивали к боевикам // Известия. — 2005. — 4 авг.

²⁵ В недавнем прошлом поведение Рамзана Кадырова было далеко не безупречно с точки зрения исламских норм. Об этом не раз говорили его противники. Не вдаваясь в детали, следует отметить, что сын Ахмада-хаджи и в самом деле поступает достаточно противоречиво. Своей популярности среди чеченской молодежи он обязан прежде всего современному имиджу. Он своего рода мусульманский плейбой, и можно предположить, что некоторые молодые мусульманские политики, особенно на Северном Кавказе, станут копировать его манеру поведения.

²⁶ *Албаков Д. Х.* О применении шариата в Республике Ингушетия // Ислам и право в России. — 2004. — Вып. 2. — С. 82.

²⁷ *Набиев Р. А.* Ислам и государство. — Казань, 2002. — С. 217.

²⁸ http://www.islam.ru/pressclub/analitika/reasplaa?print_page.

²⁹ *Сюкияйнен Л. Р.* Мусульманское право. — М.: Наука, 1986. — С. 9.

³⁰ *Сюкияйнен Л.* Есть ли у шариата перспективы на Северном Кавказе? // НГ-религии. — 1997. — 27 февр.

³¹ *Самигуллин В. К.* Об инкорпорации мусульманского права в правовую систему постсоветской России // Ислам и право в России. — 2004. — Вып. 2. — С. 90—91.

³² Минтимер Шаймиев: Я взял ответственность на себя // Россия и мусульм. мир. — 2005. — № 9 (159). — С. 59.

³³ *Исхаков Г.* Ислам в Татарстане: история и современность // Мир ислама [Казань]. — 1999. — № 1/1. — С. 24.

³⁴ *Юнусова А. Б.* Ислам в Башкортостане. — Уфа, 1999. — С. 296.

³⁵ *Хоперская Л., Лякина Ю.* Напряженность в республике // Бюл. Сети этнолог. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — 2005. — № 64. — Ноябрь.—дек. — С. 56.

³⁶ *Тульский М.* Указ. соч. — С. 232.

³⁷ *Кусова С.* Россия между «Норд-Остом» и Бесланом: По материалам федеральной прессы. — М., 2005. — С. 154.

³⁸ *Пономарев В.* Спецслужбы против исламской партии «Хизб ут-Тахрир» / Информ.-аналит. центр «Сова». — М., 2005 (<http://religion.sova-center.ru/publications/4F05BE5&print=on>).

³⁹ *Тихомирова К.* Кавказская политика России потерпела неудачу // <http://www.inopressa.ru/print/berlinonline/2005/07/26/14:23:14/kavkaz>.

⁴⁰ «Кремль вспотел от кавказских кошмаров», — писала Ирина Войцек в электронной газете «Утро.Ру» (<http://www.ytro.ru/articles/print/2005/06/17/449567.shtmlv>).

⁴¹ Интерфакс. — 2006. — 17 окт.

⁴² Официальный сайт президента России <http://www.kremlin.ru>, 4 сентября 2004 г.

⁴³ *Акжиева С.* Проблемы терроризма и религиозного экстремизма // Бюл. Сети этнолог. мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. — 2006. — № 65. — Янв.—февр. — С. 48—49.

⁴⁴ Lenta.ru. — 2006. — 27 нояб.

⁴⁵ Выступление на расширенном заседании правительства с участием глав субъектов Российской Федерации 13 сентября 2004 г. Официальный сайт президента России <http://www.kremlin.ru>, 13 сентября 2003 г.

⁴⁶ *Седов Л.* «Наши», «не наши» и мы // Независимая газ. — 2007. — 12 янв.

⁴⁷ См. выступление председателя Комитета Госдумы по безопасности Владимира Васильева на конференции «СМИ и антитеррор» (Москва, 5 декабря 2006 г.).

⁴⁸ *Кисриев Э. Ф.* Ислам и власть в Дагестане. — М., 2004. — С. 131.

⁴⁹ *Макаров Д. В.* Государство и ислам в Дагестане: некоторые вопросы взаимодействия // Ислам и право в России. — 2004. — Вып. 1. — С. 139.

⁵⁰ *Юзеев А. Н.* Ислам и национальная идентичность казанских татар // Религия и идентичность в России / Сост. и отв. ред. М. Т. Степанянц. — М.: «Вост. лит» РАН, 2003. — С. 172.

⁵¹ Моск. новости. — 1999. — 19 сент.

⁵² *Мозговой С. А.* Анализ религиозной ситуации в вооруженных силах Российской Федерации // Ракурс. — 2003. — № 4. — С. 54.

⁵³ Джихад с самим собой: Интервью Людмилы Качар с Кашифом Тухтаметовым // Воен-христ. вестн. — 2001. — № 2—3 (7—8). — С. 23.

⁵⁴ *Мельков С. А.* Кто придет завтра в армию? (Облик российского мусульманина-призывника) // Военно-социологические исследования: Сб. статей. — № 4. — М., 2003. — С. 37.

⁵⁵ *Мухамеджанов И.* Кому выгоден раскол мусульман? // Мусульм. газ. [Москва]. — 2006. — № 4. — Апр.—май.

⁵⁶ Интерфакс. — 2006. — 13 сент.

⁵⁷ *Круг П.* Война учебников // НГ религии. — 2006. — 4 окт.

⁵⁸ *Верховский А.* Политическое православие. — М., 2003. — С. 40.

⁵⁹ Там же. — С. 43—44.

⁶⁰ *Аверьянов В.* Идентичность России: «иудохристианство» или «христианство» // <http://www.km.ru/ideology>.

⁶¹ Цит по: *Верховский А.* Указ. соч. — С. 41.

⁶² *Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладозский.* Будь верен до смерти (Православие и современность). — М., 1993. — С. 35.

⁶³ Полумесяц и крест // Правда.Ру. — 2002. — 21 авг.

⁶⁴ *Соколов М.* Верден и Вискули // Эксперт. — 2006. — 4—10 дек. — С. 166.

⁶⁵ *Мошкин М.* Васильев приравнял перо к гранатомету // Независимая газ. — 2006. — 6 дек.

⁶⁶ *Туленков Д.* Союз мусульман и либерально-оппозиционной интеллигенции — химера или реальная перспектива? // <http://ansar.ru/archives/05.12.11left.html>.

⁶⁷ Россия и ислам: Интервью с депутатом Государственной думы России Ш. Султановым // Лит. газ. — 2004. — 13—19 окт.

⁶⁸ *Амиров Р.* Ислам и политика: Беседы об исламе. — М., 2005. — С. 23.

Глава четвертая

Ислам и внешняя политика

У прихода ислама в мировую политику общие причины — провал национальных, социалистических и прочих имитационных моделей развития, политизация ислама, обвальная активизация исламских партий и группировок, привнесших в общество идею исламской альтернативы, непрекращающийся конфликт на Ближнем Востоке и пр. Внимание к исламу со стороны главных действующих лиц мировой политики при принятии стратегических решений постепенно становилось неизбежным. «Строители исламского общества, — писал еще в 1980 г. политолог Георгий Мирский, — отнюдь не намерены расчистить почву и сыграть роль временной переходной силы... Мы не в праве закрывать глаза на опасности, связанные с новой, несравненно более активной ролью ислама на современном Востоке»¹. Примечательно, что сказано это было на «закрытом» Координационном совещании в 1980 г., дискуссия на котором не предназначалась для открытой публикации, поскольку единого мнения по поводу того, как относиться к политической активности под исламскими лозунгами, у советского руководства не было. В официальной же идеологии в те времена господствовало мнение о религии как о «прибежище сирых и убогих».

В конце 1970-х годов под влиянием исламской революции в Иране 1978—1979 гг. и сопротивления вторжению в 1979 г. советских войск в Афганистан во внешней политике СССР выкристаллизовался исламский фактор. Советский подход к исламу был двояким: с одной стороны, с религией ассоциировалось все консервативно-феодалное, антикоммунистическое, а с другой стороны, в 1981 г. в Отчетном докладе на XXIV съезде КПСС констатировалось, что «...под знаменем ислама может разворачиваться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний»². А спустя некоторое время в книге одного из главных разработчиков восточного направления в советской политике Евгения Примакова появился целый раздел, озаглавленный «Революция и ислам»³. Времена менялись...

На вечном перекрестке

Поставим вопрос шире: насколько велико значение при выработке внешней политики религиозной принадлежности *vis-à-vis* — партнера или оппонента? «Основанная на вере дипломатия, — считает бывший госсекретарь США Мадлен Олбрайт, — может быть полезным инструментом внешней политики... Влияние на политику возрождающегося религиозного чувства будет продолжаться»⁴. Внешняя политика уже давно не чужда религии. Обстоятельства межконфессиональных отношений учитываются при разрешении (как и при провоцировании) многих конфликтов. Наконец, внешнеполитический курс любой страны часто получает помимо прочих еще и религиозное обоснование, что делает его в глазах общества понятнее.

Более всего это справедливо для мусульманского мира. Признаемся: в политике не существует «христианского направления». Зато принадлежность той или иной страны к исламу отражается на его внешнеполитической позиции. И США, и Европа, и Россия, и Китай при всей избирательности подхода к каждой взятой в отдельности мусульманской стране относятся к ней как к члену исламского сообщества. Они поступают так ввиду:

- изначально присущей исламу политизированности;
- обязательного членства страны в международных мусульманских институтах;
- соблюдения (хотя бы и формально) на государственном и общественном уровнях исламской солидарности;
- наличия радикального религиозно-политического движения в обществе;
- существования транснациональных исламских организаций;
- устойчивой ксенофобии в отношении иноверцев;
- существования многомиллионной, динамично растущей мусульманской миграции.

К этому можно добавить утвердившийся на Западе на рубеже веков тезис о необходимости демократизации *всего* мусульманского мира, что, в свою очередь, увязывается с реформой ислама.

Для России дополнительной причиной внимания к исламскому фактору является то, что она так и не определилась (да и определится ли?) с окончательным геополитическим выбором. Во-первых, по целому ряду параметров Россия не способна вписаться в западнохристианскую цивилизацию, российское общество и элита отторгают ее ценности. Россия не в состоянии занять полноценное место в западном политическом сообществе,

а в 2000-х годах она вообще «расхотела» его занимать. Да и место, которое отводится России Западом, ее не устраивает. Это, во-вторых, толкает Россию к тому, чтобы вести поиск на южном и восточном направлениях, упирая при этом на свою бицивилизационность. Такой поворот отягощен не меньшими трудностями: по большому счету Россия — чужая и для Юга, и для Востока. Поневоле вспоминается высказывание Петра Чаадаева без малого двухсотлетней давности: «...Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого»⁵.

Выступая на серьезных зарубежных подмостках, прагматичные российские политики перестают упоминать паразитирующее на особенностях российской «промежуточности» евразийство, которое за границей интересует не аналитиков, но культурологов и историков и рассматривается в качестве идеологического антиквариата, способного разве что украсить бывший имперский иконостас.

Зато застревание между Западом и Востоком представляется удобным обоснованием при декларировании особых отношений с мусульманами. Для Москвы иметь дело с ними проще, чем с европейцами и американцами. Ведь Россия не претендует стать полноценной частью мусульманского мира (в Организации «Исламская конференция» она имеет статус наблюдателя). Ее цивилизационные стандарты могут в чем-то состыковываться с исламскими, но все равно сильно от них отличаются. И мусульмане в отличие от Запада пока не добиваются от России идеологической и ценностной ассимиляции. Между ними и Россией не возникает щекотливых вопросов типа тех, что появляются в отношениях с Западом, — о соответствии ее политической системы общепринятым демократическим стандартам, о легитимности ее пребывания в «большой восьмерке», о поведении в Европарламенте.

Мусульманские руководители не поднимают тему прав человека и не столь остро, как ожидалось, критиковали Москву за войну в Чечне. По признанию российских дипломатов, в Комиссии по правам человека в Женеве Россия выступала заодно с мусульманскими странами, в частности с Саудовской Аравией, и они «сняли» вопрос о Чечне. Россия, в свою очередь, не призывает мусульман к демократии, не вмешивается в их внутренние дела, выражая понимание по отношению к доминирующему повсеместно в мусульманском мире авторитаризму.

В-третьих, дополнительное значение исламскому фактору в российской внешней политике придает присутствие в стране многомиллионного мусульманского меньшинства, не учитывать настроения которого Кремль не может.

В-четвертых, исламский фактор важен ввиду угрозы религиозного экстремизма. В России произошло наибольшее количество терактов, а их исполнители квалифицировали себя как муджахеды. В таком аспекте исламский фактор оказался поводом для сотрудничества с Западом.

Вместе с тем высказывается мнение (его, например, придерживается английский аналитик Джеймс Шерр), что после 11 сентября 2001 г. Кремль верил, что «глобальная борьба против исламского фанатизма отвлечет Запад от решительных попыток установить узы тесного добрососедства со странами бывшего Советского Союза»⁶. По прошествии времени стало очевидно, сколь беспочвенной оказалась эта надежда.

Лицом к лицу с исламом

В первые годы после распада СССР слово «преемственность» к характеристике внешней политики России было не применимо. Она позиционировала себя как качественно иная страна, и складывалось впечатление, что ее новые прозападные ориентиры сохранятся чуть ли не навечно. Отношения России с мусульманским миром претерпевали кардинальные изменения и уже не могли быть сопоставимы с тем, что было во времена Советского Союза. Возглавивший Министерство иностранных дел России Андрей Козырев, хотя и констатировал важность мусульманского направления, рассматривал его как инерционное и третьестепенное.

Москва исключила из своей внешней доктрины поддержку национальных движений и предала забвению понятие «борьба против империализма» (а заодно и сионизма). Она отказалась от самостоятельных инициативных шагов в ближневосточной политике, полностью положившись на американских и европейских партнеров. Сделать это было сравнительно просто, ибо еще в 1977 г. с началом кэмпдэвидского процесса роль Советского Союза в конфликте резко пошла на убыль.

Выяснилось, что СССР не оставил России в мусульманском мире никакого серьезного позитивного экономического наследства, которое можно было бы выгодно реализовать впоследствии.

Министр обороны России, лихой вояка, но «никакой» дипломат Павел Грачев, согласившись во время визита в Израиль в 1995 г. облететь на предоставленном израильским коллегой самолете Голанские высоты, подвел черту под прежними отношениями. В ту минуту на Ближнем Востоке уверовали в бесповоротность российской внешней политики. Высказанное арабами по поводу этого инцидента «дипломатическое изумление» уже не влияло существенным образом на российско-арабские и, шире, российско-мусульманские отношения.

Наконец, Россия глубоко погрузилась в собственные внутренние дела, решить которые она рассчитывала с помощью Запада, а отнюдь не мусульманского Востока.

И все же деградация отношений России с мусульманским миром и ее индифферентность по отношению к исламу не привела к исчезновению из внешней политики исламского фактора. Напротив, после распада СССР, а вместе с этим и биполярного устройства мирового порядка ислам полноценно вписался в политическую конъюнктуру, а действующие под религиозными лозунгами силы превратились в субъект международной политики.

Для России это было особенно важно. Как раз в связи с исламским фактором можно найти печальную преемственность в ее внешней политике: у России сравнительно быстро появился свой «мусульманский фронт»: спустя несколько лет после завершения афганского джихада начался джихад чеченский. Подобно афганской чеченская война оказывала воздействие на положение России в мировом сообществе, на ее внешнюю политику.

Исподволь, но все ощутимее исламский фактор начинал сказываться на ее отношениях с ближним мусульманским зарубежьем, где, формируя новую постсоветскую идентичность, бурлил исламский «ренессанс», происходила архаизация общества, ислам инкорпорировался в официальную идеологию, влияя на местную верхушку, прежде всего таджикскую и узбекскую. Обращение к исламу, стремление обозначить свою принадлежность к мусульманскому миру дистанцировало бывшие советские республики от метрополии. Правящие элиты не мечтали полностью инкорпорироваться в мусульманское сообщество (они были бы в нем инородным элементом), но апелляция, пусть и непоследовательная, к исламу, отношения с зарубежными единоверцами создавали дополнительную возможность для маневров во внешней политике. Наконец, многие политики рассчитывали обменять свое пробудившееся пристрастие к исламу на экономическую помощь.

Реисламизацией бывших советских мусульман норовили пользоваться Турция, арабские страны, Иран, Пакистан, осваивавшие — каждый в меру своих возможностей — еще недавно недоступные для них республики Центральной Азии и Азербайджан. В первой половине 1990-х годов Россия столкнулась с экспансией мусульманских государств на становившемся, по выражению эксперта Дины Малышевой, «бесхозным»⁷ постсоветском пространстве, удержание которого давалось ей все с большим трудом. Зарубежные мусульмане рассчитывали на скорый прорыв в регион, на освоение его рынков. Активнее прочих поначалу действовали турки, делавшие ставку на пантюркизм, на культурную и языковую близость с тюркскими народами. Важная роль отводилась сотрудничеству в области образования: в регионе были открыты десятки турецких учебных заведений, 10 тыс. молодых людей были приняты на учебу в самой Турции. Турция демонстрировала уверенность, что она попадет в европейское сообщество, что должно было повысить ее авторитет в глазах бывших советских тюрок-мусульман. Задействовали турки и религию, подчеркивая, что и они, и народы Центральной Азии принадлежат к самому терпимому и открытому ханафитскому толку суннитского ислама, который поощряет позитивные перемены и благоприятствует осуществлению реформ.

Наиболее последовательно и интенсивно на постсоветском пространстве ислам использовали арабы, особенно подконтрольные им международные мусульманские организации, выделявшие средства на строительство мечетей, институтов, оплачивавшие разного рода религиозные издания и, разумеется, предоставлявшие тысячам молодых людей из Центральной Азии возможность учиться в арабских странах.

Иран ограничивал свою деятельность в основном Таджикистаном и Азербайджаном, его активность сдерживалась сравнительно небольшими финансовыми возможностями, различиями культур, а также тем, что в Центральной Азии и на Кавказе у Ирана нет и не может быть сильной клерикальной опоры. Иранцы — шииты, кроме того, большинство местных мусульман боятся религиозного радикализма, который ассоциируется среди прочего с исламской революцией в Иране.

«Медовый месяц» в отношениях между бывшими советскими республиками и мусульманским миром оказался коротким. Несмотря на прогресс, прежде всего в торговле, к середине 1990-х годов стало очевидно, что надеяться на широкомасштабную помощь единоверцев особенно не приходится, ибо те пре-

следовали собственные цели, относясь к новым друзьям как к младшим партнерам. Рассчитывавшие на быстрое строительство экономического и политического плацдарма турки, арабы, пакистанцы и другие спонсоры также просчитались, ибо местные элиты не желали попадать под их зависимость и, будучи воспитаны в советском светском духе, не стремились, да и не сумели заявить себя ревностными мусульманами. Показательно, что в большинстве высказываний президентов Центральной Азии и Азербайджана о приоритетах во внешней политике мусульманский мир оказывался лишь на третьем месте, пропуская вперед США и Россию.

И все же вдоль южной границы России образовывался кипучий мусульманский анклав с уже несветской идентичностью, со спорадическими проявлениями религиозного радикализма. Нетрудно предсказать продолжение его хотя и разнотемпной, но все же исламизации. Не учитывать исламскую составляющую региона Россия более не может.

Тем более что Центральная Азия и Южный Кавказ (последний пока в меньшей степени) оказались удобными подмостками для исламистского бенефиса.

Исламизм как угроза

Для России присутствие исламских радикалов в бывших советских республиках не было неожиданностью. Они обитали там и до 1991 г., и Комитет государственной безопасности пристально наблюдал за ними. Существуют изустные и, вероятно, правдивые предания о том, как чекисты и сами создавали «ваххабитские» ячейки, что давало возможность понять истинные взгляды мусульман и предупреждать возникновение оппозиции (в СССР не было зафиксировано диссидентства на исламской почве, о чем можно судить хотя бы по книге Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР»⁸). То был подконтрольный властям, неопасный для них протоисламизм, который ничем не проявил себя даже во время афганской кампании. Теперь ситуация иная, и «слово и дело» исламских радикалов не только влияет на положение в регионе, но и становится звеном в деятельности мирового исламизма.

Один из сценариев, предложенных в 1994 г. возглавлявшейся тогда Евгением Примаковым Службой внешней разведки, предполагал возрастание для России «исламской угрозы». Авторы

сценария исходили из перспективы проникновения исламизма из Таджикистана, где шла гражданская война, и Афганистана, где резко усиливалось движение талибов в остальную Центральную Азию. В 1994 г. началась дестабилизировавшая Северный Кавказ война в Чечне, в 1996 г. талибы пришли к власти в Кабуле. Афганистан превратился в центр международного исламизма, где проходили обкатку экстремисты из Центральноазиатского и Кавказского регионов. Образовался «полумесяц нестабильности», один «рог» которого начинался на Кавказе, а другой упирался в китайский Синьцзян. Нервозность захватывала весь мусульманский мир, и с этой точки зрения волнения среди мусульман бывшего СССР были типичными.

«Восход полумесяца» произошел, конечно, раньше. Его принесли с собой Иранская революция, война в Афганистане, где имела место интернационализация джихада, символом которой спустя некоторое время стала бенладеновская «аль-Каида». У одних война в Афганистане породила иллюзию, что исламским радикализмом можно безнаказанно манипулировать, у других — что воевать против него бессмысленно. Для России наступило «Время Юга» (именно так и назвали мы с коллегой Дмитрием Трениным вышедшую в 2002 г. книгу⁹).

11 сентября не открыло ничего принципиально нового в отношениях между мусульманским миром и Западом включая Россию. Свершившаяся в тот день трагедия жесточайшим образом продемонстрировала их остроту и неразрешенность. 11 сентября было «ожидаемым». Читая изданные вдогонку этому событию монографии, написанные сотрудниками спецслужб, утверждаешь в мысли, что главная ошибка была допущена не ими, но политиками, которые, несмотря на предупреждения «академиков» и практиков-экспертов, относились к исламизму всего лишь как к мутации, как к не более чем частным проявлениям экстремизма и терроризма, привязывая его едва ли не исключительно к ближневосточному конфликту, а также к талибскому Афганистану. Это мнение бытует и поныне. Уже в 2006 г. лидер британских консерваторов Дэвид Камерон назвал Афганистан «колыбелью 11 сентября»¹⁰.

Повторяется и ходячая мысль о том, что исламские экстремистские группировки были созданы иностранными спецслужбами, агентами которых (сознательно или неосознанно) становились и радикальные религиозные харизматики. Невозможно отрицать вклада, внесенного в сотворение «Талибана» разведкой Пакистана, бен Ладен был знаком с американскими спецслуж-

бами, а КГБ оказывал поддержку палестинским экстремалам. Однако все эти «проекты» могли быть успешными только при наличии благоприятных условий, а также людей, которых можно было соответствующим образом настроить. Сами условия складывались помимо воли спецслужб, и мобилизация на джихад имела куда более глубокие корни. «Талибан», «аль-Каида», «Хизб ат-тахрир» — под другими, конечно, названиями — в конце концов возникли бы и без интеллектуального подспорья высочайших аналитиков и усердия агентов КГБ и ЦРУ.

России предстояло не просто определить свое отношение к исламскому фактору в его радикальнейшей ипостаси, т. е. исламистской угрозы, но и подумать о возможности использования его во внешней политике. Подход к нему был выработан (о его продуктивности будет сказано ниже).

В то же время исламистская угроза России зародилась внутри нее самой. Это была нормальная реакция на конфликты, возникшие в ее внутренней общественной и политической жизни, на кризис в сознании людей. Барьер между внутренним и внешним исламом в значительной степени условен, и связь между российскими мусульманами, будь то на Северном Кавказе или — в меньшей степени — в Поволжье, на Южном Урале, регулярна и разностороння. На территории России действовали и действуют, хотя и в меньших масштабах, разного рода благотворительные с идейно-политическим уклоном организации — «Спасение» (МИОС), «Джамаат Ихья ат-Турас аль-Ислямий» («Общество возрождения исламского наследия»), «аль-Харамейн» («Две святыни»), «аль-Хайрийя» («Благотворительность»), «Беневоленс Интернейшнл Фаундейшн», «Катар», а также такие группировки, как «Хизб ат-тахрир», «аль-Каида», «Братья-мусульмане».

Каковы могли быть реальные, так сказать, осязаемые цели исламистов в России? Только при наличии большой фантазии можно допустить отторжение от России исламизированной Ичкерии, создание на восточных кавказских территориях Халифата. Также трудно представить себе создание под радикальными лозунгами общероссийского мусульманского сепаратистского движения. Зато вполне реальным оказалось распространение среди верующих, прежде всего молодых, исламистских настроений, проникновение проповедников-исламистов в мечети, формирование кружков их сторонников. По замечанию британского исследователя Роя Аллисона, в конце 1990-х годов существовали опасения, что «мусульманское население России может оказаться восприимчивым к радикальным исламским лозунгам»¹¹. Отсут-

ствие жестких структур, пассивность последовательностей исламизма не означает его исчезновения. Скорее он находится в состоянии выжидания. Исламистская идеология легко проникает сквозь государственные границы. Наблюдается симбиоз внутреннего и внешнего исламизма.

Исламизм обосновался в «ближнем зарубежье». Пафос многочисленных появляющихся в Центральной Азии «антитеррористических публикаций» направлен на то, чтобы создать мнение, что исламистская угроза возникла исключительно благодаря внешним силам. Однако такой подход вызван социальным заказом, он игнорирует внутренние причины роста происламистских настроений. Характерное для авторитарных режимов мусульманского мира облечение социального протеста в религиозную форму при отсутствии реально действующих демократических институтов превращало исламизм в единственную оппозицию. По выражению бывшего премьер-министра Казахстана Акежана Кажегельдина, «в Центральной Азии за оружие берутся люди, которым новоявленные ханы-султаны не оставили легальной ниши для оппозиционной политической деятельности»¹².

Абсолютизация внешнего исламистского влияния крайне важна и для Кремля, ибо только его присутствием можно было оправдать многолетнюю чеченскую войну и отсутствие стабильности на Северном Кавказе. Само существование «исламистского интернационала» подразумевает его вмешательство во внутрироссийские дела, а значит, и оправдание brutальных действий федеральной власти в Чечне, да вообще на Северном Кавказе.

Угроза со стороны религиозных экстремистов представляется реальной еще и потому, что в их мировоззрении Россия в плане ее религиозной принадлежности, общественного сознания, истории является частью Запада. Припоминаются формулировки времен аятоллы Хомейни, называвшего Америку «большим Сатаной», а СССР — «малой Сатаной». Конечно, в зависимости от политической конъюнктуры, от позиции той или иной исламистской группировки упор может делаться на имя существительное или на имя прилагательное. Но при любом раскладе понятие Сатаны не исчезает, даже если его по конъюнктурным обстоятельствам не произносят вслух. Упрощая такой подход, можно предположить, что для радикалов из ХАМАС Россия выглядит «малым Сатаной», а для последователей Басаева или группировки, предавшей в Ираке в 2006 г. смерти российских дипломатов, — «большой».

Исламская угроза для России «...реальна, но нужно понимать, в чем опасность и откуда она. Эта опасность существует

ровно в той степени, насколько мы вестернизированы — не с точки зрения технологий, а идеологии и культуры. Некоторые называют это прогрессом, я бы назвал это цивилизационной деградацией», — считает антилиберально настроенный публицист Михаил Леонтьев¹³. Сходным образом рассуждают и исламисты — российские и зарубежные.

Вместе с тем наличие этого врага игнорировалось при формировании военной политики, в которой упор делался на врага давно привычного, оснащенного ядерным оружием, авианосцами, ракетами, и которая ориентировалась на «регулярную» войну. «Исламский вызов» не стимулирует модернизацию армии, где в 2000-х годах наибольшая забота уделяется стратегическим силам, которые не рассчитаны на столкновение с экстремистами.

После 11 сентября 2001 г. Россия вступает в антитеррористическую коалицию. Она, казалось, выбирает свое место на геополитической шахматной доске и совершает это, исходя именно из исламского фактора, олицетворяемого угрозой экстремизма. Россия и Запад объединяются для борьбы с общим врагом — экстремизмом, дестабилизирующим ситуацию в мире, связанным с наркобизнесом, незаконной торговлей оружием, провоцирующим внутренние и межгосударственные конфликты. Исламизм вынуждает Россию, Америку и Европу к сотрудничеству, тем более что сам он интернационален и идеологически — во всяком случае, на лозунговом уровне — консолидирован, и ему можно противостоять, только объединив усилия (правда, уже тогда это партнерство омрачалось тучами, сгушавшимися вокруг саадамовского Ирака).

Угроза исламистского экстремизма открывала иные, нетривиальные перспективы для российской внешней политики. Она была удобным и веским поводом для укрепления военно-политического присутствия России в Центральной Азии. Против экстремизма была призвана действовать Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в регионе был создан Антитеррористический центр СНГ, соответствующее подразделение действует в рамках ОДКБ, борьба с терроризмом вошла в повестку дня Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Весной 1998 г. Россия обратилась к Узбекистану и Таджикистану с предложением создать союз для противодействия радикальному исламу (он так и не был создан). Страх быть вытесненным Центральной Азии подталкивает Кремль к легкому, с использованием исламистской угрозы, шантажу своих партнеров. Проти-

востояние терроризму стало обязательным пунктом соглашений России со странами региона.

Насколько действия России адекватны масштабу этой угрозы? Международные организации не в состоянии предотвратить рост исламизма силовыми методами уже в силу того, что, во-первых, его корни лежат во внутренних проблемах стран-участниц, во-вторых, активность исламских радикалов носит партизанский характер, а против этого структуры типа ОДКБ и созданной в 1996 г. по инициативе Китая ШОС (в то время «шанхайской пятерки») бессильны. Состоявшиеся в 2003 г. антитеррористические учения ШОС выглядели как PR-акция. Немощны и российские военные базы (в 1994 г. их количество планировалось довести аж до 30, но это было Москве явно не под силу).

Россия не рискнет напрямую вмешаться во внутривосточную ситуацию в каком-либо государстве, допустим, в Узбекистане, если там развернется массовое движение под исламскими лозунгами, тем более если вдруг грянет пресловутая «исламская революция». При возникновении гипотетического конфликта в главном очаге исламизма — Ферганской долине туда не вступит ни один русский солдат. После экспериментов в Афганистане и Ираке вряд ли кто-либо рискнет направить туда «ограниченный контингент». Российское общество еще одно оказание «братской помощи» не поймет.

В Москве отдают себе отчет в невозможности прямого российского участия в тамошних конфликтах. Владимир Путин заявил, что Россия не станет играть посредническую роль в Центральной Азии. «Мы не готовы, не хотим и не будем брать на себя ответственность за полное решение конфликтов. Мы не хотим, чтобы какая-либо из сторон перекадывала ответственность за разрешение кризисов на Россию»¹⁴. Президент не уточнил, о каких конкретно конфликтах идет речь, и можно допустить, что имеются в виду и межгосударственные, и внутренние конфликты. Участниками таких конфликтов могут стать исламисты. Означают ли приведенные слова президента, что Россия не станет реагировать, если возникнет опасность нового «исламского взрыва»?

Время личных симпатий и антипатий московских и постсоветских мусульманских политиков закончилось. Кремль предпочитает иметь дело с теми, кто принимает правила его игры, готов к учету российских интересов независимо от того, какое место в их мировоззрении, а также в официальной идеологии занимает религиозный элемент. Другой вопрос, готова ли Россия к диалогу с исламистами, если они волей судьбы окажутся в составе правя-

щих коалиций в Центральной Азии. Ответ — да. Во-первых, Россия не трепещет перед исламизацией Центральной Азии (хотя вслух об этом не говорится), тем более что ее опыт общения с таджикскими исламистами был достаточно успешен. Москва содействовала мирным переговорам и подписанию в 1997 г. мирного соглашения между светскими силами и Объединенной таджикской оппозицией, основу которой составляла местная Исламская партия возрождения. Если бы шедший под эгидой Москвы и Тегерана переговорный процесс удалось инициировать раньше, то в результате гражданской войны было бы не 200 тыс. жертв, а значительно меньше. На это обстоятельство сегодня указывают политики и эксперты, поддерживающие идею диалога с исламистами. Во-вторых, общения с умеренными исламистами-прагматиками давно никто не чурается. «Классикой» такого общения стала Турция, которой с 2002 г. уверенно правит претендующий на членство в Совете Европы исламист-технократ Реджеп Эрдоган. В-третьих, альтернативой, пусть маловероятной, но все же допускаемой «зеленой революции» может оказаться неприемлемая для Москвы революция «оранжевая».

Россия с готовностью принимает полутрадиционный характер постсоветских мусульманских режимов и не заикнется на их светскости. Она приспособилась к «исламскому вызову» и даже подстраивает его под свою политику. Москва с удовлетворением признает самобытный характер местных режимов и громогласно выражает скепсис по поводу применения к ним чуждой их самобытности западной модели. Произносимые в Ташкенте, Душанбе, Алма-Ате обороты типа «особенности национальной демократии», «необходимость сохранения цивилизационной специфики» и т. п. проливают бальзам на душу московских политтехнологов, обыгрывающих идею «российского пути развития», «суверенной демократии». Российская элита заинтересована в промежуточном с наличием исламского компонента характере этих режимов, что облегчает ей общение с местными коллегами и способствует ее присутствию в регионе.

Россия как посредник

Вполне искренняя ненависть российского истеблишмента к внутренним исламистам отнюдь не является препятствием для взаимопонимания с ними на внешнеполитической арене, в том числе с наиболее радикально настроенными. Можно говорить даже об

общности отдельных мировоззренческих установок. Это утверждение — не обвинение, а просто констатация реальности.

В середине 2000-х годов Москва все чаще позиционирует себя в качестве посредника между исламскими радикалами и Америкой с Европой. Это заметно на примере кризиса вокруг Ирана, президент которого провозгласил себя продолжателем исламской революции, а свою страну — главным бастионом в столкновении мусульманского и иудеохристианского мира. Россия по большей части «не слышит» экстремистского акцента в словах и поведении Ахмадинежада, пытаясь относиться к нему исключительно как к национальному лидеру, а не как к религиозному харизматику. Иногда иранцы переступают границу. Например, в 2006 г. Тегеран провел конференцию «по непризнанию Холокоста», за что подвергся осуждению российского МИДа.

В затянувшейся игре вокруг иранской ядерной программы Россия сохраняла уверенность, что удастся уговорить Иран пойти на предлагавшиеся ею самой уступки — обогащение урана на территории России, установление строгого контроля над материалами двойного назначения, отказ Тегерана от полного ядерного цикла¹⁵. Москва надеялась на ключевую роль в этом споре, в котором она выступала «покровителем» Ирана, не забывая при этом и о собственных экономических интересах. Несколько раз казалось, что эти цели могут быть достигнуты. В 2006 г. состоялся ряд российско-иранских встреч, в преддверии которых Кремль уверял, что Тегеран вот-вот пойдет на компромисс. Компромисс так и не был достигнут, но Кремль, порой скрипя зубами, раз за разом продолжал торг с иранцами.

Есть некая символика в том, что в отношениях с Тегераном Москва пользуется услугами Русской православной церкви, иерархи которой с подчеркнутым уважением относятся к фундаменталистам-аятоллам, превратившим радикальную версию шиитского ислама в официальную идеологию страны. Появляется ощущение, что во время переговоров с иранскими коллегами представители РПЦ испытывают нечто вроде зависти, поскольку аятоллы не просто представляют государство — они сами и есть государство.

Москва вообще рассматривает РПЦ в качестве запасного дипломатического канала. В феврале 2006 г. Сергей Лавров на встрече в Вене (в МАГАТЭ) выразил надежду, что «РПЦ сыграет свою роль в урегулировании нынешних противоречий и смягчении конфликта цивилизаций»¹⁶. Среди сотрудников российского МИДа идея такого конфликта довольно распространена.

В 2006 г. у России появился шанс сыграть роль посредника после победы ХАМАС на выборах в Палестине. Триумф этого исламистского движения стал знаковым событием. Он менял соотношение сил внутри палестинского общества, делал непредсказуемыми израильско-палестинские контакты, перечеркивал выработанный квartetом посредников, но инициированный США план урегулирования «Дорожная карта». Втайне радуясь произошедшему, Москва попыталась перехватить инициативу и вернуться на Ближний Восток в качестве самостоятельного игрока, имеющего собственные нетривиальные наработки. Позиция России казалась одновременно и перспективной, и авантюристичной, поскольку у ХАМАС был устойчивый имидж несговорчивой экстремистской силы. Российская дипломатия рассчитывала получить признание своим рискованным поступком в мусульманском мире, и ее надежды поначалу оправдывались. Инициатива была замечена (как отмечал посол Йемена в Москве Абд аль-Ваххаб Мухаммад Али ар-Раухани, Россия «стала единственным каналом диалога с избранными представителями движения ХАМАС»¹⁷), хотя не на столь высоком уровне, и мусульманские режимы не принялись выражать свои восторги Москве. Тем более что в Египте, Иордании, Алжире, других странах ХАМАС воспринимался с настороженностью и просто негативно. Как заметил американский журналист Стивен Ли Майерс, «прежде всего это была борьба за престиж»¹⁸.

Проблема общения с исламистскими движениями всегда стояла на повестке дня. Исламизм многослоен, в нем наличествуют умеренное, радикальное и экстремистское крылья. В нем соседствуют разнонаправленные тенденции: экстремисты стремятся к легитимной политической карьере; умеренные, отчаявшись достичь консенсуса с властью, со светскими силами, готовы на жесткие методы борьбы. ХАМАС и ливанская шиитская «Хизбалла» — пример гибкости: с одной стороны, они участники политического процесса, заседают в парламентах, занимают министерские кресла, зато, с другой стороны, в рамках тех же организаций действуют террористические подразделения.

Именно на желании некоторых руководителей ХАМАС добиться в глазах мирового (немусульманского) сообщества уважительности и хотел сыграть Кремль, пригласив в марте 2006 г. Москву делегацию этого движения. Осенью того же года Россия сделала еще один «красивый жест»: ни ХАМАС, ни «Хизбалла» не были включены в состоящий из 17 пунктов список террористических организаций, подготовленных Федеральной службой бе-

зопасности. Помимо всего прочего это было вызовом Соединенным Штатам, в чьем списке террористов обе они присутствовали.

Российская дипломатия в общении с исламистами обнаружила растерянность и несостоятельность. «Обработка» хамасовцев напоминала канадский хоккейный стиль в дурном исполнении — главное протолкнуть шайбу в зону противника, а там как получится. «Шайбу вбросили», а вот последующие ходы выглядели непродуманными. Ни президентская администрация, ни МИД не позаботились выработать четкую линию поведения. Это проявилось во время исторического, казалось бы, визита делегации ХАМАС в Москву. Возглавлял ее лидер организации Халед Машаль. Все обратили внимание на то, что программа визита выглядела ущербной. Встречи с первыми лицами предусмотрены не были (это вполне естественно). Были неофициальные контакты с депутатами, с дипломатами. Полуконфиденциальная беседа с председателем Комитета Совета Федерации по международным делам (кстати, бывшим арабистом) Михаилом Маргеловым не могла рассматриваться в качестве официальной. Встречи были «необязательными» как для хозяев, так и для гостей. Наиболее заметным, но и нелепым впечатлением от визита была общая молитва в Московской соборной мечети. Руководил ею председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин, который неоднократно осуждал религиозный радикализм.

Визит ХАМАС носил символический характер и оставил чувство недоумения, поскольку продолжения не имел. Он не оправдал надежды на смягчение политических позиций исламистов, от которых ожидали, например, ослабления негативного отношения к признанию Израиля. России не удалось сыграть посредническую роль, сделав исламистов более уступчивыми, и, таким образом, выставить себя в качестве самостоятельного «солиста» в ближневосточном «концерте». Москва убедилась, что исламисты продолжают играть свою игру, и для них сближение с Россией не более чем дополнительный козырь в общении с Западом, прецедент (хотя и зыбкий) для диалога с Европой, а возможно, и с Америкой. ХАМАС после ни к чему не обязывающего посещения Москвы мог говорить, что дипломатически он вышел за пределы мусульманского мира. Здесь напрашивается аналогия с посещением Москвы иранскими переговорщиками (также как и с визитами в Тегеран российских дипломатов): для России результат всякий раз оказывался неудовлетворительным.

Разочарование еще более усилилось после захвата и казни летом 2006 г. сотрудников российского посольства в Багдаде.

Хотя похитившая россиян ранее неведомая организация «Шура муджахедов Ирака» не была напрямую связана с ХАМАС и шиитской «Хизбаллой», акция экстремистов выглядела символически: исламские радикалы признают Россию союзником Запада. Ни одна исламистская организация не сочла возможным содействовать Москве в освобождении заложников, хотя в Кремле и МИДе на это надеялись.

Однако контакты между Москвой и ХАМАС не прерываются. В начале 2007 г. Россию проездом посетил министр иностранных дел в правительстве ХАМАС Махмуд Захар, который встретился с чиновниками российского МИДа, чтобы обсудить детали ближневосточного урегулирования.

Летом 2006 г. у России, казалось, могла появиться еще одна возможность вступить в диалог с исламистами. На этот раз — с ливанской «Хизбаллой», которой в ходе кратковременной войны с Израилем удалось одержать нечто вроде моральной победы, добиться небывалой популярности в Ливане и стать авторитетной силой в глазах Европы. «Хизбалла» приглашена в Москву не была. Хотя, будь Кремль последовательнее, он вполне мог пригласить ее. То, что представители «Хизбаллы» не появились в Москве, можно объяснить двумя причинами. Во-первых, Путин не хотел идти на лишнее обострение с США. Вряд ли такой шаг встретил бы понимание и в Европе, где хотя и симпатизировали Ливану, но все же не были готовы поддержать диалог с «хизбаллахами». Прямые контакты с радикалами могли окончательно разрушить и без того ухудшившиеся отношения с Израилем. Во-вторых, — и это, пожалуй, самое главное — в Кремле понимали, что беседы с «Хизбаллой» скорее всего окажутся безрезультатными. Для их успешности требовалась поддержка Ирана, способного сделать ее руководителя Насраллу более сговорчивым. Но Тегерану российское посредничество в ливано-израильском столкновении было не нужно. Иранское руководство могло и самостоятельно корректировать позиции «хизбаллахов», что оно делало, когда советовало им выдать израильских заложников (по определению «хизбаллахов», военнопленных). Наконец, руководство «Хизбаллы» не рассматривало Россию в качестве эффективного посредника и предпочитало «общаться» с Москвой через своих сирийских покровителей. Последние, в свою очередь, также не горели желанием подвинуть «Хизбаллу» на контакты с Москвой.

Попытки диалога с исламистами вызывают одобрение у российского мусульманского сообщества. Между тем его лидеры не

могут не испытывать некоторого смущения, поскольку вслед за властью вынуждены делить исламистов на «хороших» зарубежных и «плохих» своих, действующих в России.

Радикальные мусульманские идеологи пытаются представить российское посредничество как основу для стратегического консенсуса с исламистами, да и вообще с диктаторскими режимами. Летом 2006 г. в разгар войны между «Хизбаллой» и Израилем Гейдар Джемаль сделал созвучное официальной позиции заявление, что «Сирия и Иран нуждаются в возрождении России»¹⁹. Однако так ли все обстоит на самом деле? Ведь и Сирия, и Иран, и ХАМАС в конце концов добиваются благосклонности Америки и Европы. В этом случае они смогут обходиться без посредников. Ливия, вождь которой Муаммар Каддафи, сменив генеральную линию после трех с половиной десятилетий антизападной политики, пошел на мировую, обрела массу льгот от бывших противников.

Получая благодаря посредничеству России выигрыш во времени, радикалы-исламисты впоследствии наверняка откажутся от ее услуг, т. е., если пользоваться полууголовным жаргоном, «кинут» ее. Они ей не верят. Во-первых, потому, что российская политика представляется им своего рода фрондой, демонстрацией перед Западом способности действовать самостоятельно. Во-вторых, с их точки зрения, Россия, объявившая себя преемницей СССР, настроена по отношению к исламу негативно, о чем свидетельствуют ее политика на Северном Кавказе и, разумеется, участие — пусть ставшее в 2000-е годы почти формальным — в антитеррористической коалиции. Открытие в сентябре 2006 г. в Нью-Йорке преподнесенного Россией в качестве дара памятника жертвам 11 сентября 2001 г. вызвало раздражение на Ближнем Востоке и в Иране (где в то время состоялся конкурс карикатур на тему Холокоста). Не забылось и то, что в 2002 г. Россия, выступив против военного вмешательства в Ираке, не дерзнула пойти на решительные меры и в конце концов смирилась с происшедшим.

Если у кого-то из московских политиков и возникала идея возможности «российско-исламистского шантажа» Запада, то после холостых контактов Москвы с палестинскими и иранскими исламистами это выглядит скорее «страшилкой». Кремль и прежде пытался шантажировать зарубежных партнеров исламским радикализмом. Так, после 11 сентября, демонстрируя солидарность официоза с антитеррористическим настроением США, Москва попутно стремилась включить Ичкерия в «ось зла», а чеченских сепаратистов — в ряды международных террорис-

тов. Для этого требовались «темные силы, которые трясли бы сивыми бородами и рычали бы угрожающие лозунги». И тогда администрация президента «вынимала из рукава» соответствующих персонажей²⁰. Чтобы убедиться в справедливости этого утверждения, достаточно «перелистать» политические телешоу тех времен с участием двух-трех записных российских исламских «фундаменталистов».

Но ни тогда, ни позже, когда отношения между США и Россией охладели и по обе стороны Атлантики стали поговаривать о новой «холодной войне» (что неверно хотя бы потому, что «холодная война» подразумевает уже состоявшуюся или ожидаемую войну «горячую»), кремлевские политики не делали и не делают стратегическую ставку на взаимодействие с исламистами радикального толка. Невозможно найти ни одного официального высказывания о поддержке Россией радикального ислама. Россия сотрудничает с государствами и имеет отношения с правительствами — Ираном, палестинским правительством ХАМАС, не отвергала диалог с «Хизбаллой», она общалась и с талибанским Афганистаном (впрочем, кто со всеми ими ни общался!). Но исламский радикализм не тождествен национально-освободительному движению советских времен, также как и официальная идеология России не копия официальной идеологии СССР.

Идеологи официальной России, именуемые ныне политтехнологами, помалкивают относительно будущего сотрудничества с исламскими радикалами. Сформулировать четкую позицию им мешает ситуация внутри страны, впрочем, как и общая неочевидность российской внешнеполитической стратегии. Это дает возможность выразить иные мнения, причем не только оппозиционерам, но также и тем, кто, соглашаясь с общей генеральной линией, сомневается в правильности курса на мусульманском направлении. «Военно-политический союз России с Ираном противоречит долговременным интересам и России, и Ирана, и мирового сообщества», — считает политолог Вадим Макаренко²¹. С этим, между прочим, согласен бывший иранский чиновник Саид Лайяз, который признает, что иранские политики «знают, что на самом деле Россия не способна поддержать Иран»²². О продолжении отношений с ХАМАС, который Москве так и не удалось приручить, не говорит почти никто, поскольку неизвестно, как сложится его будущее в Палестине. Показательно, что невозможно обнаружить ни одного прохамасовского (впрочем, как и антихамасовского) высказывания тех, кто «подыгрывает» Кремлю, но не разделяет до конца его позиции.

Ни в Америке, ни в Европе нет серьезных опасений относительно устойчивого взаимодействия России и радикальных исламистов. Как писал журнал «Тайм», американцы отнеслись к контактам Москвы с ХАМАС спокойно, ибо «он получил правильное послание о признании Израиля, об отказе от терроризма и поддержке всех взятых палестинской администрацией обязательств»²³. В дальнейшем, когда ХАМАС пошел на обострение внутripалестинских отношений, Россия оказалась перед пикантным выбором — поддержать светское, умеренное палестинское движение, руководимое главой Палестинской администрации Махмудом Аббасом, или с пониманием отнестись к исламистам. Этот выбор так и не был сделан.

Что касается Ирана, то в Вашингтоне не раз выражали надежду на эффективность российских инициатив по сдерживанию Ирана и установлению контроля над иранской ядерной программой. В США существует, однако, и противоположное мнение: общение России с Ираном, ХАМАС, а заодно с другими враждебными Америке силами типа Венесуэлы и Северной Кореи превращает ее в одно из звеньев «новой оси зла», представляющей непосредственную угрозу Соединенным Штатам. Это сопряжено с усилением значимости в политике энергетического фактора, в то время как Россия и некоторые мусульмане склонны к нефтяному шантажу. По словам председателя Комитета по иностранным делам Сената США Ричарда Лугара, «...враждебные режимы от Венесуэлы до Ирана и России используют энергетические поставки как рычаги давления на своих соседей... Энергия становится средством выбора для тех, кто ею обладает»²⁴.

Москва признает политическую легитимность исламистов, если в той или иной стране они получают поддержку большинства. Исключив из списка террористических организаций ХАМАС и «Хизбаллу», российское руководство засвидетельствовало избирательность своего подхода к различным фракциям исламистского движения. Однако вряд ли когда-нибудь исламские радикалы станут стратегическими союзниками России. Если российское посредничество продлится, оно рано или поздно окажется ненужным. Оно прекратится в случае успеха, потому что тогда к переговорам с радикальными исламистами подключатся другие страны, и они станут общим делом. При неудаче оно отомрет за ненадобностью и даже станет вредным, ибо с его помощью будет поощряться уже не умеренность исламистов, а их авантюризм.

Долгая дорога в ОИК

Посредничество с исламскими радикалами вписывается в общую стратегию Москвы на мусульманском направлении, которая предусматривает особые отношения России с мусульманским миром. Такие отношения строятся на том, что Россия является поликонфессиональной, главным образом христианско-исламской страной, что предопределяет ее право на одновременное пребывание сразу в двух цивилизациях. «Мусульманский мир» представляется как пусть и непостоянная, внутренне противоречивая геополитическая общность, как субъект мировой политики, что, следовательно, допускает наличие с ним неких усредненных отношений. И «Москва демонстрирует готовность сыграть роль своего рода связующего звена между Западом и исламским миром»²⁵. Долг же разработчиков внешней политики состоит в извлечении из этого обстоятельства немалых выгод. Однако выгоды на поверку оказываются весьма проблематичными.

В 2004 г. в Госдуме было создано парламентское объединение «Россия и исламский мир: стратегический диалог», целями которого, по словам депутата Шамиля Султанова, являются: «законодательное обеспечение развития отношений России с мусульманскими странами и международными исламскими организациями, прежде всего с ОИК... выдвигание инициатив, направленных на участие в интеграционных процессах исламского мира; ...создание условий для обеспечения конструктивного диалога между политическими и экономическими элитами России и исламского мира» и т. д.²⁶

Посол по особым поручениям МИДа Вениамин Попов не устает повторять: «Россия может и должна выступать за необходимость христианско-мусульманского диалога». Ислам, по замечанию Попова, «единственная религия, которая создала свою межгосударственную структуру — Организацию “Исламская конференция”»²⁷.

Утверждению особых отношений со странами ислама служит вхождение в ОИК на правах наблюдателя государства с мусульманским меньшинством — России (ОИК образована в 1969 г., в нее входят 57 стран, в том числе 2 европейских, 2 латиноамериканских, а также 6 государств СНГ). Спорадические контакты с ОИК имели место еще в советские времена. ОИК, в частности, оказывала содействие в деле возвращения военнопленных из Афганистана. После распада СССР в 1994 и 1997 гг. Россию посещали генеральные секретари организации.

Идея приобщения России к ОИК, что называется, витала в воздухе. В середине 1990-х годов ее неоднократно озвучивал Евгений Примаков, убеждавший зарубежных мусульманских политиков, среди которых он пользовался большим уважением, в обоюдной выгоде такого шага. Вопрос о вступлении в ОИК был поставлен в 1997 г. главой Союза мусульман России, популярным в то время мусульманским политиком Надиршахом Хачилаевым. В беседе с автором этих строк он мотивировал необходимость вступления России в ОИК тем, что российские мусульмане обретут через эту организацию больше прав и повысят свой статус. Во властных структурах, в том числе в МИДе, сама по себе эта мысль встречала понимание. Зато вызывала неприязнь фигура ее автора, который пытался действовать слишком самостоятельно. Хачилаев вел переговоры в структурах ОИК, участвовал в ее мероприятиях, где высказывался не как представитель России, а от имени СМР.

Сближение с ОИК не могло, однако, принести России конкретные дивиденды в экономике и реальной политике. Оно носило скорее характер символа, который в глазах Кремля служил аргументом в пользу диверсификации внешней политики, прежде односторонне ориентированной на Запад. Стремление «приобщиться» к мусульманскому миру и приобщить его к себе порой приобретало экзотический характер. В 1998 г. Борис Березовский, в то время исполнительный секретарь СНГ, предлагал включить в Содружество некоторые мусульманские страны, например Иран.

Существовало мнение, что единственной конкретной, прагматический причиной стремления попасть в ОИК был расчет на ослабление в мусульманском мире негативной реакции на чеченскую войну. Насколько это могло сыграть благоприятную роль, сказать трудно. Да и к моменту вступления России в ОИК широкомасштабные военные действия в Чечне практически завершились.

Восприятие сепаратизма Чеченской республики Ичкерия мусульманским сообществом оставалось по большей части негативным. Критика была нацелена главным образом не на методы ведения военных действий российской армией, а на убийства мирных жителей. Несмотря на поддержку сепаратистов многими национальными и международными радикальными исламскими организациями, Ичкерия не была признана ни одним мусульманским государством (кроме Боснии, Турецкой республики Северного Кипра и афганских талибов). Столпы мирового мусульманства Саудовская Аравия, Египет, а также страны с вли-

ятельной чеченской диаспорой (Турция, Иордания) признавали целостность России. Причем в первую чеченскую кампанию с точки зрения Москвы Турция занимала «объективную и позитивную позицию»²⁸. И лишь с приходом к власти исламистского правительства позиция Турции ужесточилась. Не выступал с критикой России и Иран.

В 1993 г. конференция глав государств ОИК отвергла предложенную Азербайджаном (его президентом был тогда антироссийски настроенный Абульфаз Эльчибей) и Саудовской Аравией резолюцию о поддержке Чечни. Тогда же было отклонена просьба президента Ичкерии Джохара Дудаева о принятии в ОИК его мятежной республики. Признаком того, что мусульманские руководители избегали обострения отношений с Россией в связи с чеченским вопросом, свидетельствует та легкость, с которой десять лет спустя, в 2004 г., власти Катара выдали Москве сотрудников российских спецслужб, ликвидировавших в этой стране одного из ичкерийских лидеров, знаковую фигуру сопротивления — Зелимхана Яндарбиева.

О лояльности ОИК к России свидетельствует и то, что ее представители вместе с делегацией Лиги арабских государств даже присутствовали в 2003 г. на президентских выборах в Чечне, на которых победу одержал ставленник Кремля Ахмад-хаджи Кадиров. Так что вожди воюющей Чечни имели все основания жаловаться на неполноценность исламской солидарности и, по сути, были правы. Чеченско-московская линия фронта, несмотря на участие в войне двух-трех сотен зарубежных муджахедов, по большому счету так и не стала интернациональной²⁹.

Так что не «чеченский вопрос» явился основной причиной стремления России в ОИК. Главным оставался поиск «своего места в мире», стремление восполнить ухудшавшиеся отношения с Западом на иных направлениях. При Путине мусульманский вектор политики усилился.

Разработка этого направления была возложена на МИД, но и сам президент при случае всегда был готов напомнить о желательности российско-мусульманского сближения. На самом высоком уровне этот вопрос поднимался в 1999 г. во время визита в Москву делегации ОИК, во главе которой был министр иностранных дел Ирана К. Харрази. В апреле 2003 г. Путин в разговоре муфтием Таджикистана Амонуллой Нематзаде прямо высказал соображение о возможности вступления России в качестве наблюдателя в ОИК, заметив, что «Россия является в известной степени частью мусульманского мира»³⁰. Эти соображе-

ния приветствовали и патриарх Алексий, и, конечно, глава Совета муфтиев Равиль Гайнутдин.

В Москву зачастили миссии ОИК. В январе 2003 г. по приглашению министра иностранных дел в Россию прибыл ее тогдашний генеральный секретарь марокканец Абд-аль-Вахид Бельказиз. В МИДе была учреждена специальная должность посла по особым связям с ОИК. Внушительная российская делегация участвовала в саммите ОИК в Куала-Лумпуре в 2003 г. Возглавлял ее лично Владимир Путин, а в состав была включена плеяда известных российских политиков-мусульман — министр имущественных отношений Фарит Газизулин, заместитель главы президентской администрации Джахан Поллыева, президенты Башкирии, Кабардино-Балкарии, председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев. Был среди них и президент Чечни Ахмад Кадыров. Речь Путина на саммите изобиловала общими рассуждениями о межцивилизационном диалоге, о недопустимости исламофобии. Отдельно было сказано о Чечне.

Во время этой поездки произошло ЧП, озадачившее российского гостя. Выступая на конференции, премьер-министр Малайзии Мохаммед Махатхир заговорил о «еврейском засилье», к чему Путин явно оказался не готов. Российский президент никак не прореагировал на произнесенные слова, что вызвало у некоторых российских политиков сомнение, а стоит ли вообще посещать мероприятия, на которых высказываются подобные суждения. Думается, вина за молчание Путина в значительной мере лежит на его советниках, не подготовивших президента к подобным эксцессам, очень типичным для мусульманских ассамблей. Зато путинская пауза была благожелательно встречена находившимися в зале мусульманскими лидерами.

В 2004 г. после окончания заседания XXXI сессии министров иностранных дел стран — членов ОИК в Стамбуле присутствовавший там Сергей Лавров сказал, что «Россия и ОИК могут очень много сделать, чтобы не допустить раскола по цивилизационному и религиозному признакам»³¹. Правда, как осуществить это на практике, никому неизвестно.

Активность России на мусульманском направлении позитивно воспринимается в мусульманском сообществе, которое готово оказывать ей всяческое содействие. Порой эта поддержка выражается слишком эмоционально, и тогда властям приходится «дезавуировать» слова и дела своих излишне ревностных сторонников. В марте 2003 г. муфтий Талгат Таджутдин совершил поездку

в Ирак, где заявил, что готов остаться до конца боевых действий в качества «живого щита»³². В апреле того же года, выступая перед студентами, он объявил джихад членам коалиции, участвовавшей в войне в Ираке (и хотя его заместитель по ЦДУМ Мухаммедгали Хузин заявил, что речь шла лишь о «духовном джихаде», прокурор Башкирии Флорид Бойков объявил ему предупреждение о недопустимости нарушения закона «О противодействии экстремистской деятельности»). Тогда же в Дагестане горячие головы бросили клич собрать и послать в Ирак на помощь единоверцам народное ополчение (говорили, что республика может выставить 6 тыс. вооруженных бойцов). В 2005 г. чеченский премьер Рамзан Кадиров предложил направить своих бойцов в Южную Осетию, чтобы противостоять возможному нападению со стороны Грузии, а в 2006 г. — направить чеченцев в составе российской инженерной части для охраны саперов.

Чего конкретно ожидали мусульмане России от ее вступления в ОИК, сказать сложно. Возможно, присутствие России могло улучшить их психологическое самочувствие, уменьшить уровень исламофобии. Любопытно, что в 2003 г. ОИК создала в составе своего секретариата наблюдательную группу по контролю над проявлениями исламофобии. В России проявлений этого порока пока не обнаружено. Высказывались догадки, что для мусульманского мира вопрос о вступлении России в ОИК означает надежду на исламизацию России³³, на то, что раньше или позже она станет полноценной мусульманской страной.

Не все мусульманские правительства приветствовали желание России стать членом ОИК. Негативную позицию занимал Пакистан, считавший, что ей не следует вступать в главную исламскую организацию, ибо она страна христианская по культуре и в плане политической ориентации, а ее недавняя история отягощена войнами с мусульманами. Наконец, членство России в ОИК может изменить всю конфигурацию организации. Однако у сомнений Исламабада была одна конкретная, возможно, главная причина — там боялись, что принятие в ОИК России откроет в нее путь для Индии — врага Пакистана³⁴. Пакистанские скептики действовали вяло, в то время как интересы России лоббировали такие страны, как Малайзия, Иран, Сирия, в какой-то мере Саудовская Аравия, и в результате в июне 2005 г. она получила статус наблюдателя при ОИК³⁵.

«Мягкость» мусульман в отношениях с Россией объяснима поиском ими дополнительных союзников в условиях экспансии Соединенных Штатов. «Перед лицом надвигающейся демокра-

тизации Большого Ближнего Востока, которой упорно добиваются Соединенные Штаты, арабские элиты, опасаящиеся дестабилизации, ищут иную точку опоры»³⁶. Таковую точку опоры, пусть и не абсолютно надежную, Россия предоставляет во многих конфликтных ситуациях — от проблем иранской ядерной программы до конфликта на Ближнем Востоке. Мусульмане далеки от преувеличения значимости России, но отказываться от дополнительной поддержки не собираются.

Вступление России в ОИК не повлекло, да и не могло повлечь за собой принципиальных сдвигов в российско-мусульманских отношениях. Москва и не ожидала от членства в ОИК исключительных преференций и «объятий». Оно фиксировало пресловутое «особое место» России и служило напоминанием, что, будучи страной христианской, она совершенно не соответствует принятым в мусульманском мире стереотипам, касающимся Запада. Трудно представить себе, например, присутствие в ОИК Франции, где процентное соотношение мусульман и христиан сопоставимо с российским (во Франции мусульмане составляют примерно 10% населения, в России — 12–13%).

Развитие мусульманского направления во внешней политике России оркеструется заявлениями о том, что этому препятствует Запад — будь то Вашингтон или Папа Римский, — который хочет столкнуть ее с миром ислама и «мешает развитию отношений с исламскими государствами»³⁷. Чаще всего с такими заявлениями выступают «неоевразийцы», представители мусульманского духовенства. Они забывают, что не Запад инициировал советскую интервенцию в Афганистане и сверг Россию в «маленькую победоносную войну» на Северном Кавказе.

Российские политики любят напоминать, что в отличие от Запада Россия относится к исламскому миру с большим пониманием, «прощая» ему излишнюю нервозность. Всякий раз, когда в Европе или США возникают связанные с исламом скандалы, из Москвы раздаются почти менторские призывы к умеренности и осторожности. Так, во время разразившегося в 2006 г. «карикатурного скандала» (датская газета «Юлландс Постен» опубликовала карикатуры на пророка Мухаммада, которые перепечатали некоторые европейские СМИ, что вызвало крайне бурную реакцию протеста во всем мусульманском мире, сопровождавшуюся погромами) Владимир Путин выразил понимание позиции мусульман, сравнив карикатуры на пророка с детской порнографией, и добавил, что «если государство не в состоянии чему-то помешать, оно хотя бы должно извиниться, что не может это сделать»³⁸.

В связи с выступлением в сентябре 2006 г. в Регенсбурге папы Бенедикта XVI, которое в мусульманском мире было сочтено антиисламским (понтифик процитировал письмо византийского императора Мануила II Палеолога, в котором говорилось, что пророк Мухаммад «принес злые и бесчеловечные вещи» и «приказы мечом вести веру»), российский президент призвал всех «к ответственности и сдержанности», в который раз напоминая, что «Россия делает все, чтобы наладить диалог между цивилизациями». В ходе инцидента позиция Москвы отличалась от поведения других европейских столиц, где многие политики изыскивали способ выразить недоумение по поводу нетерпимости со стороны мусульман. Канцлер ФРГ Ангела Меркель сочла дополнительные извинения папы перед мусульманами излишними.

Вместе с тем отвечающие за отношения с мусульманским миром, отслеживающие ситуацию во внутреннем исламе российские чиновники четко дали понять мусульманским духовным авторитетам, что они не в восторге от буйного поведения «мусульманской улицы», а заодно и некоторых политиков во время «карикатурного скандала» и после выступления папы. В результате критика покусившихся на ислам со стороны большинства российских имамов и муфтиев на фоне их зарубежных коллег была сдержанной и дипломатичной.

В целом российские подходы к мусульманскому миру остаются амбивалентными и, несмотря на официальные заявления о любви к исламу, сближение с мусульманским миром, пользуясь выражением националистически настроенного «государственника», отставного генерал-полковника Леонида Ивашова, «относится к тактическим ходам»³⁹.

Показательно, что упоминавшееся в начале главы парламентское объединение «Россия и исламский мир», несмотря на громкое название, осталось инертным, и деятельность его не выходила за рамки своего рода «декларации о намерениях». Организованные объединением редкие дебаты не имели никакого реального значения и отличались демагогией. Заявленные же цели его работы выглядели схоластическими.

Попытки путинской России сблизиться с мусульманским миром не рассеивают взаимное недоверие. И в Москве, и в мусульманских столицах рассматривают взаимную симпатию чаще всего как «любовь напоказ», как средство смутить и вызвать «ревность» у Запада, роман с которым ни у России, ни у мусульманского сообщества не складывается.

Нефть

Что важнее в отношениях России с мусульманским миром — политика, идеология или экономика? По мнению директора Института США и Канады РАН Сергея Рогова, «политический аспект наших отношений с мусульманским миром куда более важен, чем экономический аспект»⁴⁰. С этим трудно не согласиться. В самом деле, приоритетна политика, скорее геополитика. И все же недальновидно полностью игнорировать и выносить «за скобки» экономические интересы, которые, между прочим, неразрывно связаны с политикой. Конкретно речь идет о российско-мусульманском взаимодействии в сфере добычи и торговли углеводородами, а также в военной области.

Даже поборники более активного сближения с мусульманским миром признают невозможность эффективного сотрудничества с ним в нефтяной и газовой области. Близкая российско-мусульманская (российско-арабская, российско-иранская) позиция по данному вопросу почти невероятна. Тем не менее надежды время от времени возникают и сопровождаются произнесением пропагандистских лозунгов по поводу открывающейся в этом случае перед потенциальными партнерами «бездны возможностей».

Можно ли говорить, что экспорт Россией энергоносителей когда-либо оказывал непосредственное влияние на отношения с мусульманским миром? Формально — нет. Однако это «нет» уже не будет звучать столь категорично, если учитывать некоторые нюансы и подводные камни не отделимого от политики нефтяного бизнеса. Например, еще Советский Союз придерживался нейтралитета в ходе «нефтяной войны» 1973—1974 гг. И хотя в то время на геополитической карте понятия «мусульманский мир» не существовало, именно мусульманские режимы бросили вызов западным потребителям, пытаясь сокрушить и сделать зависимой их экономику (эта тактика оказалась порочной и нанесла ущерб самим производителям нефти). Не участвуя в той «войне», т. е. продолжая поставки нефти, СССР солидаризировался с западными странами *на деле*, на словах продолжая поддерживать «справедливую борьбу развивающихся стран». Правда, чистой риторикой дело не ограничивалось, и в мусульманские страны исправно шли советские военные поставки.

Неопределенность отношений между мусульманским миром и Россией в сфере экспорта энергоносителей будет сохраняться всегда. Россия является одновременно и экспортером углеводо-

родов, и потребителем. Замечу, однако, что в то же время годовой эквивалент экспорта нефти на душу населения у России составляет всего 3 т против 60 т в Катаре, свыше 40 т в ОАЭ и около 20 т в Кувейте⁴¹ (недаром мусульмане считают свою нефть «даром Всевышнего»). Наконец, у нее свои, отличные от мусульманских нефтяных держав отношения с Западом.

Пределы партнерства и конкуренции не очевидны и изменчивы. Отметим два направления: взаимодействие с Организацией стран — экспортеров нефти (ОПЕК), основу которой составляют мусульманские страны, и сотрудничество с отдельными государствами — Алжиром, Ираком, Ливией и др.

Известно, что ОПЕК приветствует сотрудничество со странами, в нее не входящими, строя его на взаимных уступках в деле поддержания цен. И хотя считается, что Россия и ОПЕК остаются конкурентами, ОПЕК ориентирована на конструктивный диалог с Россией. В начале 2000-х годов Россия присутствует на встречах стран — членов ОПЕК в качестве наблюдателя, а после 11 сентября 2001 г. согласилась сократить поставки нефти на рынок. Аналитик Департамента энергетических исследований ОПЕК Фатен аль-Авади считает, что «в последнее время мы наблюдаем множество признаков сотрудничества между двумя сторонами»⁴². В мусульманском мире бытует точка зрения, что российские нефтяные олигархи ориентировались на Запад, опираясь на своих союзников в США. Такая политика с точки зрения российских лоббистов мусульманского мира не отражала национальные интересы России. После же разгрома олигархов и огосударствления добычи и экспорта углеводородов возможности для сотрудничества России с ОПЕК могут возрасти.

Что можно сказать об отношениях России с отдельными государствами?

В конце 1990-х годов возникли надежды на сотрудничество с **Саудовской Аравией**, прежде всего «на большие потенциальные возможности этой страны в области инвестирования в российский ТЭК»⁴³. Шли разговоры об участии королевства в разработке ресурсов в России и странах СНГ. Весной 1997 г. Москву даже посетила делегация саудовских нефтяников. Однако сотрудничество на постоянной основе так и не состоялось.

Еще в 1991 г. была создана совместная компания «Петросах», контрольный пакет которой находился в руках саудовской «Нимр Петролеум» (по данным Российско-арабского делового совета, она была организована при равном долевом участии «Нимр» и российской компании САМЕКО). Несмотря на то что эта ком-

пания инвестировала в разработку нефти на Сахалине 100 млн долл., в 1997 г. сотрудничество было приостановлено, а впоследствии «Петросакс» была преобразована в закрытое акционерное общество.

В середине 2002 г. российско-саудовские отношения внезапно обрели новый неожиданный импульс. Это было вызвано обострением американо-саудовских противоречий, а также появившимися слухами о том, что США якобы рассматривают возможность при создании стратегических запасов замены саудовской нефти на российскую. Соединенные Штаты пытались использовать Россию для давления на монархию.

Почувствовав неустойчивость отношений со своим главным партнером, в Эр-Рияде сочли уместным «подстраховаться» и сыграть на противоречиях между США и Россией. Осенью 2002 г. был подписан протокол о многостороннем сотрудничестве, создан саудовско-российский «бизнес-клуб», многие высокопоставленные российские чиновники приглашены посетить королевство. Стал громогласно обсуждаться вопрос о возможности визита в Москву наследника престола принца Абдаллаха. Тогда же оживились разговоры о взаимодействии в нефтяной сфере. Москва же повела себя достаточно осторожно и с помощью многочисленных заявлений, в том числе министра энергетики России Игоря Юсуфова, демонстрировала, что Россия не намерена конкурировать с королевством на американском нефтяном рынке, а речь шла только об одноразовом восполнении возможного дефицита⁴⁴.

Реального сотрудничества в нефтяной сфере по сей день так и нет. Правда, российский «ЛУКойл» получил право на разработку нефтяных полей в самой Саудовской Аравии, но эти поля невысокого качества, и их эксплуатация не приносит заметной прибыли.

Незначительно сотрудничество России с **Кувейтом**. Кувейт, который заинтересован в России как в факторе стабильности в Персидском заливе, в 1987—1991 гг. предоставил СССР кредиты на сумму в 1 млрд долл., который затем был переадресован России; впоследствии кувейтцы выделили дополнительный кредит. Однако непосредственно в сфере нефтедобычи никаких подвижек не происходит.

До 2003 г. тесные экономические отношения с Россией поддерживал **Ирак**. В 1997 г. компания «ЛУКойл» подписала контракт (его доля составляла 68,5%), но в 2002 г. он был аннулирован из-за контактов «ЛУКойла» с оппозицией Саддаму Хусейну

и американским правительством, что впоследствии якобы гарантировало его возобновление после свержения саддамовского режима⁴⁵. Однако и после 2003 г. перспективы «ЛУКойла» выглядят неубедительно: офис компании закрыт, месторождение «Западная Курна-2», на которое «ЛУКойл» рассчитывал, превратилось в смешанный проект с участием американской «Сопосо-Philips». Для продвижения интересов компании Россия согласилась на списание части иракского долга, но и после этого новые власти не проявили особенного интереса к сотрудничеству с «ЛУКойлом». Неясно положение и другой российской компании — «Стройтрансгаз». У нее есть контракт с новым правительством на геологоразведку, но работы не ведутся.

Практически нет сотрудничества в нефтяной сфере с **Ираном**. Правда, в 1996 г. «Газпром» совместно с французской компанией «Тоталь» и малайзийской «Петронас» подписали контракт на разработку газового месторождения «Южный Парс» в Персидском заливе. Соединенные Штаты настаивали, чтобы этот контракт был аннулирован, но Россия, Франция, ЕЭС и Малайзия, объединив усилия, преодолели американский нажим. Однако работы по контракту все равно не ведутся. К тому же Иран является потенциальным конкурентом России по экспорту газа. Опасаясь монополии «Газпрома» на рынках старого континента, европейцы рассчитывают ослабить ее с помощью иранских поставок и создания газопровода из Ирана, который пойдет минуя Россию. В 2006 г. во время крайнего обострения российско-грузинских отношений Тбилиси ввиду опасности перекрытия «трубы» из России, подстраховался, заключив небольшой контракт на поставку газа из Ирана.

Российская «Татнефть» внедряется в **Иран, Ирак, Сирию**, предлагая сервисные услуги и поставки оборудования. Но ее контракты ограничиваются лишь несколькими сотнями тысяч долларов. В 2005 г. «Татнефть» выиграла аукцион на геологические изыскания и разработку участка в 2,3 кв. км в провинции Гадамес в **Ливии**, став единственной российской нефтяной компанией, проникшей в эту страну. Считается, что успех «Татнефти» достигнут благодаря действиям реформаторского крыла в ливийском руководстве, мечтающего доказать стареющему Муаммару Каддафи перспективность сотрудничества с зарубежными компаниями.

В последние годы наметилось развитие связей «Газпрома» с **алжирской** нефтегазовой компанией «Сонатраш», одним из главных поставщиков природного газа в Европу. В 2006 г. главы

«Газпрома» Алексей Миллер и «Сонатраша» Мухаммад Мезияни подписали меморандум, предусматривающий, в частности, сотрудничество в третьих странах. Сотрудничество с Алжиром для «Газпрома» наиболее привлекательно, поскольку российские газовики рассчитывают таким образом не только усилить собственные позиции в Европе, но и договариваться о взаимодействии в сфере ценообразования.

Активно действует России в **Центральной Азии**. Здесь ее позиции достаточно сильны, нефтяные компании и «Газпром» стремятся к максимальному расширению своего присутствия. В то же время «скорее всего, возрастающее российское присутствие в энергетике Центральной Азии не станет решающим для экономических и политических судеб этих государств, поскольку Россия будет здесь сталкиваться с усиливающимся влиянием других игроков, таких, как Китай, Индия, США или Европа»⁴⁶.

Отношения между Россией и мусульманскими постсоветскими республиками не вписываются полностью в контекст ее отношений с остальным мусульманским миром. Однако рано или поздно это все-таки придется сделать. Тем более что в наше время в Центральноазиатском регионе все участники энергетического бизнеса должны принимать во внимание «исламский фактор», выраженный в присутствии исламистов. Да, периодические возмущения в Ферганской долине не отражались на состоянии дел в нефтегазовом секторе. Но при этом Центральная Азия входит и еще неопределенное время будет входить в число регионов, стабильность которых относительна, не говоря уже о том, что ее южная граница соприкасается с «полумесяцем нестабильности».

Строящиеся и проектируемые нефте- и газопроводы будут проходить по территориям Ирана, Афганистана и Пакистана. Трансафганский газопровод, строительство которого обсуждается без малого полтора десятка лет, еще больше актуализирует проблему радикального ислама и «неоталибов», чья активность привносит дополнительную напряженность на земли северных соседей.

Любая энергетическая инфраструктура в Евразии в любом направлении пролегает по мусульманским землям. Уже одно это обстоятельство прочно увязывает «исламский фактор» с проблемами энергетики. Нефтяные и газовые магистрали являются одновременно и «трубой мира», и «трубой раздора»: с одной стороны, в трубопроводе, в порядке вокруг него заинтересованы все, по чьей территории он проходит, с другой — порядок (или его отсутствие) оказывается удобным объектом шантажа и торга.

Сотрудничество России с мусульманским нефтяным бизнесом носит ситуативный спорадический и в целом малоэффективный характер. Разговоры о возможности его расширения напоминают бытовавшие в 1990-х годах разговоры о так и не состоявшемся приходе в Россию «исламского капитала».

В ближайшие годы за исключением, пожалуй, сотрудничества с Алжиром на углеводородном направлении трудно ожидать прорыва. С другой стороны, постоянное расширение рынков сбыта, устойчивое развитие Юго-Восточной Азии, Китая, рост потребности в энергоносителях в Африке предполагает некоторое ослабление конкуренции между экспортерами. Однако, с другой стороны, стремление главных потребителей нефти и газа диверсифицировать энергетический импорт может привести к обострению этой конкуренции.

Оружие

Сотрудничество России с мусульманскими странами в военной области, как и во времена Советского Союза, остается в значительной степени фактором политики. Общая сумма продаж оружия мусульманам заметно уступает размерам экспорта главным российским партнерам — Китаю и Индии. С 1995 по 2005 гг. российский экспорт вооружений достигал 48,7 млрд долл., из которых почти 60% пришлось на Китай и Индию⁴⁷.

В 2004 г. экспорт продукции военного назначения на Ближний Восток и в Северную Африку составил лишь 10% общего объема⁴⁸. Россия не может осуществить масштабный выход на рынок вооружений Ближнего Востока. Хотя надежды на это после 11 сентября 2001 г. и осложнений у США со странами Персидского залива появились. Рост торговли сдерживается конкуренцией американцев и европейцев, вооружение которых в плане современных технологий превосходит российское. В 1990-х годах поставки оружия тормозились колоссальной задолженностью мусульманских стран Советскому Союзу. Прямые долги Ирака превышали 9,421 млрд долл., Сирии — 1,378 млрд⁴⁹, Алжира — 4,7 млрд⁵⁰. Правда, в последние годы эти долги благодаря так называемой системе компенсаций были реструктурированы и сокращены. Так, алжирский долг был сокращен на 40%⁵¹, а в 2006 г. фактически ликвидирован, поскольку стал использоваться в качестве зачета в российско-алжирских экономических отношениях. На 73% был сокращен долг Сирии⁵².

Продажи российского оружия в большинстве случаев не влияют на стратегический баланс сил между мусульманскими государствами и их немусульманскими противниками. Тем не менее поставки на Ближний Восток, а также Ирану поддерживают у некоторых режимов, а также у мусульманских радикалов ощущение собственной силы, меньшей уязвимости и в отдельных случаях подталкивают их к более жесткой политической позиции. Политический акцент наиболее выражен в военных поставках членам «оси зла» — Сирии и Ирану, а также ливанской «Хизбалле».

Среди мусульманских стран чаще всего контракты на закупку оружия заключают Кувейт, Алжир, Йемен, ОАЭ. К 2006 г. Алжир подписал с Россией контракты на сумму 7,5 млрд долл., что вывело его на третье место среди импортеров российских вооружений после Китая и Индии.

На вооружении **Сирии**, у которой «не сложились» отношения с США и Европой, по-прежнему устаревшее, нуждающееся в перманентном ремонте советское оружие. Например, она закупила у СССР 200 вертолетов, из которых сейчас эксплуатируется 60, и поддерживать их в рабочем состоянии становится все труднее. Ее самолетный парк составляют МиГи различных модификаций. Имеются у нее полученные в 1970—1980-х годах средства ПВО. Остается на вооружении и советская бронетехника. Военное сотрудничество фактически сводилось к поддержанию в состоянии боеготовности имеющегося оружия. Новое современное оружие из России поступает редко, в основном это средства борьбы с танками. Тем не менее в начале 2006 г. во время визита в Дамаск начальника российского Генерального штаба Юрия Балуевского стороны обсуждали вопрос о возможности поставки в Сирию комплекса ПВО ближнего радиуса действия (до 5 км) «Стрелец», а также комплекса «Тунгуска»⁵³. В 2006 г. обсуждался вопрос о возможности закупки самолетов МиГ-29СМТ, Як-130, был заключен контракт на поставку зенитно-ракетных пушечных комплексов «Панцирь-С1».

В 2006 г. в связи с военным столкновением между Израилем и «Хизбаллой» был поднят вопрос о том, что на вооружении у этой признанной на Западе террористической группировки находится российское оружие. В самом деле, «хизбаллахи» располагали некоторым количеством установок залпового огня «Град», боевыми машинами пехоты и танками еще советского производства. Будучи сильно устаревшим (кое-какая техника была произведена в 1970-е, а то и в 1960-е годы), в глазах

израильтян это оружие все равно выглядело символом поддержки Россией исламистов. На вооружении у «хизбаллахов» были лишь считанные единицы современной боевой техники (противотанковые ракетные комплексы «Корнет-Э» и «Метис-М»), переданные им Сирией.

Аналитики отмечают «высокую степень закрытости **российско-иранского** военно-технического сотрудничества»⁵⁴, что допускает возможность заключения и реализации контрактов, которые могут качественно улучшить систему обороны Ирана. В Иране и без того немало советской военной техники. Например, на вооружении его армии и Корпуса стражей исламской революции состоят сотни танков Т-72М1 и Т-55, а также БМП и БТР. В 2004 г. завершилась поставка в Иран 36 вертолетов Ми-171Ш, в 2005 г. заключен контракт на модернизацию 30 фронтовых бомбардировщиков Су-24, на которых возможна установка тактического ядерного оружия⁵⁵.

Наиболее важно для Тегерана получить современные средства ПВО, прикрывающие ключевые объекты иранской ядерной программы. В 2005 г. был заключен контракт на поставку 30 зенитных ракетных комплексов «Тор-М1» (общая сумма — 1,4 млрд долл.), которые, по мнению российской стороны, не нарушают баланс сил в регионе. По словам вице-премьера Сергея Иванова, «нравится ли это кому-нибудь или нет, но контракт будет выполнен»⁵⁶. Эти поставки вписываются в общий подход России к иранской ядерной программе.

Сотрудничеству России с Ираном в сфере ядерных технологий, которое при его политической амбициозности переходит за черту собственно экономической кооперации, сопутствует военная составляющая. Появляется повод и для рассуждений о том, какие последствия для России может иметь создание Ираном ядерного оружия, которое иногда интерпретируется как «исламская атомная бомба». Разумеется, само это понятие есть некая идеологема, а то и просто лежит в области эмоций. Однако, оказавшись на вооружении сил, придерживающихся исламистских убеждений, ядерное оружие понимается именно как средство отстаивания интересов ислама. Если остановить распространение ядерного оружия не удастся, то помимо Ирана ближайшие мусульманские кандидаты на владение им — Египет и Саудовская Аравия. Когда «бомба» перестанет быть в мусульманском мире раритетом (сегодня она есть только у Пакистана), престиж России среди мусульман понизится. Во-первых, уменьшится пиетет перед ее статусом ядерной державы, а во-вторых,

упадет потребность в ней как в контрбалансе (иллюзорном) Соединенным Штатам. Россия явно проиграет в случае обретения Ираном ядерного оружия и потому, что в этом случае Тегеран, поверив в свою неуязвимость, станет еще более неуступчив, например, в вопросе о разграничении Каспия.

Военно-техническое сотрудничество России с Ираном и Сирией раздражает Соединенные Штаты, которые предпринимают попытки по его ограничению и прекращению. В январе 2002 г. американский президент в послании к Конгрессу причислил Иран к «оси зла», а в мае 2002 г. в ежегодном докладе Государственного департамента США Иран был назван «самым активным спонсором терроризма». Вашингтон запретил деятельность в США российских компаний «Сухой» и «Рособоронэкспорт», противоречащую, по его мнению, принятому в США в 2000 г. внутреннему закону «О нераспространении в отношении Ирана», запрещающему поставки туда некоторых типов вооружений и соответствующих технологий. Правда, после встречи Буша и Путина санкции против «Сухого» были отменены. Зато в 2007 г. последовали санкции против Коломенского КБ машиностроения и Тульского КБ приборостроения.

«Под присмотром» находятся и военно-технические контакты Москвы с Дамаском. Контракт с Сирией на поставку зенитно-ракетного комплекса «Игла» в 2005 г. был отменен из-за подписания Россией и США соглашения по ограничению поставок вооружений в опасные районы и регионы мира. «Игла», как признал генеральный директор «Рособоронэкспорта» Сергей Чемезов, именуется «оружием террористов», этот комплекс «легко переносится и может эффективно использоваться»⁵⁷. Не состоялся контракт на поставку в Сирию зенитно-ракетного комплекса «Искандер» с дальностью действия до 300 км. Против этой сделки также выступили США и Израиль, и Москва отказалась от нее.

Россию вмешательство в ее и без того непростые отношения с мусульманскими партнерами раздражает, и она пытается его ограничить. Заместитель председателя Комитета по военно-техническому сотрудничеству с зарубежными государствами Юрий Хозяинов считает, что России важно «воспрепятствовать составлению и принятию в качестве официальных документов так называемых черных списков импортеров вооружений, в составе которых могут оказаться традиционные партнеры России по ВТС, например, такие страны, как Сирия, Ливия, Иран»⁵⁸. Настойчивость России, порой на грани фола, приносит результаты — со-

трудничество продолжается. Однако и в Москве также понимают, что военное сотрудничество с Ираном и Сирией (в меньшей степени) имеет свои пределы, оно ограничено не только давлением США, но и авантюризмом самих получателей оружия.

Продажа вооружений остальным мусульманским странам — дело аполитичное, сугубо коммерческое. Самым крупным клиентом России на Ближнем Востоке в середине 2000-х годов по закупкам самолетной техники был Йемен, куда в 2002 г. было поставлено 16 МиГ-29 разных модификаций, а в 2004 г. Россия приступила к их модернизации. Однако теперь его обошел Алжир, куда с 2004 г. было продано 42 транспортно-боевых вертолета на 180 млн долл. В 2005—2006 гг. планировалось поставить в эту страну 49 МиГ-29.

Египет в 1999—2000 гг. закупил 20 российских вертолетов разных типов. Судану продано 12 МиГ-29, но сотрудничество с ним сдерживает неаккуратность в платежах. Общая сумма контрактов с Суданом — 549 млн долл.

Из стран Персидского залива в 1990-х годах сравнительно энергично развивались отношения с Кувейтом, куда в 1995—1996 гг. было поставлено 122 БМП. Объединенные Арабские Эмираты по контракту от 1999 г. получили из России 50 комплексов «Панцирь-С1». В начале нынешнего века ходили слухи о возможности закупки крупной партии российских военных самолетов Саудовской Аравией. Однако они так и остались слухами: в 2006 г. королевство подписало контракт на 15 млрд евро с Великобританией на закупку 72 истребителей «Еврофайтер Тайфун». Это огорчило не столько Россию, сколько Соединенные Штаты, надеявшиеся на продажу в эту страну своих Ф-15.

Наиболее ходовым товаром на мусульманском торговом рынке для России остаются боевые машины пехоты, танки, противотанковые ракеты и вертолеты. Спросом традиционно пользуется и знаменитый «Калашников», но он теперь поступает не только из России, но и из стран СНГ — Украины, Белоруссии, Казахстана⁵⁹, а также из Китая.

Отмечу, что если в прежние годы самая передовая технология предоставлялась почти исключительно Китаю и Индии, то в 2003 г. монополия этих двух гигантов была нарушена. Был заключен контракт на поставку 18 современных самолетов Су-30МКМ в Малайзию⁶⁰, сотрудничество с которой в Москве предполагают интенсивно расширять.

Постепенно развивается и космическое сотрудничество. При содействии России Саудовская Аравия запустила семь спутников,

в 2005 г. был запущен небольшой иранский спутник. Подписано соглашение о запуске малазийского космонавта. Следующими среди мусульман космонавтами могут стать турок и египтянин⁶¹.

Сведения о военных поставках далеко не всегда оказываются верны, ибо такая деликатная сфера, как военно-техническое сотрудничество, окружена тайной и может сопровождаться мистификациями. Приведу только один, зато показательный пример: посетив в 1995 г. выставку вооружений в Абу Даби, российский министр обороны Павел Грачев объявил о закупках российского оружия на 11 млрд долл. На самом деле контракты были подписаны на 1,9 млрд долл.⁶²

Выйдя в 2006 г. на второе после США место в мире по продаже оружия⁶³, Россия оказывается перед вопросом: руководствоваться ли и далее в военно-техническом сотрудничестве с мусульманскими странами политическими соображениями или сделать главную ставку на коммерческую выгоду? Пока между чисто экономической выгодой и внешнеполитическим курсом существует гармония. «Покровительствуя» Ирану, Россия одновременно получает чисто финансовые дивиденды. Военные поставки в Сирию символизируют самостоятельную позицию Москвы в ближневосточном конфликте. Закупка современных самолетов Малайзией может быть представлена как намерение России содействовать одной из наиболее авторитетных мусульманских держав в усилении независимости от Запада. Существующий в официальной идеологии дискурс «самобытности» российско-мусульманских отношений может использоваться в качестве обоснования в том числе и для военно-технического сотрудничества.

Интерес России к сотрудничеству с мусульманским миром обусловлен причинами политического и в меньшей степени экономического порядка. Апелляция к этому сотрудничеству носит конъюнктурный и инструментальный характер. С другой стороны, Россия так и не подобрала новый, «несоветский» ключ к исламскому сообществу. У мусульман сохраняется чувство недоверия к России. Она остается для них чужой в политическом отношении и *чуждой в отношении культурном*.

Отношения России с мусульманством зависят от многих причин:

- от общей внешнеполитической доктрины, связанной с внутренней обстановкой в стране;
- от того, проявится ли в российском обществе и его элите стремление «прибиться» к какому-нибудь геополитическому берегу или, напротив, замкнуться в изоляционизме;

- от политических и идеологических тенденций, которые будут определять облик мусульманского мира;
- от того, как будут складываться связи мусульман с Западом.

В конце концов российско-мусульманская «дружба» будет обусловлена тем, насколько сильной будет Россия в военно-политическом плане и насколько продвинута экономически. Эти два момента определяют ее привлекательность как партнера в глазах мусульман.

Бдительно отслеживают в мусульманском мире и демографическую ситуацию в России, а некоторые его лидеры всерьез полагают, что их внуки будут общаться с Россией уже как с «полумусульманской» державой, а внуки их внуков — и вовсе как с мусульманской.

В ближайшей перспективе Россия не станет солидаризироваться с мусульманским миром. Но даже если предположить, что в силу каких-то непредсказуемых обстоятельств такое произойдет, ее поддержка не сыграет выдающейся роли в противоречиях мусульманских стран и Запада, как это имело место в советские времена.

Нестандартно мыслящий политолог Сергей Градировский предлагает три сценария взаимодействия России и мусульманского мира. Первый: легкий переход Запада к информационному обществу, уменьшение значения углеводородов. И тогда «исламский мир оказывается за бортом». Второй: также переход к такому обществу, но уже *мучительный*. Не готовый в условиях переходного периода обеспечить своему населению привычные стандарты уровня жизни, Запад развязывает войну. В этом случае ислам будет оказывать стабилизирующую роль в течение тысячи лет. Третий, самый вероятный — все участники будут оттягивать переход к информационному обществу. Нефть сохранит свою существенную роль. «В этом случае следует ожидать договоренностей мусульманских стран с Москвой, результатом которых станет появление нового международного игрока, контролирующего глобальный рынок энергоресурсов». «Исламский мир и Россия получают время для модернизации, крайне сложной и болезненной, затрагивающей культурные основания обоих миров»⁶⁴. Последний сценарий очень напоминает сюжетную линию книги «Вариант “И”» Владимира Михайлова.

Стратегическое партнерство России и мусульманского мира (хотя представить партнерство с совокупностью государств, взятых как целое по религиозному принципу, почти невозможно) может состояться при выполнении трех условий: 1) экономичес-

кий и военно-технологический рывок России, который восстановит ее конкурентоспособность по отношению к Соединенным Штатам; 2) тотальная, включая правящие элиты ведущих государств, радикализация на религиозной основе мусульманского общества; 3) обоюдная *сверхгипертрофия* антизападничества. При реализации этих условий радикальный ислам станет в глазах квазисоветского Кремля аналогом национально-освободительного движения и может рассчитывать на поддержку России, которая, в свою очередь, будет заинтересована в оказании этой поддержки. В обозримом будущем эти условия невыполнимы.

Примечания

¹ *Мирский Г. И.* «Исламская революция» // Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки. — Ташкент, 1980. — С. 105.

² Материалы XXIV съезда КПСС. — М., 1981. — С. 13.

³ *Примаков Е. М.* Восток после краха колониальной системы. — М., 1982. — С. 68–87.

⁴ *Albright M.* Faith and Diplomacy // The Rev. of Faith & Intern. Affairs. — 2006. — Vol. 4. — № 2. — Fall. — P. 9.

⁵ *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избранные письма. — М.: Наука, 1991. — С. 25.

⁶ *Шерр Дж.* Войны, энергобезопасность и беспощадная демократия // Независимая газ. — 2006. — 11 дек.

⁷ *Мальшева Д.* Россия и мусульманский Север в водоворотах нового миропорядка. — М., 2003. — С. 29.

⁸ *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. — М.: ЗАО РИЦ «Зацепа», 2001.

⁹ *Малашенко А. Тренин Д.* Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2002.

¹⁰ Sunday Express. — 2006. — Sept. 3.

¹¹ *Аллисон Р.* Россия и южные страны: военно-политическая безопасность // Безопасность России. XXI век. — М., 2000. — С. 107.

¹² *Кажегельдин А.* Оппозиция средневековью. — Лондон; Москва, 2000. — С. 236.

¹³ Это не наш God: Интервью Михаила Леонтьева Михаилу Калужскому // Большая политика. — 2006. — № 3 (5). — С. 17.

¹⁴ *Рашидов Б.* Россия в Центральной Азии: возможности и перспективы // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4182&print=1>.

¹⁵ Iran, Its Neighbours and the Regional Crises: A Middle East Programme Report / Chattam House. The Royal Inst. of Intern. Affairs. — [S. l.], 2006. — P. 40.

¹⁶ *Круг П.* Церковная дипломатия перед концом света // НГ-религии. — 2006. — 28 февр.

¹⁷ *Петров В.* Ближневосточная политика России // Современ. мысль. — 2006. — № 9. — С. 4.

¹⁸ *Lee Myers S.* The New role for Russia in Mideast? It seeks it? // *The New York Times*. — 2006. — Sept. 10.

¹⁹ Выступление на радиостанции «Эхо Москвы» 16 августа 2006 г.

²⁰ *Токарева Е.* Записки рядового информационной войны. — М.: Преском «Яуз», 2005. — С. 266—267.

²¹ *Макаренко В.* Кто союзники России? — М., 2000. — С. 98.

²² *McAllister J. F. O.* Russia's New World Order // *Time*. — 2006. — July 10.

²³ *Ibid.*

²⁴ The Sen. Richard G. Lugar — Purdue University Summit on Energy Security. (August 29, 2006).

²⁵ *Попов В.* Россия намерена присоединиться к исламской конференции // *Отечеств. записки*. — 2003. — № 5. — С. 219.

²⁶ Россия и ислам: Интервью с депутатом Государственной думы России Ш. Султановым // *Лит. газ.* — 2004. — 13—19 окт.

²⁷ Исламский мир и внешняя политика России // *Междунар. жизнь*. — 2005. — № 5. — С. 77—79.

²⁸ *Гудиашвили Д.* Турция и российско-чеченская война 1994—1996 годов // *Центр. Азия и Кавказ*. — 2002. — № 5 (23). — С. 87.

²⁹ Правда, по одной из версий в 1996 г. на встрече исламских организаций в столице Сомали Могадишо велась речь о посылке в Чечню 700 добровольцев-мусульман из разных стран. Однако эти муджахеды в Чечне не были обнаружены.

³⁰ Россия — часть мусульманского мира // *Все об исламе*. — 2003. — № 8. — Май. — С. 2.

³¹ Рисэлэт. Послание [Уфа]. — 2004. — № 7 (74). — Июль. — С. 1.

³² *Недумов О.* Исламские лидеры строятся вокруг Кремля // *Независимая газ.* — 2003. — 27 марта.

³³ *Степанов Г.* «Мы клянемся разрушить ваш крест в центре Рима» // *Известия*. — 2006. — 18 сент.

³⁴ В январе 2006 г. было предложено вступить в ОИК и Индии, однако этого не произошло вследствие ее противоречий с Пакистаном.

³⁵ Большая политика. — 2006. — № 3 (5). — С. 20.

³⁶ *Шерматова С.* Подружиться с исламским миром России легче, чем со своими мусульманами // *Большая политика*. — 2006. — № 5. — Май. — С. 46.

³⁷ *Галиуллин М.* Сотрудничество во имя будущего // *Мусульм. газ.* — 2000. — № 4. — Апр.—май. — С. 6.

³⁸ <http://www.inosmi.ru/print/225602.html>.

³⁹ Удар по России скоро может стать реальностью: Эксклюзивное интервью с генерал-полковником Леонидом Ивашовым // <http://www.utro.ru>.

⁴⁰ Исламский мир и внешняя политика России // *Междунар. жизнь*. — 2005. — № 9. — С. 80.

⁴¹ *Милов В.* Может ли Россия стать нефтяным раем? // *Pro et Contra*. — 2006. — № 2—3 (32). — С. 10—11.

⁴² *Кравец М.* Нефть 2020: прогноз ОПЕК // *Нефтегазовая вертикаль*. — 2004. — Февр. — С. 54.

⁴³ *Жизнин С. З.* Энергетическая дипломатия. — М., 1999. — С. 122.

⁴⁴ *Russian Business Monitor*. — 2002. — Oct. 16.

⁴⁵ *Заславский А.* Российская добыча на Ближнем Востоке // Pro et Contra. — 2006. — № 2—3 (32). — С. 46—47.

⁴⁶ *Олкотт М. Б.* «Дружба народов» в мире энергетики // Pro et Contra. — 2006. — Март—июнь. — С. 32.

⁴⁷ Exported weapons from Russia in 1995—2005 // http://web.sipri.org/contents/armstrad/at_data.html.

⁴⁸ АРМС-ТАСС (<http://www.armstass.su/?page=article&aid=20735&cid=43>).

⁴⁹ Закон «О федеральном бюджете на 2007 год», приложение 51 «Размер долга иностранных государств по кредитам, предоставленным правительством бывшего СССР и правительством Российской Федерации (по состоянию на 1 января 2006 г.)».

⁵⁰ На самом деле долги выглядят еще более впечатляюще. Так, только прямой долг Ирака составляет 7 млрд долл. (*Миронов Н. В.* Нефтяная промышленность Ирака — есть ли у российских компаний перспективы принять участие в освоении богатейших ресурсов региона после снятия санкций ООН? // Внешнеэкон. вестн. — 1998. — № 7. — С. 51).

⁵¹ АРМС-ТАСС (<http://www.armstass.su/?page=article&aid=20735&cid=43>).

⁵² Снять осаду Асада // Время новостей. — 2006. — 5 дек.

⁵³ *Плугатев И.* Генштаб не забывает о военном сотрудничестве с Сирией // Независимое воен. обозрение. — 2002. — 10 февр.

⁵⁴ *Барабанов М.* Россия на рынке вооружений Ирана // Экспорт вооружений / Центр анализа стратегий и технологий. — 2005. — № 5 (сент.—окт.) (http://www.cast.ru/journal1/2005/5_2005_2).

⁵⁵ *Канаев П.* США запретили российское оружие // Взгляд: Деловая газ. — 2006. — 5 авг.

⁵⁶ США обеспокоены военно-техническим сотрудничеством Ирана и РФ // Страна.Ru. — 2005. — 8 дек.

⁵⁷ Программа РТР «Вести+», 2 ноября 2005 г.

⁵⁸ *Хозяинов Ю.* Экспорт российских вооружений: возможности, проблемы и перспективы // Экспорт вооружений / Центр анализа стратегий и технологий. — 2002. — № 4 (июль—авг.) (http://www.cast.ru/journal1/2002/4_2002export).

⁵⁹ После распада СССР имевшееся в избытке устаревшее оружие включая боевые самолеты продавалось почти всеми бывшими советскими республиками.

⁶⁰ The SIPRI Arms Transfers Database (http://web.sipri.org/contents/armstrad/at_data.html).

⁶¹ Россия и мусульманский мир. — 2005. — № 59. — С. 41.

⁶² *Баранец В.* Ельцин и его генералы. — М., 1997. — С. 214—215.

⁶³ Стокгольмский международный институт исследований проблем мира даже считает, что Россия вышла на первое место в мире. Однако на этот счет у российских специалистов существует сомнения. Так, заместитель директора Центра анализа стратегий и технологий Константин Макиенко считает, что не следует «брать на веру лестные для отечественной оборонной промышленности выводы скандинавов... поскольку шведы считают не реальные деньги... а стоимость оружия и военной техники по мировым ценам» (<http://www.rutoday.ru/news/4801>).

⁶⁴ *Градиловский С.* Если такие верные — почему не счастливые? // Большая политика. — 2005. — № 3 (5). — Март. — С. 21.

Заключение

Что впереди?

Ислам — судьба России. Этому обстоятельству можно радоваться, можно быть им недовольным, но уйти от него невозможно.

1. Религиозный компонент в сознании российских мусульман будет нарастать. От гармонии исламской идентичности с идентичностью гражданской напрямую зависят отношения между двумя крупнейшими конфессиями России, а значит, стабильность в обществе. Такая гармония возможна лишь в обществе с низким уровнем ксенофобии (полностью преодолеть это явление невозможно нигде), уровень которой продолжает возрастать. Ее частью является исламофобия.

2. Упрочение религиозного самосознания не приведет, однако, к интеграции мусульманского сообщества, которое останется неоднородным, состоящим из двух больших массивов — татарского (татаро-башкирского) и северокавказского, каждый из которых сохранит свою специфику, будет ориентирован на реализацию собственных интересов, как мирских, так и религиозных. У каждого будут свои лидеры.

Сохранятся противоречия внутри каждого из двух ареалов. В татаро-башкирской среде продолжится соперничество за главенство на институциональном и персональном уровнях, в явной и скрытой форме. На Северном Кавказе борьба за региональное лидерство невозможна. Зато сохранятся препятствующие единоличному главенству противоречия на этнической основе.

3. Более сплоченным видится исламское радикальное (назову его исламистским, а не ваххабитским) направление, которое объединяется на базе если не общей идеологии, то во всяком случае общих лозунгов — шариатизации, солидарности с Чечней, призыва к поддержке мирового исламизма, частью которого российские исламисты себя считают, а в последние годы таковой и являются.

Перспективы исламизма в России зависят как от внутренней обстановки, так и от международной ситуации. К внутренним факторам относятся нерешенность социальных проблем, поваль-

ная коррупция, чрезмерная жестокость силовых структур при подавлении оппозиции, т. е. все, что побуждает мусульман искать выход на религиозной, конкретно — исламистской стезе. Исламисты чутко воспринимают слабость власти — местной и федеральной, даже если она ее скрывает. Признаком слабости является использование почти исключительно карательных мер.

Что касается внешних факторов, то, во-первых, речь идет о финансовой помощи международных организаций. В 2000-х годах рука дающего оскудела: с одной стороны, спонсоры ожидали от своих вложений большей отдачи, с другой — российские спецслужбы повысили эффективность. Исламисты понесли потери, и количество «реципиентов» внешней помощи сократилось.

Зато, во-вторых, российские исламисты испытывают радостное возбуждение в связи с успехами своих единомышленников на Ближнем Востоке, в Ираке, Афганистане, наконец, в Европе — везде, где не на жизнь, а на смерть сражаются муджахеды XXI в. Скорее всего расширится участие российских исламистов в конфликтах за пределами России.

Террор в России сохранится, хотя его масштабы будут более ограниченными, а формы изменятся. Захват заложников и взрывы на транспорте не приносят ожидаемых их инициаторами результатов. Террор станет более изощренным.

4. На Северном Кавказе будет нарастать политизация традиционного ислама — феномен относительно новый, но, по всей видимости, очень устойчивый. Это, с одной стороны, укрепит позиции местной администрации, с другой — усилит их зависимость от религии. Последнее обстоятельство, в свою очередь, может создать дополнительные проблемы для федеральной власти.

5. Государство и впредь будет относиться к мусульманам и исламу с публичной симпатией, а в действительности — скептически-настороженно. Уйти от этой интонации оно не может, да по сути и не желает.

Власть продолжит поддерживать контроль над духовными управлениями и центрами, хотя и не возобновит попытки объединить их в единую структуру. Большая часть мусульманского сообщества останется лояльной федеральной власти (если, конечно, в его глазах она будет выглядеть убедительно).

Вряд ли возможно изменение стратегии государства в отношении исламской оппозиции, которая будет подавляться. После сравнительных успехов на Северном Кавказе светская власть едва ли сочтет уместным начать диалог с исламистами, разве что после их капитуляции (как это произошло с частью чеченских

муджахедов). Примиренческие высказывания отдельных политиков останутся лишь случайными эпизодами.

6. Исламский фактор сохранит значение для внешней политики России хотя бы в силу того, что она будет придерживаться тезиса о специфике (в отличие от Запада) своих отношений с мусульманским миром.

Для России связь с мусульманским миром останется маркером курса на многополярный мир, самостоятельности ее внешней политики. Она будет позиционировать себя как «частично мусульманская держава» и вместе с тем как посредник между мусульманским миром и Западом.

Москва, может быть, вновь рискнет выступить в качестве медиатора между Западом и радикальным исламом. Пока что выгоды от такого медиаторства для России сомнительными. Однако ее намерение действовать «наособицу» сохранится. Более того, если предположить дальнейшее ухудшение российско-американских отношений, то карта радикального ислама окажется еще более востребованной.

7. В то же время Кремль будет придерживаться установки на наличие «исламской угрозы». Возникает вопрос об антитеррористической коалиции, которая начиная с 2005—2006 гг. существует по большей части вербально или на бумаге — ее участники предпочитают бороться против «своих» террористов.

Будущее коалиции весьма туманно, а ее реанимация возможна только при условии консолидации сил международного терроризма и дальнейшей интернационализации этого движения.

8. Среди российских экспертов и политиков нередко звучат высказывания об исламизации России, неизбежном превращении ее в общество с мусульманским большинством. Созвучные оценки попадают в публикациях российских мусульман. Да и в исламском зарубежье можно услышать, что раньше или позже в России произойдет смена религии.

Эта книга посвящена нынешним проблемам российского мусульманства, и встречающиеся в ней прогностические выкладки ограничены ближайшими пятью-десятью годами. Ни в ближайшее время, ни к 2050 г., который видится многим хронологическим порогом, говорить об исламизации России не приходится.

Библиография

- Абдулатипов Р. Г.* Судьбы ислама в России. — М.: Мысль, 2002.
- Абулатипов Р.* Нация и национализм: добро и зло в национальном вопросе. — [Б. г.], [б. м.].
- Академическая и вузовская наука народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. — М., 2004.
- Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. — М.: ЗАО РИЦ «Защита», 2001.
- Амиров Р.* Ислам и политика: Беседы об исламе. — М., 2005.
- Арухов З.* Экстремизм в современном исламе. — Махачкала, 1999.
- Асадуллин Ф.* Москва мусульманская. — М., 2003.
- Асиятилов С. Х.* Ислам спасет будущее Дагестана. Махачкала, 1999.
- Ахтямов М. Д.* Исламский прорыв. — Екатеринбург: Ультра Культура, 2005.
- Баранец В.* Ельцин и его генералы. — М., 1997.
- Батыргарей Ф.* Татары в Тверском крае. — Тверь, 2004.
- Беджанов М. Б.* Ислам — мировая религия. — Майкоп, 2005.
- Бурьянов С. А.* Религия на выборах в России: Фактор отношений государства с религиозными объединениями в федеральном избирательном цикле 2003—2004 года. — М., 2005.
- В пределах светскости / Сост. А. Верховский. — М., 2005.
- Веллер М.* Кассандра. — СПб., 2002.
- Военно-социологические исследования: Сб. статей / Гл. упр. воспитат. работы Вооруж. сил Рос. Федерации. Социол. центр ВС РФ. — № 4. — М., 2003.
- Волос А.* Маскавская Мекка. — М., 2003.
- Вступая в третье тысячелетие: религиозная свобода в плюралистическом обществе: Материалы международной конференции (Москва, 23—24 марта 1999 г.). — М., 2000.
- Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский.* Будь верен до смерти (Православие и современность). — М., 1993.
- Гайнутдин Р.* Выборы в России и выбор мусульман (По материалам социологического исследования «Электоральные предпочтения российских мусульман», проведенного Советом муфтиев). — М., 2004.
- Гайнутдин Р.* Ислам в современной России. — М., 2004.
- Гордин Я.* Кавказ: земля и кровь. — СПб., 2000.

Государственно-конфессиональные отношения в современном Татарстане. — Казань, 2003.

Государство. Антропоток. Доклад 2002 / Центр стратег. исследований Приволж. федер. округа. — Н. Новгород; Москва, 2002.

Гудков Л. Д. Динамика этнофобий в России последнего десятилетия: Доклад на конференции «Национальные меньшинства в Российской Федерации». — М., 2003.

Дашкова П. Чеченская марионетка, или Продажные твари. — М., 2000.

Дервянко И. Бойцовский клуб. — М., 2005.

Добаев И. Исламский радикализм. — Ростов н/Д, 2003.

Добаев И., Немчинова В. Новый терроризм в мире и на юге России. — Ростов н/Д, 2005.

Доренко С. 2008: Роман. — М.: AdMarginem, 2005.

Жизнин С. З. Энергетическая дипломатия. — М., 1999.

Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия. — М., 2001.

Ислам в Евразии. — М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Ислам в России: традиции и перспективы: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. 4–5 декабря 1997. — М., 1998.

Ислам в Российской империи: Законодательные акты, описание, статистика / Сост. и авт. введ. ст. Д. Ю. Арапов. — М., 2002.

Ислам и его роль в современной идейно-политической борьбе развивающихся стран Азии и Африки. — Ташкент, 1980.

Ислам и право в России: Вып. 1. — М., 2004.

Кажегельдин А. Оппозиция средневековью. — Лондон; Москва, 2000.

Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. — М., 2004.

Корецкий Д. Код возвращения. — Т. 1. — М., 2006.

Культура мира: от утопии к реальности. — Казань, 1999.

Курбанов Х. Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе. — Ростов н/Д, 2006.

Кусова С. Россия между «Норд-Остом» и Бесланом: По материалам федеральной прессы. — М., 2005.

Латынина Ю. Джаханнам, или До встречи в аду. — М.: ЭКСМО, 2005.

Магомедов А. К., Мацузато К., Викторин В. М. Ислам и политика в современной России: «ядро» и «периферии» мусульманского пространства. — Ульяновск, 2006.

Макаренко В. Кто союзники России? — М., 2000.

Малашенко А. Исламское возрождение современной России / Моск. Центр Карнеги. — М., 1998.

Малашенко А. Исламские ориентиры Северного Кавказа / Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2001.

Малашенко А. Тренин Д. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2002.

Мальшева Д. Россия и мусульманский Север в водоворотах нового миропорядка. — М., 2003.

Манифест: Сценарии политического представительства уммы во властных структурах Российской Федерации и насущная необходимость единения мусульманской уммы. — Н. Новгород, 2006.

Материалы XXIV съезда КПСС. — М., 1981.

Мельков С. А. Исламский фактор и его влияние на военную политику России: Дис. ... д-ра политол. наук / Воен. ун-т. — М., 2002.

Миграции на Кавказе: Материалы конф. — Ереван, 2003.

Минаев С. Духless: Повесть о ненастоящем человеке. — М.: Транзиткнига, 2006.

Михайлов В. Вариант «И». — М.: АСТ, 1997.

Модестов С. А. Геополитика ислама. — М.: Мол. гвардия, 2003.

Мусульмане изменяющейся России. — М.: РОССПЭН, 2002.

Муфтий Равиль Гайнутдин. Обращение к прошлому — не самоцель, а проявление заботы о настоящем и будущем ислама и мусульман России: Доклад на Междунар. науч.-богослов. конф., посвященной 1400-летию начала распространения ислама на территории России. — М., 2000.

Муфтий шейх Равиль Гайнутдин. Экономическое и финансовое управление религиозными и благотворительными организациями — реалии и перспективы: Доклад на четвертом Всерос. семинаре руководителей духовных управлений мусульман. — [Б. м.], 2005.

Мухаметшин Р. Ислам в общественно-политической жизни татар и Татарстана в XX веке. — Казань, 2005.

Мухетдинов Д. В. Азан над Волгой. — Н. Новгород, 2005.

Набиев Р. А. Ислам и государство. — Казань, 2002.

О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2002 г. // <http://www.gks.ru/PEREPIS/report.htm>.

Ольбик А., Индорбоев А. Операция Армагеддон отменяется. — М., 2006.

Отношение москвичей к религии и церкви / Ин-т систем. исследований и социологии. — М., 1994.

Политический альманах России 1997 / Под ред. М. Макфола и Н. Петрова; Моск. Центр Карнеги. — Т. 1. — М., 1998.

Пономарев В. Спецслужбы против исламской партии «Хизб ут-Тахрир» / Информ.-аналит. центр «Сова». — М., 2005 (<http://religion.sova-center.ru/publications/4F05BE5&print=on>).

Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. — М., 1982.

Программа Национал-большевистской партии. — М., [б. г.].

Проханов А. Господин Гексоген. — М.: AdMarginem, 2002.

Пучков Л. Операция «Моджахед». — М., 2006.

Религия и идентичность в России / Сост. и отв. ред. М. Т. Степанянц. — М.: «Вост. лит» РАН, 2003.

Религия и политика в современной России. — М.: Изд-во Рос. акад. гос. службы, 1997.

Религия и права человека. — М.: Наука, 1996.

Романенко В. С. Сотрудничество советской дипломатии и мусульманского духовенства СССР в 20-е годы XX века. — Н. Новгород, 2005.

Силантьев Р. Новейшая история исламского сообщества России / ИИПК «Ихтиос». — М., 2005.

Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. — М., 2002.

Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. — М.: Наука, 1986.

Тамоников А. Грозные ворота. — М., 2006.

Токарева Е. Записки рядового информационной войны. — М.: Пресском «Яуза», 2005.

Фаизхановские чтения: Сб. материалов третьей ежегодной науч.-практ. конф. — Н. Новгород: НПО «Махинур», 2006.

Фаллачи О. Ярость и гордость / Пер. с ит. — М.: Вагриус, 2004.

Хабутдинов А. Ю., Мухетдинов Д. В. Всероссийские мусульманские съезды 1905—1906 гг. — Н. Новгород, 2006.

Хакимов Р. Где наша Мекка? — Казань, 2005.

Цивилизации и культуры: Науч. альманах / Ин-т востоковедения РАН. — Вып. 2. — М., 1995.

Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. — М.: Наука, 1991.

Черновская В. Мусульмане Ярославля. — Ярославль, 2000.

Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга, 2004. — М., 2005.

Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии: Ежегодный доклад сети этнополитического мониторинга, 2005. — М., 2006.

Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. — Уфа, 1999.

Якупов В. Ислам традиции: Поиски хорошего ислама. — Казань, 2004.

Roi Ya. Islam in the CIS. A Threat to Stability? — [S. 1.], 2001.

Периодические издания

«Атака», Москва.

«Большая политика», Москва.

«Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов», Москва.

«Вестник Евразии», Москва.

- «Вестник Института Кеннана в России», Москва,
«Внешнеэкономический вестник», Москва.
«Время и деньги», Казань.
«Все об исламе», Москва.
«Газета», Москва.
«Государство и религия в Дагестане». Информационно-аналитический бюллетень, Махачкала.
«День», Москва.
«Звезда Поволжья», Казань.
«Иман», Казань.
«Известия Мордовии», Саранск.
«Известия», Москва.
«Ислам в современном мире». Научный ежеквартальный альманах, Нижний Новгород.
«Лимонка», Москва.
«Международная жизнь», Москва.
«Мир ислама», Казань.
«Москва», Москва.
«Московские новости», Москва.
«Московский комсомолец», Москва.
«Мусульманская газета», Москва.
«Наследие», Махачкала.
«Неприкосновенный запас», Москва.
«Нефтегазовая вертикаль», Москва.
«Новая газета», Москва.
«Новое дело», Махачкала.
«Нур-ул-Ислам», Махачкала.
«Отечественные записки», Москва.
«Политический журнал», Москва.
«Правое дело», Москва.
«Ракурс». Бюллетень Главного управления воспитательной работы Вооруженных сил Российской Федерации, Москва.
«Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы» (ежегодник), Москва.
«Рисэлэт. Послание», Уфа.
«Российские вести», Москва.
«Россия и мусульманский мир». Бюллетень, Москва.
«Русь православная», Москва.
«Свет», Майкоп.
«Современная мысль», Москва.
«Ставропольская правда», Ставрополь.
«Церковный вестник», Москва.
«Центр анализа стратегий и технологий», Москва.
«Центральная Азия и Кавказ», Лулеа, Швеция.
«Эксперт», Москва.

- «Time», New York.
- «Foreign Policy», Washington D.C.
- «The Independent», London.
- «The National Interests», Washington D.C.
- «Nouveaux mondes», Geneve.
- «Sunday Express». London.
- «VIP», Moscow.

Интернет-ресурсы

- Информационное агентство «Regnum» (<http://www.regnum.ru>).
- Сайт Совета муфтиев России (<http://muslim.ru>).
- Чат и форум «com.chat.ka» (<http://www.comchatka.ru>).
- Независимый исламский информационный канал «Islam.ru» (<http://www.islam.ru>).
- Мультипортал «KM.RU» (<http://www.km.ru>).
- Электронное периодическое издание «Лента.ру» (<http://www.lenta.ru>).
- Информационно-развлекательный портал «УралУником» (<http://www.portal.uuc.ru>).
- Сайт «Canada.ru» (<http://www.canada.ru>).
- Форум «Джихад» (<http://forum.vstre4a.info/topic37207.html>).
- Электронное периодическое издание «Утро.ру» (<http://www.utro.ru>).
- Информационное агентство «Фергана.ру» (<http://www.ferghana.ru>).
- Форум сайта «Кастоправда» (<http://www.kastopravda.ru/cgi-bin/forum/YaBB.pl>).
- Форумы о политике и политиках (<http://www.politforums.ru>).
- Официальный сайт президента России (<http://www.kremlin.ru>).
- Форумы Рунета (<http://forum.runet.ru>).
- Сайт «Ислам и Коран в России» (<http://www.koran.ru>).
- Форум волчат «Религия Ислам — джихад — мусульмане — самокритика в мусульманской прессе» (<http://www.volchat.ru/forum/viewtopic.php?t=5468>).
- Форум Астрахань.Ru, «Ислам в России» (<http://forum.astrakhan.ru/index.php?showtopic+8967>).
- Форум газеты «Черновик» (<http://chernovik.net/forum>).
- Форум на сайте «Ислам для всех!» (<http://islam.com.ua/forum/index.php?act=idx>).
- Христианский портал «Евангелие» (<http://www.evangelie.ru>).
- Электорат-инфо (<http://www.electorat.info>).
- The SIPRI Arms Transfers Database (http://web.sipri.org/contents/armstrad/at_data.html).

Summary

The subject of this volume is the relationship of Russian society to Islam today — that is, what the Russian authorities want from Muslims and Islam, which they regard as both a subject capable of independent action and an object to be manipulated for domestic and foreign policy ends.

Russia's rulers are “domesticating” Islam, trying to render it compatible with state policy. They seek to secure the political loyalty of Muslims. The state is establishing control over religious and religious-political activity. Finally, the state wants to remove and be done with opposition which carries out its programs under Islamic slogans. This pertains to Islamists who have come to be termed Wahabbis in Russia, but not to them alone.

But Islamic radicals are not going to disappear from politics or religion. Oppositionist Islam does not yield to guidance from outside; its adherents act according to their own logic, sensing the sympathy of a significant part of Islamic society behind them. They are very skillful at manipulating the idea of social justice and at criticizing corruption and collaboration among the official Muslim clergy.

The loyalty of Muslims to state authority is not limitless, as many perceive a hypocritical attitude toward Islam on the part of secular politicians. Muslims are upset by the political activity of the Russian Orthodox church, whose ambitious reach is expanding in all directions.

Xenophobia is on the rise in Russian society, and part of this is seen in antipathy toward Islam. While it would be inaccurate to say that the situation has now reached critical mass, the dynamic of the growth of Islamophobia is such that it has already deeply penetrated the consciousness of a significant sector of the population. This is stimulated by both domestic conflicts within Russia, in which a tinge of inter-confessional tension is at work, and by the international situation.

For the ruling class, terrorism is becoming a convenient instrument for conducting domestic politics in a way which suits its interests. The war against terrorism becomes a pretext for strengthening the authoritarian elements of the system, putting pressure on the opposition and limiting the freedom of mass media.

The Muslim world remains one of the important vectors of Russian foreign policy. Two approaches may be discerned here: treating the

Islamic world as a homogenous civil-cultural community, and interacting with separate states on the basis of practical mutual interests. Russia's policy towards the Muslim world has been ambiguous; it might be called contradictory and ideologized, but it has also been distinguished by a certain pragmatism.

Russia values its relationship with the Muslim world because it provides an opportunity to demonstrate independence in foreign affairs. Moscow has its own opinion on Iran, Syria, Palestine and Uzbekistan. The Kremlin feels that having its own particular views in this area enhances Russia's authority in both the West and in the Muslim South.

Russia is not taking part in America's proposed "great modernization project" aimed at the democratization of Muslim society and the creation of a "new image of Islam." Moscow considers such an undertaking pointless and even dangerous, as it leads to conflicts. Russian politicians support Europe and America, naturally, in efforts to purge Islam of radical excesses. But if the West is calling for the creation of a "new Islam," Russia would rather see the old, traditional one, as the latter's values, once reestablished, will serve as a barrier against the oppositionist tendencies within the Islamic movement.

While inveighing against religious radicalism at home and supporting its partners in the territory of the former Soviet Union, Moscow nevertheless cooperates, when dealing with the larger outside world, with forces whose practices and ideology are openly Islamist and even extreme.

It should be stressed that the religious component in the consciousness of Russia's Muslims is going to grow. Relations between the two largest confessions in Russia — and thus the stability of Russian society in general — will depend on the harmony achieved among Muslims between their Islamic identity and a secular one.

Consolidation of religious self-identification will not lead, however, to the integration of Muslim society, which will remain diverse. Two major groups will continue to make up its core — the Tatars (Tatar-Bashkirs) and the Muslims of the Northern Caucasus — each of which will retain its specific features and remain oriented towards the resolution of its own problems, both secular and religious.

The Islamic radical movement will become more unified, consolidating itself under the common slogans of Sharia-ization and a call for the support of world Islamism, which Russia's Islamists consider themselves a part of — and indeed have been in recent years. Russian Islamists have felt a joyous excitement over the successes of their like-minded brothers in the Middle East, Iraq, Afghanistan and

finally Europe — everywhere the 21st century Mujaheddin are fighting to the death. It is more than likely that the participation of Russian Islamists in conflicts beyond Russia's borders will increase.

The prospects for Islamism in Russia depend on both domestic factors and the international situation. The Islamists sense the authorities' weaknesses acutely, at the local and federal levels, even when the authorities try to hide them. One sign of weakness, in fact, is the authorities' almost exclusive reliance on force. Terrorism will remain in Russia, although it will take different forms and its dimensions will be more limited. Seizing hostages and setting off bombs in public transport have not produced the results their initiators expected, and terror will thus become more refined.

The state will continue to treat Muslims and Islam with sympathy in public, while in reality regarding them with skepticism and vigilance. There is no other tone for the state to adopt — or indeed that it wants to adopt.

The authorities will retain control any way they can over spiritual boards and centers, although the attempt to join them into a single structure will not be repeated. The major part of the Muslim community will remain loyal to the federal authorities.

The Islamic opposition will continue to be suppressed. After its relative success in the Northern Caucasus, the federal authorities are unlikely to think it appropriate to begin a dialogue with the Islamists, except after their capitulation (as happened with part of the Chechen Mujaheddin.)

The Islamic factor will retain its significance for Russian foreign policy if only because it will support the thesis of Russia's special relationship (as opposed to that of the West) with the Muslim world. This connection with the Muslim world will serve as a "milepost" on the road to a multipolar world and a sign of Russia's independence in foreign policy. Russia will position itself as a "partly Muslim state" and, at the same time, as an intermediary between the Muslim world and the West.

Moscow will continue to act as a mediator between the West and radical Islam (although the advantages gained from such mediation have been dubious to this point). Moreover, if Russian-American relations continue to worsen, then "playing the radical Islam card" will become even more likely on Moscow's part. But at the same time the Kremlin will stick to its concept of the presence of a "Muslim threat."

Russian specialists and politicians often make pronouncements about the Islamization of the country, about the inevitability of Russia

becoming a Muslim-majority society. Similar judgments can be found in the publications of Russian Muslims. And from Muslims abroad one also sees statements to the effect that sooner or later, Russia will surely see a change of religions. This volume deals with the current problems of Russia's Muslims, limiting prognostic calculations to 5–10 years in the future. Neither in the short-term nor by 2050, which many take as a kind of chronological watershed, will there be any reason to speak of the Islamization of Russia.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT
FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA
Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840
E-mail: info@CarnegieEndowment.org
<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906
E-mail: info@carnegie.ru
<http://www.carnegie.ru>

Алексей Малашенко

ИСЛАМ ДЛЯ РОССИИ

Редактор А. И. Иоффе
Художественный редактор А. К. Сорокин
Художественное оформление П. П. Ефремов
Компьютерная верстка И. Д. Звягинцева

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 11.05.2007.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № . Тираж 3000 экз.

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)